

РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМ ПЛЕХАНОВА

VI
ПЛЕХАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

РОССИЯ: ПУТЬ В СТО ЛЕТ (1900—2000)
30.05. — 01.06.2002 г.

Тезисы докладов

Санкт-Петербург
2002

УДК — 141. 82

ББК — 66. 62 + 87. 3(2)6 — 602

П 38

ВАНДАНОНЦИАН ՐԱԶԴՆՅՈԾՈՒՅԹ

ԱՎՈՆԱՀԵՊՄ ՄՕՏ

Составитель и редактор
Научные рецензенты

- Т.И.Филимонова, канд. ист. наук
- М.А.Абрамов, докт. филос. наук,
- В.В.Соколов, докт. ист. наук.

Сборник содержит тезисы докладов участников VI Плехановских чтений, посвященных истории России XX века. Авторы анализируют широкий круг проблем отечественной истории, охватываемых темой конференции. Представленные материалы отражают различные подходы и взгляды специалистов в области истории, философии, политологии, социологии и экономики на обсуждавшиеся вопросы и ориентированы на научных работников и преподавателей, аспирантов и студентов, всех интересующихся актуальными проблемами общественных наук.

15005.80.10 — 60.05

ՅՈՒՆԻՎԵՐՍԻՏԵՏ

Подписано к печати 20.05.02.

Формат 60×84/16. Бумага писчая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,6. Уч. изд. л. 8,0.

Тираж 200 экз. Заказ № 90

Издательство Российской национальной библиотеки, ОП.
191069, Санкт-Петербург, Садовая ул., 18.

ISBN 5-8192-0127-2

© Российская национальная библиотека
2002 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Список докладчиков	5
Предисловие	7
Косолапов Н.А. (Москва) Россия в XX столетии: выводы для методологического познания и политики	8
Абрамов М.А. (Москва) Гносеологическая экспертиза моделей исторического развития России	11
Милов Л.В. (Москва) Из истории формирования аграрно-товарного рынка в России	12
Сакамото Хироши (Тояма) К вопросу о становлении взглядов Г.В.Плеханова на фискальное происхождение общины	18
Рязанов В.Т. (Санкт-Петербург) Российский путь в экономике: история и современность	19
Шелохаев В.В. (Москва). Социал-демократия и либерализм в России в конце XIX – начале XX в.: проблемы сотрудничества	29
Олегина И.Н. (Санкт-Петербург) Проблема «догоняющего» развития в XX веке	31
Derkx Peter (Utrecht). Twentieth-Century Humanism In A Small North-West European Country: The Case of The Netherlands	34
Конашев М. Б. (Санкт-Петербург) Гуманистический идеал и Россия (одна из возможных постановок проблемы)	39
Тихонов А.В. (Санкт-Петербург) Освобождение труда: проблема для России XXI века	43
Борозняк А.И. (Липецк) Проблема ответственности Германии за развязывание Первой мировой войны в трактованиях историографии ФРГ	46
Вашкау Н.Э. (Волгоград) Российские немцы в Первой мировой войне	49
Петер Хартмут Рюдигер (Галле) Русские граждане в германских вузах накануне I Мировой войны	53
Хеккер Рольф (Берлин). Институт Маркса-Энгельса как международно-признанное академическое научное учреждение при Д.Б. Рязанове. Сотрудничество с международными институтами и корреспондентами при издании 1-й МЭГА (MARX-ENGELS GESAMTAUSGABE) в контексте взаимоотношений науки и политики	56
Пантин И.К. (Москва) О характере Октябрьской революции	57
Чжен Ифань (Пекин) Русская революция – врожденная недоразвитость и приобретенные недуги	60

Абрамсон И.Г. (Санкт-Петербург)	Победы и поражения Советской власти в свете исторического спора Плеханова и Ленина	64
Ван Лихуа (Пекин)	Г.В.Плеханов и его труды в Китае	66
Межуев В.М.	Отношение к прошлому – ключ к будущему	69
Калашников В.В. (Санкт-Петербург)	Советская эпоха: провал или успех?	75
Дзарасов С.С. (Москва)	О характере советского социализма и провале монетаристской модели экономики	78
Цапиева О.К. (Махачкала)	Россия в XX веке: Крушение социализма и тупик капитализма	83
Славин Б.Ф. (Москва)	Какая стратегия нужна России?	85
Русакова О.Ф., Фадеичева М.А. (Екатеринбург)	Два типа национализма в постсоветской России	89
Малинова О.Ю. (Москва)	Идеология и формирование пространства политических коммуникаций: опыт 1990-х гг	93
Любин В.П. (Москва)	Трудное восстановление социал-демократии в России. 1980-1990-е годы: деятельность СДПР	97
Danks Catherine J. (Manchester)	Mobilised Mothers: From Motherhood to Political Activism	100
Видякина Е.А. (Санкт-Петербург)	Противостояние исполнительной и законодательной ветвей власти РФ и ликвидация системы Советов в сентябре-октябре 1993 года	101

СПИСОК ДОКЛАДЧИКОВ

- Абрамов Михаил Александрович** — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, Москва.
- Абрамсон Иосиф Григорьевич** — доктор технических наук, член Совета Общественно-политического движения «Альтернативы».
- Борозняк Александр Иванович** — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и духовной культуры Липецкого государственного педагогического университета, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Липецк.
- Ван Лихуа** — Институт мирового социализма при Бюро переводов произведений марксизма-ленинизма при ЦК КПК, Пекин, Китайская народная республика.
- Вашкуа Нина Эмильевна** — доктор исторических наук, профессор Волгоградского государственного университета, Волгоград.
- Видякина Екатерина Александровна** — студент 5 курса Исторического факультета Санкт-петербургского государственного университета.
- Danks Catherine J.** — доктор философии, Department of History and Economic History, Faculty of Humanities and Social Science, Manchester Metropolitan University.
- Derkx Petrus H.J.M.** — Associate Professor History of Humanism, University for Humanist Studies, Utrecht, The Netherlands.
- Дзарасов Солтан Сафарбиевич** — доктор экономических наук, профессор, заведующий экономической теории и предпринимательства Российской Академии наук, председатель президиума СДПР, Москва.
- Калашников Владимир Валерианович** — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории культуры, государства и права Санкт-Петербургской лесотехнической академии.
- Конашев Михаил Борисович** — научный сотрудник СПб отделения Института истории естествознания и техники РАН, Санкт-Петербург.
- Косолапов Николай Алексеевич** — кандидат исторических наук, заведующий отделом международных политических проблем Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, и.о. профессора кафедры политологии МГУ, Москва.
- Любин Валерий Петрович** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН.
- Малинова Ольга Юрьевна** — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Московского государственного института электронной техники (Технического университета).
- Межуев Вадим Михайлович** — доктор философских наук, профессор, Институт философии РАН, Москва.
- Милов Леонид Васильевич** — академик РАН, профессор МГУ, заведующий кафедрой русской истории XVII — до начала XIX века, Москва.
- Пантин Игорь Константинович** — доктор философских наук, профессор, заведующий секциями философии политики Института философии РАН, Москва.
- Олегина Ирина Николаевна** — кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург.

Peter Hartmut R. — доктор философии, Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg Institut für Geschichtse, Halle, DFR.

Русакова Ольга Фредовна — доктор политических наук, профессор, зав. отделом философии Института философии и права Уральского отделения РАН.

Рязанов Виктор Тимофеевич — доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург.

Sakamoto Hiroshi — профессор, Toyama University of International Studies, Faculty of Humanities and Social Sciences, Japan.

Славин Борис Федорович — доктор философских наук, профессор, главный редактор газеты «Новая жизнь», член редколлегии журнала «Альтернативы»

Тихонов Александр Васильевич — доктор социологических наук, профессор, председатель регионального отделения РОСДП, Санкт-Петербург.

Хеккер Рольф — доктор философии, профессор, Председатель Берлинского объединения по содействию изданию МЭГА, Соиздатель Ежегодника «Научные записки по марксизму-ленинизму «Новая серия».

Цапиева Ольга Константиновна — доктор экономических наук, профессор, Институт социально-экономических исследований Дагестанского научного центра РАН, Махачкала.

Чжэн Ифань — профессор, Институт мирового социализма при Бюро переводов произведений марксизма-ленинизма при ЦК КПК, Пекин, Китайская народная республика.

Шелохаев Валентин Валентинович — доктор исторических наук, Российский независимый институт социальных и национальных проблем, Москва.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тема VI Плехановских чтений — «Россия: путь в сто лет (1900—2000 гг.)» — завершает цикл конференций, прошедших в 1996—2002 гг., на которых последовательно рассматривались «Историософские проблемы общественных наук на рубеже тысячелетий: вторая половина XIX—XX вв. (Современное видение истории)» и «Исторические судьбы России». Основная идея цикла состояла в том, чтобы на междисциплинарном уровне, в широкой исторической перспективе, обсудить сущность, причины и вероятные (или возможные) последствия современного системного кризиса России.

Авторы публикуемых тезисов докладов — и известные в отечественной науке специалисты, и начинающие исследователи — предлагают к обсуждению значительный спектр проблем: от теоретико-методологических и концептуальных, анализирующих отдельные аспекты российской истории на макроисторическом уровне, до «локальных», реконструирующих конкретные исторические события, существенно дополняющих «макроисторию» с необходимым для нее общесторическим способом объяснения.

Среди представленных работ, посвященных итогам развития России за последнее столетие, можно выделить несколько тематических блоков, в рамках которых рассматриваются вопросы методологического познания и политики, исторического моделирования; экономической, в том числе аграрной истории, проблемы сотрудничества политических течений и партий в начале века; причины, характер, итоги I мировой войны и их осмысление современным обществом... Значительную группу составляют материалы, где анализируется советский период истории страны и последствия ее завершения. Авторы отмечают, что советское общество, созданное великой социальной революцией в России, при всех исторически унаследованных и приобретенных им недугах и пороках, сумело совершить величайший прорыв не только в технологической области, что выдвинуло страну в разряд наиболее развитых государств мира и обеспечило победу в Великой Отечественной войне... «В российском варианте социализма, служившего специфической для традиционной страны моделью модернизации, нельзя не увидеть и элемент просветительской веры в силу и мощь научного разума, способного построить общество на строго рациональных началах. Мифология и утопия здесь удивительным образом сочетаются с пафосом рационального упорядочивания жизни, с неприятием любых форм иррационального поведения и сознания, с отрицанием всякой стихии (в том числе и рыночной), порождающей хаос и анархию... Никогда еще в России до большевиков не был так высок в сознании масс престиж научного и инженерного труда, образования, городской культуры, светских профессий. Большевики не только подняли в глазах народа цену этих видов деятельности, но и открыли к ним свободный доступ для всех слоев населения. В таком качестве они выступили не как утописты и фанатики, а как трезвые реалисты и прагматики, взвавшие на себя роль модернизаторов и цивилизаторов России...»

Прервалась связь времен... Сумеет ли российское общество восстановить утраченную связь для того, чтобы продолжить свою историю?

Т.И. Филимонова, канд. ист. наук,
зав. сектором Дом Плеханова

РОССИЯ В XX СТОЛЕТИИ ВЫВОДЫ ДЛЯ МЕТОДОЛОГИИ ПОЗНАНИЯ И ПОЛИТИКИ

1. Опыт,обретенный Россией в XX столетии, уникalen во всех отношениях и позволяет рефлектировать на любые темы от оценки его отдельных аспектов до судеб мироздания в целом. Можно рассуждать на нравственные, теософские, философские, тем паче прикладные темы — политические, социальные, экономические, этнодемографические; обращаться к прошлому, настоящему, пытаться предугадать будущее. В каждом из этих аспектов и во многих других опыт России в чем-то интересен и поучителен; подтверждает одни расхожие истины и одновременно напрочь отрицает другие, столь же расхожие.

Этот опыт, как ни относиться к нему в целом и к отдельному его компонентам и периодам, позволяет сделать несколько заключений фактологического характера. **Первое:** все, что в объяснение опыта России предлагаю идеологические, политические и социальные учения нового и новейшего времени, включая самые современные, перепето по многу раз. Аргументы сторон в длиющейся более века дискуссии любой из участников воспроизведет, даже если его разбудить среди ночи. Но дискуссия не только не затухает — она не теряет общественных интересов и значимости. Отчасти этот факт свидетельствует о том, что в процессе этой более чем вековой дискуссии складывается в каждый данный период российская идентичность; что **особенностью нашей идентичности является не выбор между славяно-фольклором, западничеством и, возможно, чем-то третьим** (Евразий или Азиопой — термин Милюкова), — но сам процесс этого извечного спора, начатого еще Крещением Руши (видимо, раньше: не на пустом же месте возникла идея Крещения). Но, кроме поддержания динамической идентичности, есть у российского спора и еще один интересный для нас аспект.

Второе: исключая явно субъективистские толкования любого рода (звенящий Распутин, нерешительный Николай II, германский агент Ленин, американский — Троцкий, уголовник Сталин и т.д. вплоть до перерожденца Горбачева и героя/алкоголика Ельцина; а в разрывах между ними — предательства всех видов по политики-идеологическому вкусу и выбору интерпретатора), мы пока не можем научно корректно и убедительно для нас же самих ответить на вопрос, почему именно Россия стала в XX веке — в отличие от десятков других государств, — **субъектом и объектом подобного опыта**.

Если причиной был просто исторический случай («не повезло»), то на базе случая не-правомерны вообще никакие выводы: случай — он и есть случай. Если же в России на протяжении века (а возможно, и дальше) работали некие закономерности, они по определению должны быть универсальными, всеобщими: закономерности иными быть не могут и должны действовать одинаково в России, Китае, США и где угодно еще. Специфика страны проявляется не в природе закономерностей, но в фактических последствиях их действия в конкретных социально-исторических и иных условиях. Если это закономерности частного (не общеисторического) характера, они должны быть одинаковы для данных комплекса обстоятельств, периода, формации, стадии развития. Если же Россия/СССР/Россия стабильно являли собой в XX веке отклонение от нормального проявления всеобщих закономерностей, некую мутацию, то подобный феномен сам должен иметь системную природу и опираться на действие неких (пусть неизвестных пока) закономерностей.

Тогда **третье**: если мы продолжаем удивляться, почему в России не действуют (или «не так» действуют) закономерности, работающие в США, Европе и некоторых других местах, то возможно, дело не столько в России, как в самих предполагаемых закономерностях? То, что мы наблюдаем в отдельных странах и регионах, имело свои причины и психологически может представляться не просто конкретным приложением и проявлением неких более генеральных и универсальных закономерностей, но самими этими закономерностями. И мы тем более «обманываемся рады», что конкретные объективные итоги действия таких закономерностей нам нравятся — и мы эти фактические итоги, внешние их формы объявляем законами жизни, развития, Истории. Иные же итоги нам неприятны, и мы толкуем их как «отклонения». Добавим сюда наличие субъектов, так или иначе заинтересованных в

рекламе, мифологизации одних и дискредитации всех прочих форм устройства общества, экономики, государства. Тогда правомерно предположить, что **действительные закономерности социально-исторического развития продолжают оставаться нам неизвестными**. Мы пока лишь вынужденно, на собственном опыте, методом проб и ошибок проверяем гипотезы, высказанные ранее (века, иногда и тысячелетия назад; притом обычно в форме не гипотез, но постулатов и даже непрекаемых истин) родоначальниками различных идеино-политических и научных течений.

2. Если мы готовы признать как минимум правомерность такого допущения, возникает интересный **«стык опыта России и социал-демократического сознания**. «Стык» отнюдь не искусственный, потому что волею судеб Россия стала первым в истории полигоном проверки многих изначальных гипотез социал-демократической мысли.

Социал-демократизм принять считать политикой поиска «золотой середины» между идеалистами и реалистами, радикализмом правых и левых, тупой реакции и зуда реформаторства, между желаемым и возможным; политикой здравого смысла, основанного на высоких стремлениях. Это верно; но подобный здравый смысл существует как явление минимум столько же, сколько существует политика.

Заслуга социал-демократии вообще, ее основоположника в России Г.В.Плеханова — в особом соединении трех принципиально новых для рубежа XIX-XX веков и крайне значимых моментов. Прежде всего это **признание значения науки** вообще, социальных наук в первую очередь, в организации жизни общества; это первая в истории попытка привнести научный подход — **научную методологию и основанные на ней выводы**, — в социополитическое мышление и политику. В собственно политике это попытка выстроить **«мост» между личностью и обществом**, противопоставленными в европейской культуре со времен античности: замена формулы «или... или» другой — «и..., и».

Все это вместе взятое означало по сути **революцию в социальной и политической психологии**. Внеся, в противоположность более старым партиям идеологического толка и соперничавшим с социал-демократией коммунистам, высокую меру pragmatизма в политику и политическую жизнь в целом и сумев удержать эту «планку» на протяжении всего XX века, социал-демократическое сознание совершило тем самым новый **качественный скачок в исторической эволюции рационалистических сознания и мысли** (предыдущими такими качественными скачками стали, в грубом приближении, изначально сама идея Бога; возникновение христианства как антропоцентрической религии; и протестантизм как дальнейшая рационализация рожденного христианством мышления). Все остальное — стремление к социальной справедливости, боль на народе, понимание несовершенства мира, т.п. — существовало во всех этносах задолго до социал-демократии. Новое — именно в описанной «связке» науки, политики и психологии, а также в обратном влиянии этой «связки» и обретенного социального опыта на дальнейшую эволюцию человеческих психики, сознания, политической жизни и науки.

3. **Именно этого не приняла Россия:** ни науки, ни научной методологии в стратегии и практике политики, ни политики, ни — особенно — новой психологии общественной жизни. Причем не приняла очень последовательно: на стадии отрицания и слома самодержавия; на стадии подготовки социалистической революции (или переворота); в осуществлении этой революции на всех ее этапах с Октября 1917 г. до перестройки; и, наконец, в отрицании этой революции, созданного ею общества, социалистической (почему не коммунистической?) идеи.

Такая последовательность в неприятии не может быть случайной. И если при этом она не укладывается абсолютно строго ни в какие (коммунистические, антикоммунистические, не-коммунистические) идеи и теории, ответ надо искать в двух взаимосвязанных областях: в эволюции психики как явления (включая сознание и мышление); и в несовершенстве исторически обусловленного продукта мышления, каким являются научные и общественно-политические концепции.

Коммунистический эксперимент стал бунтом традиционистских психологии и сознания против всего того нового, что несло социал-демократическое мышление прежде всего в сфере психики: **бунтом по форме из будущего, по сути — из про-**

шлого. Воинствующий атеизм, на котором основывалось коммунистическое мышление рубежа XIX-XX вв., (в отличие от атеизма) оказался шагом не к рационалистическому мышлению, как это представлялось его ранним адептам, но в прямо противоположном направлении: к замене одной веры («Бог есть») иной («Бог нет»). Тем самым психологически предельно затруднялось принятие новейшего этапа эволюции психики и сознания, рационализма — и на-против, предельно облегчалось «обожествление» ранних гипотез коммунистического учения, их абсолютизация — особенно когда все это наложилось на политическую систему неограниченной диктатуры, массовых репрессий и жесточайшего контроля над информацией.

Как следствие, традиционалистское (т.е. религиозное по типу и структуре его) сознание в России получило мощное и долговременное закрепление. Характерно, что перестройка (попытка развернуть КПСС, политику и экономику, страну в целом к социал-демократизму) была встречена с религиозной нетерпимостью как «верными ленинцами» — коммунистами, так и их новыми историческими противниками — теневой экономикой и политикой общества «развитого социализма». И это закономерно: религия легче уступает место другой религии, нежели рационалистическому сознанию.

4. В опыте России на протяжении XX века — от самодержавия до антисоциалистической теневой контрреволюции 1990-х гг. — наиболее значительную роль сыграли системные факторы, менее всего изученные или вообще не исследуемые современными науками об обществе и человеке. Это: экономика мобилизационного типа (она же экономика присвоения); азиатский способ производства; теневые экономика и политика; сложнейшие взаимодействия психологии, культуры, политики и экономики; мощное и неоднозначное переплетение на протяжении XX века явлений и процессов внутри страны с разнообразными внешними факторами (войны; цепенаправленное военно-экономическое давление; политико-стратегические операции спецслужб; продажность элит). Я выделяю названные факторы (наряду с которыми действовали и многие иные, не менее значимые) не только в силу их малой изученности, но и потому, что именно в их лоне вызревают предпосылки радикального обновления многих научных концепций, школ и даже дисциплин.

И если российский опыт XX столетия о чем-то свидетельствует, то о необходимости качественного прорыва в общественных науках и о том, что прорыв этот рано или поздно будет осуществляться, причем во многом на эмпирическом материале России. Приезжая на Запад, люди из России/СССР — от первой «столыпинской» эмиграции до наших современников, — обнаруживали высокую приспособляемость к образу жизни и хозяйствования, принятому в других странах. Не сумевших «влиться», вернувшихся — ничтожные доли процента. Значит, речь должна идти не о «никудышном народе», не о пресловутой специфике и самобытности России (своя специфика есть везде), но о качестве той среды, какой была и остается Россия как социально-территориальная система, как социокультурное пространство; и главное, о понимании нами этого качества, его природы и закономерностей.

Если Россия не отличается от стран Запада, только испорчена ее историей и социализмом, то правомерна идея неолибералов брать все на Западе и механически переносить на российскую почву. Если особенности, причем существенные, не подлежащие игнорированию, у России есть, тогда необходимо четко определить эти особенности, чтобы или внести адекватные корректизы в методы приложения у нас западных опыта и решений, или вообще вынужденно отказаться от их прямого копирования. Но возможен и третий вариант — как Запад, так и Россия развиваются в соответствии с одними и теми же законами, но их приложение в разных условиях дает столь разные, но по-своему закономерные итоги. Внутренняя логичность и последовательность как западной, так и российской социальных моделей, на мой взгляд, все неоспоримее говорит в пользу наличия общих, но пока неизвестных нам закономерностей любых общественных жизней и развитий, единичных и для США, и для центральноафриканской деревни.

К. Маркс, признавая наличие «азиатского способа производства» и не дав ему никакого объяснения, по сути, оставил за пределами своих гипотез опыт абсолютного большинства человечества. Западные социополитические, (политико-экономические концепции опираются на опыт одних только западных стран (что еще полбеды), апологизируя его и постулируя, что все остальные государства должны (будут) его воспроизвести. Подобная апологетика сводит почти

на нет научную ценность западных концепций. Добавим, что в экономической их части западные теории опираются только на одну модель экономики — спроса и предложения, — тогда как есть и иная: «экономика присвоения» (economy of appropriation). Видимо, для науки та и другая должны быть частными случаями некой более всеобъемлющей теории.

Не могут оставаться без научного объяснения и явления теневых экономики и политики. Уже их историческая устойчивость доказывает, что явления эти имеют объективную природу и выполняют некие важные функции в повседневной жизни и в процессе социально-исторического развития. В принципе неверно рассматривать историю страны в отрыве от внешних воздействий на нее, включая эффект секретных операций, которые лишь начинают осмысливаться наукой с этой точки зрения. Наконец, никакая теория не будет полной, если она не объясняет системных взаимодействий, происходящих на стыках качественно разных уровней: общества и государства, личности и общества, этики и экономики, политики и культуры... Убедительной концепции подобных системных взаимодействий пока нет, и не случайно «общая теория систем» с начала 1970-х гг. уступила место скромному «системному подходу».

5. Очевидно, не может быть *рationalным то, что не дает знаний и понимания процессов, имеющих прямое отношение к текущему бытию*. Какая политическая сила может быть заинтересована в таком знании? Либералы и коммунисты много раз показали и доказали не просто отсутствие интереса, но активную незаинтересованность в обретении знания, содержание которого угрожало бы краеугольным мифам их идеологии. Социал-демократия — единственная из известных политических идеологий, осознанно стремящаяся опереться на науку об обществе, научные мышление и методологию.

Успехи социал-демократии в странах Западной Европы не должны затмевать собой того, что они достигнуты лишь после второй мировой войны; и что, по сути, только к концу XX в. в мире, включая Россию, накоплен опыт, открывающий возможность при желании начать модификацию социалистической идеи модели начала века. Однако очень многим откровенно и активно не нужно, чтобы социалистическая идея получила новую жизнь.

Сложился поразительный парадокс. На официальном уровне Россия (исповедующая идеологическую смесь фундаменталистского либерализма с национал-коммунизмом) быстро превращается, как это было в XIX веке, в центр европейской и один из центров мировой духовно-политической реакции начала XXI столетия. Но именно *опыт России, полученный ею на протяжении XX века беспримерно дорогой ценой и целенаправленно передаваемый с рубежа 1990-х годов забвению, свидетельствует о наличии вопиющих провалов в теории и методологии либеральных и коммунистических концепций и позволяет начать то, что, не сомневаюсь, со временем, было бы названо революцией в общественных науках и политической мысли*. При этом выводы для России невозможно сделать — или они были бы некорректны, — если не принимать во внимание перемены в мышлении (в его методологии и содержании), вызванные к жизни опытом социал-демократии и продолжающимся российским социально-историческим экспериментом.

М.А. Абрамов

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА МОДЕЛЕЙ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

1. Платон и проблема вечных истин. Идеализации прошлого и будущего. Герменевтическая реконструкция уже не существующего прошлого и научное проектирование еще не наступившего будущего. Отец деизма Э. Герберт о прошлом, как вероятности, и о будущем, как возможности. Тейстический подход: универсальное и индивидуальное пророчество. Философско-методологические основы объективной и субъективной социологии. Пределы научного подхода в естествознании и гуманитарных дисциплинах (описание — ограниченное принципиальной неполнотой знания, объяснение и понимание, связанные неустранимой субъективностью интерпретации и разведенными отнесенностью к природе и духу); конвенция как приздание квазиобъективного статуса объяснению; Герцен об Истории как импровизации. Прогнозирование как игра в зоне риска для краткосрочных прогнозов и беспроигрышная — для долгосрочных прогнозов. (Парадокс Кейнса). Свобода и неопределенность в Истории.

Литература: М.А.Абрамов Неопределенность свободы. Вопросы философии № 10 1996. Он же. Шотландская философия века просвещения— М.2000— Глава 3 §11. История как прикладная антропология.

2. Самодержавие как историческая традиция российского государства.

Древняя Русь и принятие христианства. Монголо-татарское завоевание киевской и владимиро-суздальской Руси. Феномен Новгородской и Псковской боярских республик (вечевой строй XII—XV вв.). Централизация государственной власти в России. Московский и петербургский периоды русской истории. Победа в Отечественной войне 1812 года и восстание декабристов. Три великих поражения России в крымской, японской и мировой войне и ответы — великая реформа 1861 г.; первая, вторая и третья Революции в России (1905—1917). Субъективный или объективный факторы падения самодержавия. Проблема исчерпанности модели в XXI веке.

Литература: Новикова Л.И., И.Н., Сиземская Три модели развития России.— М., 2000.— ИФ РАН; Масарик Т.Г. Россия и Европа.— СПб, 2000.— Т.1.

3. Утопическая модель русского социализма как альтернатива самодержавию, капитализму. Крестьянский вопрос. Община (мир). Маркс о русской общине. Неотправленные письма в Отечественные записки и В.Засулич. Марксистская — ленинская модель социализма. Сталинское преобразование модели. Державность советского периода как продолжение традиции «большого стиля» самовластвия; научный коммунизм в советском обличье. Власть и народ. Патернализм КПСС и номенклатурное правление. Современное евразийство и geopolитический подход. Геофизический подход как замена социологического и классового подхода. Крупноплановая политическая философия гроссраума — Пан-России.

Литература: «Социалистическая идея. История и современность».— М., 1992.— ИФ РАН; Были ли у России выбор? — М., 1996 ИФ РАН. Манхейм К. Идеология и утопия.— М., 1994. Фроловский Г.В. Метафизические предпосылки утопизма //ВФ.— 1990.— № 10. А. Де Токвиль. Старый порядок.

4. Третья модель. Метафизика свободы. Либерализм в дореволюционной России. Отсутствие требования частной собственности на землю — урок столыпинских реформ. Провальное вхождение во власть дореволюционных либералов — необходимость или случайность? Октябрьская революция и похороны либерализма. Заявления об исторической исчерпанности либерализма в советское время. Неожиданное воскрешение погребенного и забытого. Либеральная модель постсоветского развития России как повторный ответ на вызов Истории. Воля и свобода по-русски. Равенство или уравниловка? Тяжелое наследие тысячелетней несвободы. Частная собственность на землю как ключевой вопрос прошлого и будущего России. Неопределенное состояние вопроса. Задержки реализации либеральной модели и возражения против частного владения землей.

Литература: Опыт русского либерализма. Антология.— М., 1997; Чичерин Б.Н. Государство и собственность.— М.1882.— Ч.1; Он же. Россия накануне XX столетия. О свободе. Антология мировой либеральной мысли.— М.— 2000. Знакомый незнакомец, или еще раз о либерализме на российской почве. Круглый стол//Солидарность № 7.— февр. 2002.— Прил. 1.

Л.В. Милов

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ АГРАРНО-ТОВАРНОГО РЫНКА В РОССИИ

Насколько мне известно, капиталистические отношения проникали в сферу сельского хозяйства во всем мире (за редчайшими исключениями) лишь в тот момент, когда промышленность достигла столь зрелой стадии развития, что начался перелив капитала в отрасли, сулившие доход выше средней нормы прибыли. И, конечно, капитализм никогда в своем генезисе не был связан первично с сельским хозяйством вообще и землевладением в частности. Знаменитые английские «гогораживания», роль которых, как теперь выясняется, была в литературе несколько преувеличена, явились прежде всего отражением первых шагов развития текстильной промышленности во Фландрии и соседних регионах.

Такой ход событий был продиктован прежде всего тем, что в землевладении ведущую роль играл переменный капитал, т.е. цена рабочей силы, а не постоянный капитал (а именно этот, последний, и был всегда своего рода опорой капиталистического накопления и стремительного расширения производства).

Вместе с тем странные преобразования последних 15-ти лет почему-то начались прежде всего с резких изменений в организации сельскохозяйственного производства, разрушивших традиционно хрупкий для России потенциал землевладения и скотоводства. В довершение же этого задуманное с целью обновления оборудования и технологий сокращение промышленного потенциала страны лишило наше внезапно рухнувшее сельское хозяйство последних шансов на обновление и обретение своей отечественной, неизмеримо более дешевой и «неприхотливой» в российских условиях техники. В итоге возник тупик. Сельская Россия дает теперь стране едва ли не 50 % необходимого ресурса продовольствия, не говоря уже о сырье для текстильной промышленности и т.п.

В поисках выхода вот уже несколько лет газеты и телерадиокомпании щебечут об эффективности еще одного спасительного для России средства: купли-продажи сельскохозяйственных угодий. Причем немедленный результат этого мероприятия рисуется в виде широчайших возможностей банковского залога земли под ссуду. А ссуда — это якобы мгновенное обретение и трактора, и комбайна, и удобрений, и т.д. и т.п. И никто при этом не в состоянии четко уяснить, что под эффективный залог земель нужны колоссальные в масштабах страны средства, которых у государства, не говоря о «новых» собственниках, нет даже для скромного обновления оборудования и развития разваленного промышленного производства. Взращенный же в 90-х годах торгово-ростовщический капитал вряд ли перельется в наше землевладение. В то же время в России традиционно ссуда под залог была поистине роковым актом. Ведь в XIX — начале XX вв. практически все дворяне-землевладельцы заложили свои имения, но обновить, модернизировать хозяйство сумели лишь немногие...

Самое же интересное заключается в самих землях. Дело в том, что в историческом центре России к куплю-продаже и залог будут предложены малоплодородные и вовсе худые земли Нечерноземной зоны (а 90 % химических удобрений идет ныне на экспорт). Правда, есть у нас богатейшие черноземы, но в 1991 г. они изрядно поубавились (ведь сборы сильной пшеницы уже уменьшились чуть ли не в 10 раз). Главное же теперь всем известно: в тех краях, где есть чернозем, частой гостью бывает жестокая засуха, которая способна за 2—3 года свести все нечеловеческие усилия крестьянина к нулю. Между прочим уже сейчас появляются ловкачи-фермеры, «кардинально» исправляющие неудобства климатической ситуации для будущего аграрного бизнеса. Они продают эту плодородную землю, как, скажем, крупу или песок, загружая экскаваторным ковшом солидные КАМАЗы: вези, куда хочешь... И доход при этом немалый, а суть одна — «после нас хоть потоп».

В силу своих научных интересов покойный ныне академик РАН И.Д. Ковалченко вместе с автором этих строк более четверти века назад опубликовал монографию «Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало ХХ в. Опыт количественного анализа». Целью этой работы была попытка восстановить основные этапы развития единого аграрного рынка страны вплоть до 1913 г. В основу исследования были положены цены на рожь, овес, рабочий скот, рабочую силы и, наконец, на землю.

На наш взгляд, в систематизированных определенным образом массовых данных по ценам за разные по времени периоды развития рынка отражаются наиболее кардинальные сдвиги как в обмене, так и в самом аграрном производстве; следовательно, появляется таким образом возможность выяснить в определенном аспекте характер действия фундаментального закона нашего бытия — закона стоимости. В качестве метода обработки материалов по ценам был применен один из основных и вместе с тем несложных методов математической статистики — подсчет коэффициентов парной корреляции, устанавливающих степень тесноты взаимовлияний колебаний структурированных в хронологические (или динамические) ряды годовых или сезонных цен. Причем для корректности расчетов эти динамические ряды трансформировались так, что исчезла неизбежная для таких рядов помеха вычислений (автокорреляция), возникающая из присущей любому хронологическому ряду показателей зависимости величины каждого последующего члена этого ряда от каждого предыдуще-

го. В итоге на ЭВМ были обработаны не сами цены, а так называемые случайные колебания цен, что является общепринятым в науке приемом обработки динамических рядов в работах по сходной проблематике. Всего нами было подсчитано и изучено около 150 тысяч коэффициентов корреляции.

В результате проделанной работы стало очевидным, что товарный рынок ржи и овса, развиваясь примерно со второй половины XVII века, к середине XVIII столетия состоял уже из огромных региональных рынков (в частности, Волжского, Центрально-Черноземного и некоторых других). В дальнейшем они ширились, число их возрастало, а к середине XIX в. уже интенсивно шел процесс их постепенного слияния. К 80-м годам XIX в. рынок ржи и овса стал единым для Европейской России, то есть наибольшей и экономически важнейшей части государства.

После реформы 1861 г. постепенно стали появляться региональные рынки рабочего скота и рабочей силы. В начале XX в. уже наметилась четкая тенденция к их слиянию и укрупнению.

Что же касается рынка на землю, то эта компонента аграрно-товарного рынка обнаружила весьма слабые перспективы развития. На территории Европейской России вплоть до 1910 г. не только не сложился единый механизм движения цен на землю (имеются в виду синхронные и пропорциональные колебания цен на всей территории Европейской России): на уровне так называемых случайных колебаний цен на землю не формировались даже скромные региональные рынки. Экономические законы капитализма не смогли одолеть недвижимый массив общинного землепользования и землевладения, дополненный чуть более по-датливым массивом дворянских земель. Если купля-продажа земель и развивалась, то на основной территории страны она развивалась путем банковской распродажи главным образом дворянских земель. Недвижимость гигантского массива казенно-наследственного общинного землевладения объясняется не архаичностью менталитета русского крестьянства, а условиями хозяйствования в экстремальных природно-климатических условиях. Главное из них — это необычайно короткий рабочий сезон в земледелии и заготовке кормов, резко ограничивающий возможности интенсификации земледелия и сильно удороажающий производство сельхозпродукции (и прежде всего зерна). Эта незаметная для глаз городского обывателя ущербность нашей аграрной экономики усугублялась в прошлом преобладанием в Центре России малоплодородных почв, а главное — климатическим неблагополучием: весенними и осенними заморозками, длительными дождливыми ненастями, на Юге же страны — постоянной угрозой беспощадных засух.

В этих условиях единственным рентабельным трудом в земледелии в течение многих столетий был крепостной (почти рабский) труд русских крестьян. На этот счет есть весьма выразительные и уникальные данные о себестоимости зерновой продукции производства, ведущегося в середине XVIII в. в порядке исключения с помощью вольнонаемного (а не крепостного) труда. Средневзвешенная оценка всех работ на десятине (» га) в двух полях и рассчитанная на массиве пашни более тысячи десятин (данные по Вологодской, Ярославской и Московской губерниям) на середину века составляла 7 руб. 60 коп. Между тем в Вологодской губ. в это время доход достигал в среднем 5 руб. с десятиной при условии очень высокой урожайности. Следовательно, затраты труда в полтора раза превышали доходность земли. При скромных урожаях (ржь сам-4, овес сам-3) затраты превышали доход уже в 3 раза. По Ярославской губ. при урожайности ржи сам-5 и овса сам-4 (очень хорошей для этого района) доход с десятины земли достигал 4 руб. — 4 руб. 25 коп. Иначе говоря, затраты труда почти вдвое превышали доход. Взяв же обычную для этих мест скудную урожайность (ржь сам-2,5, овес сам-2), мы столкнемся с уровнем затрат труда, почти в 6 раз превышающим доход. Такова была суровая действительность. И крепостное право в России было не результатом жадности и жестокости царя и помещиков, а своеобразным, хотя и жестоким компенсационным механизмом выживания российского социума в целом.

Развивающийся на основе крепостного, а потом и вольного крестьянского труда аграрно-товарный рынок постепенно, в течение почти трех столетий, вовлекал в свою орбиту все новые и новые территории, пока к 80-м годам XIX в. не стал единым хлебным рынком Европейской России. По 49 губерниям коэффициент парной корреляции, измеряющий тесноту взаимосвязей движения цен на рожь, достиг $0,87 \pm 0,01$. Иначе говоря, в 76 % случаев из

100 % колебания цен определялись единими для страны факторами (единным пространством действия закона стоимости).

Однако этот товарный рынок основного зерна России (ржи) отличался вместе с тем и существенным своеобразием в лице некоего «парадокса хлебных цен XIX столетия».

Этот «парадокс» заключается в следующем. Обычно точный расчет соотношений цены на рожь в зерне и получаемой из нее муки (считая выход муки в 80 % от исходного количества зерна) дает некоторое превышение цены муки над ценой ржаного (или любого другого) зерна. В итоге цена пуда муки обычно на 7—15 % выше цены за тот же пуд ржи в зерне. Такое превышение было в Европе, в частности, на рынках Гамбурга в 1847—1885 гг. Однако в России цена на рожью муку фактически почти всюду была ниже ее действительной стоимости. Так, в 1881—1887 гг. при 80 % выхода качественной муки ее продажная цена за пуд в Петербурге составляла 85 % от цены за пуд ржи в зерне вместо 107—115 %. В Минске эта цена муки достигала всего лишь 92 %, в Смоленске — 87 %, в Вологде — также 87 %, во Владимире и Туле — 95 %, в Москве — 90 %, в Нижнем Новгороде — 93 %, в Рязани и Орле — 102 %, в Тамбове — 92 %, Казани — 98 %, Симбирске — 88 % и т.д. В норме, пожалуй, лишь были цены в Лифляндии (124 %), Курляндии (116 %), Витебске (111 %), Бессарабии (113 %), то есть там, где издавна земледельческое производство развивалось при существенно ином климате в крупных фольварочных хозяйствах, рано перешедших с барщинных работ на капиталистические основы производства.

В самой же России подобная аномалия цен на рожью муку свидетельствует о том, что через четверть века после реформы 1861 г., уже в условиях сформировавшегося единого товарного зернового рынка, регулирующая роль этого рынка в области самого земледельческого производства была еще слабой, а труд крестьянина — нерентабельным.

Живучесть этой печальной традиции четко проявляется и в рамках механизма движения цен единого аграрно-товарного рынка Европейской России. Я имею в виду взаимосвязь колебаний местных урожаев ржи с колебаниями местных же цен на тот же продукт. Для этого были обработаны материалы среднегубернских цен и показателей урожайности по 16 губерниям Европейской России за 1890—1900 годы. Причем исследовались взаимосвязи цен текущего года с урожаями года предыдущего.

В итоге этой обработки был обнаружен эффект так называемого рыночного «резонанса» колебаний урожайности, заключающийся в том, что колебания урожайности в какой-либо губернии вызывают «мгновенную» реакцию, причем примерно одной и той же степени интенсивности, во всей структуре единого рынка (или ее существенной части).

Что же при этом поражает? В первую очередь — практически полное отсутствие в нечерноземных губерниях влияния колебаний местных урожаев на структуру цен единого рынка (16 губерний), и что самое удивительное, на колебания местных цен. Так, степень воздействия колебаний местной урожайности на местные цены в Московской губ. была равна всего 4,8 % (из 100 % разнообразных влияний), во Владимирской губ. — 10,2 %, в Костромской — 1 %, в Калужской — 2,5 % и т.п. Не просматривается влияние местных урожаев на колебания местных цен в Тверской и Ярославской губерниях. В то же время в Нижегородской губ. такое влияние достигало 32,5 %, в Тамбовской — 36 %, в Симбирской и Пензенской — 37,2 %, в Казанской же губ. — Целых 53,3 % (в этот отрезок времени ее роль аналогична, похожая, роли современной нью-йоркской биржи в финансовом мировом рынке ценных бумаг). Иначе говоря, в 90-е годы в Черноземье урожаи так или иначе влияли на ценообразование Европейской России, но этого не было в Нечерноземье.

Заметим при этом, что во всем Нечерноземном регионе получаемая масса зерна по-прежнему была неотъемлемой частью общественно необходимой продукции страны. И аномалия состоит, на первый взгляд, в том, что общественно необходимая доля продукции практически не оказывает никакого влияния на местное (да и не только местное) ценообразование. Но, тем не менее, внутренняя логика здесь есть. И она заключается в том, что уровень издержек производства в Нечерноземной зоне был намного больше, чем рыночная цена зерна. В конце XIX в., как и в XVIII в., ситуация оставалась той же.

Думается, что в конце XX в. положение дел (особенно после этих 15-ти лет) во многом остается таким же. Мало того, что земледелие в Нечерноземье с точки зрения рынка и в XX в. было невыгодным, но крестьян этого гигантского региона лишили возможности занимать-

ся неземледельческими промыслами, имевшими многовековые традиции. Без них очень большая масса крестьян Нечерноземья вплоть в XX в. довольно скромное существование, а огромная часть их мигрировала в города, т.е. бежала с земли.

Так как же можно эту землю пускать в торговый оборот?

Еще более интересные наблюдения о степени развития законов аграрного рынка сделал И.Д. Ковалченко. Расчеты для выявления взаимосвязей колебаний цен текущего года на землю и колебаний урожайности предыдущего года проведены на огромном материале. Цены на землю были взяты за 1895—1910 гг., т.е. за 16 лет, а данные об урожайности были взяты за каждый предшествующий год (1894—1909 гг.), т.е. урожай 1894 года, а цена земли за 1895 год и т.д. Практический анализ охватывал всю Европейскую Россию — 45 губерний.

Итог выявления взаимосвязей случайных колебаний цен на землю и урожайности за предшествующий год в 16-летних динамических рядах буквально ошеломляет. Из 1980 возможных пар взаимосвязей (по 45 губерниям) только у ...5 пар губерний эта взаимосвязь была равна 50 % из 100 %, т.е. существенно определяющей (коэффициент корреляции — более 0,70, а математический высший предел такой связи равен 1,00). В 190 парах губерний эта связь слабоумеренная (от 17,6 % до 49 % из 100 %). В подавляющем же большинстве случаев (98,5 %) теснота этой взаимосвязи ничтожно мала (от 0 до 17,6 %). Другими словами, колебания цен на землю зависели от чего угодно, но только не от ... урожайности данной земли, т.е. самого производства. В частности, комиссия специального назначения, работавшая в 1888 г., констатировала, что в России крупные и мелкие хозяйства «стали продавать свои продукты в искусственно (подч. мною — Л.М.) больших размерах, не руководствуясь ни положением цен, ни уровнем собственных потребностей». Иначе говоря, крестьяне недоедали, голодали, но хлеб продавали «в искусственно больших размерах». Именно этот фактор в большой мере лежал в основе накопления золотого запаса и создания биметаллической монетной системы (золота и серебра) в конце XIX — начале XX в. Какой уж тут рынок земли!

В книге были сделаны другие интереснейшие расчеты, выявляющие аналогичным образом тесноту взаимосвязей случайных колебаний цен на землю и колебаний цен на рожь. Расчеты были проведены по тем же 45 губерниям, цены на землю были взяты за 1895—1910 гг., а цены на рожь — за 1894—1909 гг. И результат снова столь же удручающий: экономический стоимостной механизм на рынке земли в Европейской России конца XIX — начала XX в. практически отсутствовал (из тех же 1980 пар губернских взаимосвязей 98,5 % дали коэффициенты величиной от 0 до 17,6 %).

Что же касается взаимовлияний (взаимосвязей) случайных колебаний цен на саму землю, то за период 1895—1910 гг. она была обнаружена на существенно значимом уровне лишь в ... 6 парах губерний (Вологодская-Ярославская 0,77, т.е. 59 % из 100%; Псковская-Тверская 0,87, т.е. 76 %; Витебская-Виленская 0,78, т.е. 61%; Тульская-Орловская 0,71, т.е. 50%; Симбирская-Саратовская 0,77, т.е. 59%; Саратовская-Самарская 0,74, т.е. 55 % из 100%). Ведь это даже не эмбрион рынка!

Таким образом экономически зрелого земельного рынка в России вплоть до начала XX в., несмотря на более чем полувековое его развитие, не было. Вместе с тем в России этой поры, разумеется, землю и продавали, и покупали, и земельные банки были, и т.д. и т.п.

Вполне возможно, что в таком неразвитии рынка земли важнейшую роль играет фактор, о влиянии которого на российскую историю многие историки, не говоря уже о людях иных профессий, не подозревали.

Ведь Россия долгие столетия развивалась как социум с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта. И это было обусловлено не неким синдромом лености или разгульдяйства российских людей, а комплексом суровых природно-климатических (и даже шире: географических) условий, о чём уже упоминалось в начале заметки. В силу этого политическая организация российского социума отличалась крайним централизмом и жесткостью, созданием беспощадных механизмов, способствующих выживанию страны. Больше того, наряду со своеобразной феодальной организацией социума в России, временами бульшую или меньшую роль играл социально-экономический уклад, сильно напоминавший так называемый «азиатский способ производства» с элементами восточной деспотии.

В древних государствах, как известно, нередки были примеры, когда важнейшие, всеобъемлющие условия производства (земля, вода, ирригационные сооружения и т.п.) принадлежали государству, т.е. обществу в целом, ибо это была исторически оптимальная, хотя и вынужденная форма выживания и существования того или иного социума. Обилие информации у наших современных людей об укладе жизни тех регионов мира, которым свойственны оптимальные условия экономического развития, серьезно мешает познавать специфику своей страны. А ведь лозунги типа: «Во всем мире так-то, а почему у нас эдак-то» очень часто на поверку являются заблуждением.

Мы начисто забыли, что государство-то у нас появилось, по крайней мере, на четыре столетия позже, чем в Западной Европе, а первобытная практика лесного собирательства играет до сих пор важную роль. Ведь в истории России также бывали (и в XX веке тоже) явственные проявления «азиатского способа производства», с его гипертрофией центростремительных структур как воплощения экономии ресурсов. Ведь поместье землевладение даже в XIX в. занимало лишь часть земель России. В 1815 г. число крестьян, принадлежавших помещикам, составляло лишь около 56 % всех крестьян страны, а в 1857 г. их стало меньше половины — 47,2 %. Огромный фонд казенных земель, включая сельскохозяйственные угодья, обширная часть населения, составляющая государственное крестьянство, куда входили все «кинородцы», играли важнейшую роль в выживании российского социума. Я не говорю уже о казенной промышленности, железных дорогах и тому подобных «всебиющих средствах производства», целью которых отнюдь не всегда было извлечение оптимальной прибыли.

Степень эксплуатации этого «казенного сектора» российского общества была сравнительно меньшей, хотя государственные крестьяне (более благополучные, чем помещичьи) также были крепостными людьми. Приведу довольно яркий пример. Незадолго до отмены крепостного права, в 30-х годах, царская семья, имевшая в лично-корпоративной собственности крестьян уделенного ведомства, совершила некий обмен, получивший название «самарского». Вместо массы сильно обедневшего крестьянства (около 200 тыс. чел.) царское семейство взяло в уделенное ведомство равнозначенное количество государственных крестьян более зажиточных районов.

На тоших подзонах и тяжелой глине огромного Нечерноземного региона труд крестьянина был и непривлекателен и невыгоден. В период екатерининских дискуссий по крестьянскому вопросу в 60—70-е годы XVIII в. князь М.М. Щербатов резонно считал, что внезапная отмена крепостного права приведет к массовому оттоку крестьян, ибо они оставят эти земли и уйдут в более плодородные южные края. «Центр империи, — писал князь, — место пребывания государей, вместе с тем торговли станут лишены людей, доставляющих пропитание, и сохранят в себе лишь ремесленников». Размышления М.М. Щербатова невольно наталкивают на оценку реформы 1861 г. как реформы, предусмотревшей, кроме прочего, и возможность такого социального бедствия для страны как массовая миграция населения, и заставившей крестьян выкупать свою землю, удерживая их тем самым на своих наделах. Ведь даже в середине XX в. разрешение Н.С. Хрущева на выдачу паспортов колхозникам (отсутствие которых крепило крестьян к их земле) в конечном счете привело к массированному пополнению городов выходцами из села и снижению плотности сельского населения нескольких десятков областей Нечерноземья до уровня плотности сельского населения Камчатки. Крестьянский труд в этой зоне всегда был и сверхтяжелым, и непривлекательным, так как, по словам М.М. Щербатова, крестьянин «будь урожаем пуще горячется и труд (свой — Л.М.) в ненависть приемлет». В асимметрию аграрного развития внесла свой вклад и советская власть, давая деньги главным образом в южные, более плодородные районы, большая часть которых в 1991 г. от нас «ушла». Видимо, неслучайно в период странных преобразований 90-х годов XX в. крестьянство Нечерноземья охотно приветствовало их, а крестьянство Черноземья и Юга страны — не столь охотно. Недаром районы так называемого «красного пояса» — это в основном Черноземье и Юг. В целом же вся наша сельская ойкумена интенсивно пустеет...

Что же делать?! В далеком прошлом, когда в Северо-Восточной Руси мучительно долго формировалось единое Русское государство, власти «жаловали» (то есть дарили на определенных условиях) боярам, «детям боярским», дворянам земли, часто и пустующие. Новые землевладельцы, в свою очередь, «называли» и «перезывали» вольных хлебопашцев-кресть

ян на свои земли, а государство давало им льготу в налогах на 5—10—15 и даже 20 лет. Процесс этот проходил в рамках XV—XVI столетий. Однако тяжелые условия труда и попытки его интенсификации приводили к частым уходам крестьян с уже освоенных земель. Постепенно созревала необходимость жестоких мер прикрепления крестьян к земле, что в итоге выросло в гигантскую систему крепостного труда, существовавшего, по крайней мере, два с половиной века. Показателем же богатства стало не количество земли, а число крепостных душ.

Сейчас же, в конце XX — начале XXI века, имея в стране полный крах сельскохозяйственного производства, отказавшись от исторически перспективной организации полностью автономного крупного (кооперативного или коллективного, ибо поденный труд батраков в наших условиях бесперспективен) производства, способного к концентрации максимума рабочей силы и техники в ключевые, крайне короткие по времени моменты сева, сбора урожая, заготовки кормов и т.д., мы задумали пустить в свободную куплю-продажу сельскохозяйственные земли. В Китае, например, где, видимо, четко осознают специфику своей истории и где до сих пор гигантская система ирригации и орошения играет огромную роль в экономике, землю не продают, ибо четко понимают, что развитие «рыночных отношений» (эвфемизм «капитализма» — Л.М.) успешно может происходить на условиях аренды государственной земли. И в России, между прочим, в далеком прошлом всегда практиковали сдачу пустующих земель «в оброк из наддачи», т.е. аренду со своего рода аукционным конкурсом.

Скорее всего, нынешние собственники, организуя продажу сельхозугодий, имеют в виду весьма специфические цели, связанные с вложением денег в землю (как способом сохранения капитала). Редко кто при этом задумывается над тем, что это, скорее всего, акт почти безнадежного смертения капитала. Фермерство семейного плана, как и в свое время крестьянский аглод, скорее всего, не будет в России исторически значимым явлением.

В итоге в России на сельское хозяйство, которое веками висело веригами на русском обществе, навесят новые вериги в виде абсолютной земельной ренты и последующего распыления этого «всеобщего условия производства».

Между прочим, нобелевский лауреат американский экономист Кеннет Эрроу математически доказал (я пользуюсь газетной информацией), что при падении энергетической подпитки сверхсложные системы распадаются на подсистемы, но при продолжающемся энергетическом дефиците эти подсистемы вновь объединяются. Как известно, философское определение математики, в частности, состоит в том, что это наука об «объектах наиболее общей природы» и законах их функционирования. С выводами ее надо считаться.

Специфичность исторического пути нашего социума определено показывает, что пускать сельскохозяйственные и лесные угодья в рыночный оборот нельзя.

Но у нас ведь как бывает: да, нельзя! Но, если очень хочется, то можно!

Хироди Сакамото

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ВЗГЛЯДОВ Г.В.ПЛЕХАНОВА НА ФИСКАЛЬНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОБЩИНЫ

1. В книге «Наши разногласия» (1884) Г.В.Плеханов пишет: «Деревенская община представляет собою не более, как одну из ступеней разложения первобытного коммунизма (курсив — Г.В.)».¹ А во 2-ом издании (1906) к этому месту он добавил следующее примечание: «Повторяю, теперь уже доказано фискальное происхождение нашей общины».²

2. В брошюре «Новый защитник самодержавия, или горе г. Л. Тихомирова» (1889) Плехановым высказывается мысль о том, что Наш «московский и петербургский деспотизм опирался на неразвитость сельского населения, которое жило при экономических условиях, восходивших, по вышеприведенному выражению Рамбо, чуть ли не к XI веку»³. Отсюда видно, что Плеханов еще придерживается мнения, высказанного в 1884 г.

3. Но уже в статье «Die sozialpolitischen Zustände Russlands im Jahre 1890» («Neue Zeit» № 51, 1891) отмечает, «Периодических переделов пахотной земли, подобных существующим в нынешней России, не знала наша древняя сельская община, возникшая на развалинах родового быта»,⁴ и относит происхождение общин с периодическими переделами пахотной земли к введению подушной подати (1722). Тут Плеханов впервые высказывает взгляд на фискаль-

ное происхождение общин. В примечании он указывает: «Кейсслер был едва ли не первым писателем, высказавшим (в 1876 г.) вышеизложенную теорию происхождения современной общин с переделами»⁵.

4. Впоследствии, в брошюре «Всероссийское разорение» (1892 г.), Плеханов высказывает тот же взгляд на фискальное происхождение общин по-русски. А он тут к вышеупомянутому примечанию добавил: «Чичерина считать нельзя, так как он не имеет никакого понятия о древних формах землевладения в России»⁶. Но далее Плеханов данный аргумент не развил.

5. В работе «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В.В.)» (1896) Плеханов привел цитату из статьи Б.Н.Чичерина «Обзор исторического развития сельской общины в России» и отметил, что «Исторические взгляды, высказанные г. Чичериным в этой статье, теперь уже во многих отношениях устарели, да и в момент их обнародования они, может быть, не чудили были некоторой тенденциозности»⁷.

6. Изменение взгляда Плеханова на происхождение общин можно объяснить развитием дискуссии с народниками, одобравшими закон о неотчуждаемости крестьянских наделов, который, по мнению Плеханова, приведет к дальнейшему закрепощению крестьян.

7. Дискутируя с Б.Н.Чичериным по вопросу о происхождении общин, Плеханов стоял на не столько научной, сколько политической точке зрения. Он должен был противопоставить свою позицию либерализму Чичерина.

¹ Г.В.Плеханов. Соч.—Т.II.—С.251.

² Там же.

³ Г.В.Плеханов. Соч.—Т.III.—С..77.

⁴ «Neue Zeit». Jg. IX.—Bd.II.—1890—1891.—S.791.

⁵ Там жею — S.793.

⁶ Г.В.Плеханов. Соч.—T.III.—C.348.

⁷ Г.В.Плеханов. Соч.—T.IX.—C.135—6.

В.Т. Рязанов

РОССИЙСКИЙ ПУТЬ В ЭКОНОМИКЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Постановка проблемы

Вопрос о выборе пути экономического развития и модели хозяйственного устройства России уже давно стал предметом острого спора, фактически расколившего российское общество на две большие группы — западников и почвенников. Меняются их поколения, но суть их расхождения остается неизменной: что имеет большую пользу для России с опорой на ее самобытные исторические ценности или следование в фарватере западного мира? У каждой из этих школ свои аргументы и свои оценочные шкалы, достоинства и недостатки. Без осмысления той идеологической борьбы, что велась на протяжении почти двух последних столетий, вряд ли можно основательно понять содержание экономических проблем, которые решались в прошлом и которые вновь предстоит решать сегодня.

Причем с конца XIX века сложившиеся альтернативные позиции и программы пытались реализовать на практике. В этой связи не обойтись без переосмыслиния причин провала капитализации экономики в прошлом и вместе с тем важно объективно разобраться с недавним крушением социалистической модели развития. Получается так, что историческая и капиталистическая, и социалистическая экономические трансформации оказывались несостоятельными. Что же в таком случае требуется для России и что ждет ее в будущем?

Чтобы более содержательно представить суть спора вокруг альтернатив развития предыдущем его непосредственному анализу краткую характеристику соотношения общего и особыного в экономической сфере.

Общее и особенное в экономическом развитии

То, что экономическому развитию в равной степени присущи всеобщее, особенное и единичное, объясняет невозможность существования всеобщего вне особенного. Такой характер их взаимосвязи только подкрепляет вывод о наличии многовариантных путей общественно-экономического развития. Другими словами, нельзя вообще строить рыночное хозяйство, как и любое другое. Оно всегда присутствует в конкретно-исторических национальных формах. Ведь даже создатели общих экономических теорий (к примеру, Смит и Маркс) разрабатывали их на конкретных объектах с экономике Англии, фактически распространяя выявленные закономерности на экономику «всобщем». Этим предопределяется необходимость включения особенного в теоретический анализ, а значит, разграничение его объектов.

В то же время, нельзя отрабатывать свою народнохозяйственную модель без учета мирового контекста решения общих хозяйственных проблем. В перспективе было бы весьма желательно разработать такую научную систему, которая не разводила, а соединяла бы общие закономерности с действием особенного в экономическом развитии России и других стран. Более конкретно это означает, что изучение общих принципов и свойств рыночной экономики должно обязательно увязываться с анализом особенностей и специфики их проявления в различных национальных хозяйственных системах и дополняться исследованием всегда присутствующих в них нерыночных элементов.

Формально соотношение всеобщего и особенного в экономике выражается через взаимосвязь всемирного хозяйства и национальных экономик. Отсюда вытекает одна из распространенных трактовок особенного в национально-экономическом развитии как формы проявления общемировых закономерностей или общего пути в экономике. Однако этот общий путь представляет собой в смягченном виде знакомый вариант заимствования и перенесения готовых хозяйственных форм. На самом деле оппозиция всеобщее-особенное не в меньшей степени может распространяться на национальные экономики, которые несут в себе общее двояким образом: как органичные элементы всемирного хозяйства и в этом случае общее выступает в виде совокупности и единства всех особенных форм, совпадающих в большинстве национальных экономик; и как общие экономические характеристики с точки зрения их сохранения и воспроизводимости в данной стране в длительной исторической перспективе. Это означает, что диалектику взаимосвязи всеобщего-особенного целесообразно рассматривать как в рамках всемирного хозяйства, так и применительно к национально-государственным хозяйственным системам.

Выбор наиболее предпочтительной стратегии развития с это не абстрактно-теоретическая проблема, определяемая теми или иными теоретическими веяниями и «научной модой». В значительной степени он зависит от особенностей конкретно-исторического этапа, на котором находится страна. Стратегия развития должна быть приложима к конкретной стране и учитывать специфику данного этапа. Если с этой стороны подойти к анализу российской ситуации, то приоритет должен быть отдан точному и грамотному выявлению собственных основ развития, что требует тщательного изучения хозяйственного состояния нашего государства, его исторического опыта и традиций. Такой подход, как показывает история России и других стран, лучше всего реализуют те социальные и научные силы в обществе, которые выдвигают цели формирования национально ориентированной хозяйственной системы и своего пути развития в экономике, кто способен к защите национальных экономических интересов. Те же, кто делает ставку на общее в экономике, а значит, на заимствование готовых форм хозяйствования, «подражательный путь развития» (В. П. Воронцов), с неизбежностью сталкиваются с реакцией отторжения, теряя доверие и авторитет у значительной части общества.

Причем потребность сосредоточиться на формировании собственной экономической модели применительно к нынешнему этапу России совсем не предполагает обязательного отрицания действия всеобщих экономических форм, проверенных во многих странах, и возможности использования международного опыта, в том числе и в преобразовательной деятельности, чем временами грешили экономисты-самобытники в прошлом. В данном случае речь идет главным образом о том, что своеобразные качества экономического развития страны (факторы, условия, ограничители, традиции) должны:

- рассматриваться как объективно сложившаяся реальность, не сводимая к попаданию в «тушки» или к действию каких-то «пережитков»;

- оцениваться как факторы окружающей институциональной среды, которые формируют закономерности развития экономики определенного типа, чем отвергается своеобразие и легкомысление в ее произвольном перестраивании;
- приниматься во внимание как возможные конкурентные преимущества. И здесь важно учитывать то, что в политике заимствования выступает как тормоз в ее реализации, в стратегии формирования национальной экономической модели способно превратиться в ее конкурентные преимущества, полезные для выработки продуманной политики защиты своих экономических интересов во взаимодействии с мировым хозяйством, которое отличается не ослаблением, а растущей остротой экономических и политических противоречий.

Российский путь развития в оценках и спорах

Первым и наиболее содержательным этапом спора о перспективах непосредственно экономического развития России стала дискуссия между народниками и их оппонентами (социалистами и либералами) о судьбе капитализма в нашей стране, которая началась в 80-е годы XIX века и продолжилась в начале следующего века.¹ Именно в недрах народнической школы впервые разрабатывалась концепция *российского пути в экономике* с обоснованием методов его реализации на практике. В этом ее историческое значение, этим она интересна и актуальна для нас. Представители этой школы (прежде всего В.П.Воронцов и Н.Ф.Даниельсон) одними из первых в мировой экономической мысли поставили проблему мирного и эволюционного «минования» фазы первоначального накопления капитала, вместо нее предложив свой вариант *некапиталистического пути* проведения модернизации экономики и общества, принципиально отличавшийся от марксистской версии революционного перехода к социализму как посткапиталистической фазе. Этим экономисты-народники предвосхитили многие теории и политические платформы, распространявшиеся по всему миру, особенно «третьему», в середине XX в., в частности, теорию «периферийного капитализма» Р.Прибиса.

В первую очередь Воронцов и Даниельсон утверждали, что опора на капитализм не соответствует историческим традициям России и при этом противоречит наличным объективным и субъективным условиям, к которым они относили общинность и артельность в организации основной части общественного производства, коллективизм в массовом сознании и неразвитость института частной собственности на землю. И в этом они воспроизводили давнюю традицию понимания российского пути развития как самобытного. Сочувственное отношение к собственным (и прежде всего общинным) формам хозяйствования не только соответствовало вековым традициям жизни крестьянства, но и объективно имело свои серьезные достоинства в условиях ведения хозяйства с повышенным риском и формирования «этики выживания» как доминирующего мотива в хозяйственном поведении. Это позволило народникам с полным основанием трактовать курс на капитализацию постпереформенной России как радикальную («шоковую») ломку сложившегося национального строя, которая сама по себе опасна и потенциально чревата исключительно крупными издержками и потерями.

Как подтвердила реальная история, прогнозы и предупреждения русских народников об опасности попыток радикальных ломок национального строя, которые осмысленно прозвучали в 80—90-е гг. XIX в., оказались пророческими, хотя и свершились не в те сроки. Но они, к сожалению, не были услышаны и должным образом оценены властью и политическими силами, сложившимися к тому времени в российском обществе. Об этом приходится говорить, поскольку и сегодня после стольких потрясений и испытаний, через которые прошла наша страна, в ней не перевелись ярые приверженцы очередных радикальных ломок («либерально-рыночных шоков»), желающие испытать сложившийся строй на прочность.

Экономисты-народники в обоснование неизбежности выбора некапиталистического пути развития России доказывали существование объективных пределов, препятствующих органичному и относительно безболезненному утверждению капиталистического хозяйствования. Такие ограничители (или «пределы в развитии капитализма») связывались в первую очередь с обеднением большинства населения (крестьянства) как закономерного результата

форсирования первоначального накопления капитала, которое резко сужало внутренний рынок, сдерживая развертывание капиталистического производства. Напротив, всемерная поддержка крестьянских хозяйств, повышая их благосостояние, в объяснении народников, как раз создавало здоровые предпосылки, т. е. высокую платежеспособность населения, чтобы обеспечить подъем промышленности.

Наконец, народниками рассматривался и вариант ускорения роста капиталистического производства за счет активного внедрения на внешние рынки. Но здесь оценки для народного хозяйства России были неутешительные, как и для любой молодой страны, стремящейся проникнуть на мировые рынки. Более низкая конкурентоспособность товаров (даже хлеба) из-за технического отставания, нехватка капитала, неблагоприятные климатические условия, дополнительные затраты по доставке товаров — все это делало весьма проблематичным возможность проникновения на внешние рынки.

Каким представлялся будущий экономический строй России в прогнозах экономистов-народников?

Во-первых, ими с полным основанием выделялась приоритетность сельского хозяйства. Ведь эта отрасль в народном хозяйстве была ведущей, да и подавляющая часть населения (80%) проживала в деревнях. Развивать его предлагалось через укрепление крестьянских хозяйств с добровольным поддержанием в них общинных начал. Кроме того, обосновывалась также принципиальная важность снятия налогового и выкупного бремени с крестьянства. Именно это бремя, а не общинная организация производства прежде всего мешало подъему сельского хозяйства. (Современный пример Израиля, высокоеффективное сельское хозяйство которого использует даже не близкую к общинной, а к коммунистической организации, в частности, предлагающую и обобществление потребления, свидетельствует о реальности такого пути прогресса аграрного сектора экономики).

В соответствии с таким подходом вырабатывались предложения по оказанию крестьянским хозяйствам государственной помощи и содействия, в частности, через кредиты. Все это требовалось, для того чтобы создать нормальные экономические условия, способствующие прогрессу в сельском хозяйстве. Этим решалась задача повышения платежеспособности спроса основной части населения и обеспечивалось расширение внутреннего рынка.

Во-вторых, народники вместо сомнительной идеи разрушения крестьянской общины как способа ускорения формирования рынка и капитализма выдвинули программу ее эволюционного приспособления к рыночным отношениям через трансформацию в кооперативную организацию производства. Способность общины трансформироваться в кооперативы и проявленная склонность крестьян к массовому кооперативному движению подтверждают, что общинная организация не была неподвижным и инертным хозяйственным институтом, а располагала потенциалом к саморазвитию и давала шанс потенциальному самоорганизации развернуться в реальной жизни. Экономисты-народники зафиксировали появление кооперативной формы хозяйства и сделали особый акцент на ней в экономическом строе России как новом и перспективном элементе, органично развивающим сложившиеся хозяйствственные традиции и одновременно способствующим развитию рыночных отношений на основе самоорганизации.

В-третьих, народники считали, что на начальном этапе преобразований особых перспектив для крупной промышленности в России не имеется. Поэтому более целесообразной является опора на мелкое кустарное и ремесленное производство. Казалось бы, с точки зрения проведения индустриализации страны и подтягивания к передовому экономическому уровню такая рекомендация уязвима. Зато у нее есть свое достоинство в том, что касается необходимости создания массового слоя товаропроизводителей с внедренным в него конкурентно-рыночным механизмом. Между прочим, экономический бум в Китае, начавшийся в 1978 г., как раз опирался на первоначальное развитие мелкого промышленного производства (сельской промышленности). Этим сразу же достигалось несколько важных целей с расширялся рынок потребительских товаров, обеспечивалась занятость в перенаселенных деревнях, а рыночный механизм проникал в глубинный пласт организации хозяйственной жизни.

В-четвертых, народники выработали свое собственное отношение к уже сложившейся крупной промышленности. Суть их позиции состояла в следующем: то, что нельзя трансформировать в артельную организацию производства, должно быть превращено в «народно-общественную форму» (Н. Ф. Даниельсон), т. е. государственную. Хотя такой подход вытекал из арсенала стандартных социалистических требований, но у народников присутствовала своеобразная мотивировка. Дело в том, что такую общественную форму организации они связывали с необходимостью распространения «общинных начал» и на крупную промышленность, видя в этом закономерное продолжение развития своеобразных черт русского хозяйства.

В-пятых, отталкиваясь от вывода об ограниченной роли внешнего рынка для стимулирования роста капиталистического производства в России, народники вполне логично пришли к обоснованию необходимости сделать главный акцент на формирование внутреннего рынка. Огромные его масштабы в нашей стране тем более делали оправданным такой подход.

В этих выработанных в 80-90-е гг. XIX в. в недрах народнической платформы направлениях проведения экономической политики отчетливо обнаруживаются контуры будущего экономического строя страны, если следовать предложенным курсом. Причем экономическая доктрина народников в этой части отличалась в лучшую сторону как от концепции приверженцев «чистого капитализма» (либералов), стоящих на позиции безусловного доминирования частной собственности и исключающих право на существование всех остальных укладов, так и от концепции сторонников посткапиталистической экономики (социалистов), конструирующих будущее устройство хозяйства, в свою очередь, на принципах полного отрицания капиталистических и докапиталистических форм производства с их превращением в единую общественную, а фактически государственную форму собственности.

В отличие от этих двух широко распространявшихся течений в политике и в экономической науке русские народники первыми в стране и раньше, чем экономическая мысль на Западе, приступили к разработке модели смешанной, многосекторной экономики, построенной не на достижении гомогенности (однородности) в экономическом устройстве путем поглощения ведущим укладом всех остальных (по гегелевской схеме с через механизм снятия низших форм высшими), а на признании возможности взаимного сосуществования, параллельного и согласованного развития разных форм собственности и хозяйствования, лежащих в основании национальной экономики. Многоукладность собственности и хозяйствования создавала самую благоприятную среду для учета широкого разнообразия условий экономической жизни и одновременно позволяла обеспечить адекватное организационное приспособление экономики. Это была новая и смелая постановка проблемы экономического развития. Она особенно была важна для России с ее чрезвычайно высокой дифференциацией в условиях хозяйствования.

При таком подходе будущий экономический строй России в народнической концепции мыслился как российская разновидность смешанной (многоукладной) экономики, которая развивается за счет трех основных укладов: крестьянско-общинного (перерастающего в кооперативный), артельного-промышленного и государственного.

Можно также считать, что такая постановка оказалась оправданной и для мировой экономики. Экономическое развитие в XX в. отчетливо указало на действие долгосрочной тенденции движения мировой хозяйственной системы не к упрощению ее внутренней структуры и к полной победе «чистого» капитализма, а к многообразию форм хозяйствования и к переходу к смешанной экономике.

Вместе с тем, народническая модель социалистического (некапиталистического) хозяйства по многим позициям существенно отличалась от марксистской модели и представляла собой оригинальную версию развития народного хозяйства России как национально ориентированного и реализующего на практике российский путь в экономике. Отказываясь от ортодоксально марксистской идеи урбанистически-индустриального социализма как универсального, русские народники этим смогли выйти на проблему множественности форм социалистического (некапиталистического) общественно-экономического переустройства и одновременно выработали весьма перспективный вариант его осуществления применительно к России. Обоснованная ими Модель русского социализма примиряла город и деревню, крестьянство и рабочий класс и в

конечном счете выступала одним из направлений сближения линий общественно-экономической эволюции Запада («города») и России («деревни»).

Экономическую модель народников вполне можно называть некапиталистической в том современном контексте, когда имеется в виду направить развитие экономики страны не по западному капиталистическому канону, воспроизводя его старые отработанные схемы, а с акцентом на применение нестандартных решений, обобщая опыт и тенденции, накопленные в ходе непрерывной эволюции капитализма. (В. П. Воронцовым она мыслилась и трактовалась как отказ от «подражательного типа развития»). То, как индустриальный капитализм трансформировался в XX веке в разновидность смешанного хозяйства, в котором в действительности сочетались капиталистические (прежде всего в производстве) и социалистические (в основном в распределении) начала, подкрепляет оправданность такой интерпретации народнической теории.

Следует иметь в виду, что народники вплотную подошли к ракортию еще одной чрезвычайно важной проблеме с определением источников экономического развития страны, а более конкретно с проведения самоиндустриализации. В противоположность всем тем, кто стоял на позиции повторения западной схемы первоначального накопления капитала на основе разорения крестьянства с последующей форсированной индустриализацией страны, ими были разработаны исходные рубежи для альтернативного варианта экономического подъема. Его содержание состояло в следующем:

- обеспечить экономическое развитие и индустриализацию страны не путем массового разорения и обнищания крестьянства, а улучшая его жизненные условия, опираясь на его экономические интересы. (Для этого предлагалось отказаться от помещичьего землевладения и проводить политику поддержки крестьянских хозяйств);
- сделать ставку на начальном этапе не на рынок средств производства, а на создание и быстрое развитие рынка потребительских товаров благодаря расширению массового спроса населения. (Тем самым запускалась воспроизводственная цепочка в проведении курса на самоиндустриализацию за счет развития внутреннего рынка: рынок потребительских товаров → рынок средств производства для сельского хозяйства → рынок средств производства для производства средств производства);
- использовать не традиционные капиталистические методы первоначального накопления капитала, а искать опору в новых методах, активно задействовав для этого государство. (Современный опыт Японии и других новых индустриальных стран подтверждает высокую эффективность такой политики при правильном ее проведении);
- проводить назревшие коренные изменения не через революционные скачки, разрушая сложившийся тип национального хозяйства, а реформируя и эволюционно преобразуя его (в частности, используя в сельском хозяйстве кооперативную организацию). То, сколь эффективен такой метод обеспечения преобразований, продемонстрировал многообразный опыт, полученный в ХХ в.

Судьба народнического варианта экономического развития России

Был ли шанс для осуществления такого варианта преобразований? На наш взгляд, он был, и данная политика при всех своих недостатках (в частности, медленных темпах промышленного подъема на начальном этапе) располагала крупными преимуществами. Ее предпочтительность можно видеть в том, что она способна была снять остроту экономического и политического противостояния, которое сложилось в российском обществе, а значит, и избежать того социального взрыва, который произошел из-за пренебрежения опасными последствиями форсированной капитализации страны. И с точки зрения реализации долгосрочных задач народническая программа ориентировалась на создание «экономики всеобщего благосостояния», другими словами, той модели экономики, которая позднее пришла на смену политике «раннего капитализма» в развитых странах с его масштабным социальным распределением и острыми внутренними и межстрановыми противоречиями.

Какой же в действительности оказалась судьба российского пути развития в экономике?

Формально есть основания считать, что он потерпел крушение. Ведь общественные силы, которые его непосредственно разрабатывали и пытались провести в жизнь (речь идет о партиях и течениях народнического толка), не смогли удержаться у власти и затем вообще исчезли с политической арены страны как самостоятельные движения (азеры, к примеру, в 1923 г.). Однако отстранение от власти политических партий, ближе всего примыкавших к народнической экономической платформе, не устранило потребности в самобытном пути развития, а значит, не могло зачеркнуть их опыта разработки национальной экономической модели в России. И это определялось объективной неизбежностью развития российского хозяйства на собственной основе, альтернативой которому становился хозяйственный и политический распад страны как единого целого. (Крах страны после революций 1917 г. и такой же ее развал в 1991 г. – все это говорит в пользу такого утверждения). Поэтому вполне закономерна эволюция политики большевиков. Чем ближе они подходили к завоеванию власти, постепенно отходя от идеи мировой социалистической революции, тем все больше их экономическая программа становилась похожей на народническую. По сути дела, они смогли взять и удержать власть во многом благодаря тому, что воспользовались лозунгами и программными установками, лежащими в основании народнической идеологии. Речь идет, прежде всего, о «Декрете о земле». Как в то время писал Троцкий, большевики смогли «политически усыновить» программу аграрной реформы народников.

При этом они не отказывались от идейного неприятия данной реформы, так же как не снимали свою аграрную программу, которая отличалась по двум принципиальным пунктам.

Во-первых, вместо социализации земли выдвигался принцип ее национализации.

Во-вторых, вместо ставки на крестьянское хозяйство предлагалось развивать крупные общественные хозяйства.

Еще более значимым фактом, с точки зрения признания народнических истоков в экономической политике послереволюционного периода, является энгловская альтернатива «военному коммунизму», которая побеждала в начале 20-х гг., а также ее сохранение в конце 20-х гг. и противостояние политике форсированной индустриализации и насильтвенной коллективизации, теоретически сформулированной Преображенским и на деле осуществленной Сталиным. Если вдуматься в экономический смысл разрабатываемой альтернативе форсированной индустриализации, то есть достаточные основания для вывода о том, что она оказалась весьма близкой к платформе общественно-экономического развития и преобразования России, созданной ранее народниками.

Продумывая политику энга, Ленин подошел к своему варианту смешанной экономики, включающей пять укладов. В традиционной социалистической историографии такое изменение взглядов подавалось как «ленинский план строительства социализма». Однако его точнее определять как обращение взглядов и идеям своих недавних оппонентов и политических противников. Возможно, что такую смену ориентиров можно трактовать как достаточно причудливый и явно недемонстрируемый способ «примирения» народничества с марксизмом, национальной государственности с пролетарским интернационализмом. К тому же в энгловской альтернативе общественно-экономической трансформации России нельзя не дооценивать непосредственное народническое влияние, оказываемое, в частности, через научные труды и практические рекомендации таких крупных советских экономистов как Н.Д. Кондратьев и А.В. Чаянов, которые, как известно, были наиболее яркими представителями «позднего народничества».

Что же касается экономической системы, которая в конечном счете была создана в СССР, то ее характеризовала не абсолютно государственная (односекторная), а двухсекторная модель народного хозяйства с ведущими ее элементами в виде государственного (доминирующего) и колхозно-кооперативного (подчиненного). Ее можно считать и трехсекторной, если принимать во внимание так и не преодоленный мелкотоварный сектор с личное подсобное, индивидуальное и домашнее хозяйство. Это означает, что в процессе социалистического строительства был создан свой достаточно оригинальный вариант альтернативной экономики смешанного типа, хотя и с сильным доминированием в ней государственно-социалистического уклада. В свое время прообраз такой модели хозяйствования советские экономисты

старались обнаружить в экономическом учении марксизма. Однако искали не там, поскольку вариант смешанной экономики в принципе не соответствовал марксистским прогнозам о будущем экономическом устройстве общества, да и просто противоречил логике и главным постулатам идеологии коммунизма.

Если же поиск истоков сложившейся системы хозяйствования обратить в сторону экономической теории народничества, то в таком случае можно обнаружить немало общих моментов. Прежде всего, речь идет о самой концепции смешанной многосекторной экономики и о сохранении в том или ином виде крестьянского уклада на длительный период. Безусловно, говорить о полной тождественности идей и о том, что большевики реализовали на деле народнический вариант преобразований в России, значило бы противоречить реальной истории. При всех совпадениях все же ими реализовался свой социалистический проект, в котором в качестве доминанты остался государственный сектор, но который при этом значительно оторвался от исходных марксистских установок.

То, что в ходе социалистического строительства произошло проникновение народнических идей в экономическую политику, не носило случайный характер. Еще раз подчеркнем, оно объяснялось потребностью создания экономики, ориентированной на исторические традиции и отражающей внутренние и внешние условия хозяйствования. За этим фактом следует видеть признание закономерной неизбежности воспроизводства сложившегося хозяйственного строя на собственной основе. Наличные объективные условия и ограничители, традиции и экономические свойства хозяйствующих субъектов оказываются сильнее умозрительных планов создания некоего идеального общества по марксистским, равно и по другим рецептам.

Поэтому крушение социалистического проекта в СССР явилось тяжелым ударом не только по социализму, но и в неменьшей степени по политике формирования национально ориентированной модели общественного хозяйства, по поиску альтернативных вариантов развития. Вполне закономерно, что попытка внедрения либерально-капиталистической модели рыночной экономики в РФ вместо социалистической в очередной раз выдвинула на передний план политику заимствования готовых, сложившихся в западной экономике и понимаемых как «общественициационные» формы капиталистического рыночного хозяйствования. Идеологически она сопровождалась полным отрицанием самой идеи самобытности в хозяйственном развитии, особенно в первые послесоциалистические годы, всяческим ее третированием как рудимента прошлого и одной из причин нашего исторического отставания. В таком отрицании новым моментом стал упор на растущую глобализацию мирового хозяйства в современном мире. Однако также как и в случае с социалистическим проектом мощное подводное течение, а это весь комплекс существующий в действительной жизни самобытных условий хозяйствования, который никто - даже шоко-реформаторы - не в состоянии «отменить», постепенно разворачивает экономику с первоначально задуманного либерального курса. Именно так действует механизм самозащиты системы, несрабатываемость которого с высокой вероятностью ведет не к ее полной переналадке, а к саморазрушению. Такие развороты неудивительны, поскольку общественно-экономическая система воспринимает корневые черты самого общества и преобладающие характеристики человеческого материала.

Российская модель хозяйства: современный взгляд

Если попытаться в качестве итога зафиксировать значение старых споров о российском пути в экономике для современного этапа, то можно сделать следующие выводы. Прежде всего, надо иметь в виду, что народники и другие экономисты-почвенники свои концепции экономического развития России рассматривали, как правило, в русле реализации общей (национальной) идеи об уникальности страны как цивилизации и культуры, политического и хозяйственного строя. Очень часто такая уникальность связывалась не только с наличием самих самобытных начал, но и трактовалась как носитель истинных ценностей и образец для других. С этим связана жесткая критика капитализма и фактическая недооценка рыночных отношений, которые к тому же нередко отождествлялись с западной моделью экономики. Видимо, именно здесь можно обнаружить слабое звено в таком подходе. Отстаивая свою самобытность, экономисты-почвенники совершенно справедливо проводили линию на множествен-

ность путей и моделей развития. Отвергая рыночно-западную модель как неистинную, этим они противоречили исходной установки о многообразии форм общества и хозяйства.

В определенном смысле такой сбой в логике рассуждений российских экономистов-почвенников прошлого имеет объяснение, но на современном этапе он должен быть преодолен. Дело в том, что к началу XX века в мировой практике еще не был накоплен опыт реального рыночно-хозяйственного многообразия, а экономические успехи, равно как и огромные социальные издержки, связывались только с западными экономиками. Отсюда и заблуждение, ведущее к подмене объективной неизбежности хозяйственного многообразия уникальностью только российского хозяйства. Однако в XX веке мировое хозяйственное развитие дало немало примеров экономического успеха, основанного на альтернативных рыночных методах, во всяком случае, прямо не воспроизведящих опыт капиталистических стран первого эшелона. И уже в таких новых мировых хозяйственных координатах экономика России постепенно утрачивает статус абсолютно уникального хозяйства. Преодолевая неприятие рынка, она в большей или меньшей степени становится похожей на другие национальные экономики, а потому в значительно большей степени может черпать опыт хозяйствования, отработанный в других странах с более скажей судьбой. Иначе говоря, в прошлом веке накоплен такой разнообразный и противоречивый, позитивный и негативный опыт хозяйственного строительства, что практически самые противоположные варианты развития можно обнаружить в мировой практике и использовать для апробации в современной России. Важно только не защищаться на отдельных примерах, по нашей давней традиции – на западных образцах.

Следовательно, стремление создать сегодня абсолютно уникальную модель национальной экономики (к тому же и нерыночную), практически обречена на неудачу. Преодолевая многие из противоречий нынешней экономической системы, она становится не похожей на другие, а в силу этой причины и не способной успешно взаимодействовать с мировым хозяйством. При этом надо учитывать, что выдвижение и реализация «глобального проекта» предполагает наличие огромного внутреннего потенциала, энергетики и моции, которые способны перестроить мировое хозяйство на новых началах. Истощенность нынешнего российского общества, связанная с кровопролитными войнами и потрясениями в XX веке, фактически исключает возможность выдвигать такого рода проекты. Просто же закрыться от мирового рынка и успешно развиваться - невозможно. Последовательное наращивание глобалистских тенденций в мировом хозяйстве усиливает сделанный вывод.

Означает ли это, что необходимо вообще отказаться от идеи создания собственной национальной модели экономики? Как представляется, потребность в ней не исчезает и на современном этапе, хотя и переводит ее реализацию в другую плоскость. Во-первых, до тех пор, пока существует самобытные условия хозяйствования, а они определяются действием факторов (в частности, природных и цивилизационных), практически не устранимых в длительной исторической перспективе, воспроизводится объективная потребность в создании своей модели хозяйства. Но здесь надо учитывать, что искать свой вариант национального хозяйства следует не как альтернативу рыночной экономике, а в рамках множественности моделей рыночного хозяйства. Об этом говорит мировой опыт и собственная практика социалистического строительства в СССР. Во-вторых, формирование своей модели хозяйства предполагает поиск эффективной комбинации исторически сложившихся (в большинстве случаев и используемых в других странах) форм собственности и хозяйствования, которая, с одной стороны, соответствует историческим традициям и всему комплексу условий хозяйствования, с другой – является конкурентной с точки зрения взаимодействия с мировым хозяйством.

С учетом такого подхода следует оценивать современные тенденции в экономике России. Фактически реализуемый на нынешнем этапе реформирования диктуемый сценарий развития с использованием хозяйственных форм стран-лидеров по принципу имитации нацеливает экономику России на воспроизведение исторически уходящего индустриального капитализма с переходом в дальнюю периферию современной мировой экономики. Развитие российского хозяйства по имитационному сценарию тем более малоэффективно, если принимать во внимание всю совокупность цивилизационных, географических, международных и других особенностей и ограничителей, которые не позволяют воспроизвести тип западной рыночной экономики, равный ей по эффективности. Последствия внедрения на просторах России западного

питалистической рыночной модели хозяйства были бы таковы, что с неумолимостью действия закона экономической рациональности, как он действует при капитализме, превратили бы ее в поставщика сырья, добываемого, условно говоря, «вахтовым способом». Таким был бы наиболее вероятный исторический результат капитализации российской экономики в прошлом, если рассматривать сферу экономики как область проявления только рационального. Строить крупные перерабатывающие центры и просто города в нашей природно-климатической зоне с точки зрения экономической рациональности не выгодно, поскольку приходится нести огромные сопутствующие расходы по «обогреву» территории.

Все это с неизбежностью воспроизводит потребность в поиске своей собственной модели рыночной экономики, которая была бы способна максимально мобилизовать конкурентные преимущества российской экономики. На современном этапе именно этот конкурентный аспект должен привлекать повышенное внимание и влиять на выбор перспективной модели экономики постиндустриального типа. С этой точки зрения оценивая современные конкурентные возможности экономики России, надо учитывать высокую энерго-, материально- и трудоемкость большинства видов производимой продукции, что завышает издержки производства и ухудшает конкурентные позиции российских товаров на мировых рынках по параметру цен. Такая высокая затратоемкость производства в России определяется множеством причин. К их числу следует отнести: влияние всей совокупности неблагоприятных факторов производства, сложившуюся утяжеленную структуру народного хозяйства, отставание в уровне производительности труда, и т. д. Это означает, что в стратегии экономического развития должно быть особенно продуманным взаимодействие с мировым рынком и прежде всего степень открытости внутреннего рынка, равно как и экспортная ориентированность российской экономики. Поэтому перспективная цель должна быть связана с переориентацией на отрасли обрабатывающей промышленности и особенно наукоемкой продукции. В этом случае можно рассчитывать на то, что неизбежно более высокие затраты на ее производство получат признание на мировом рынке. Производство уникальной, высокотехнологической и качественной продукции при наших неблагоприятных условиях дает нам шанс компенсировать более высокие издержки по ее производству на мировом рынке. В свою очередь предпосылки для такого характера экономического развития у нас еще сохраняются, если иметь в виду созданные еще в СССР заделы в области науки и технологии, квалификации и образования. Именно они для современной России определяют самый главный экономический ресурс и конкурентное преимущество. В этих условиях сохранение и развитие образовательно-научного комплекса страны должно быть отнесено к числу важнейших народнохозяйственных приоритетов.

Соответственно должна строиться и селективная поддержка тех отраслей обрабатывающей промышленности, которые располагают наилучшими условиями для внедрения на мировой рынок. Такие отрасли, как авиационная и аэрокосмическая, приборостроение и судостроение, ВПК и некоторые отрасли сырьевого комплекса, располагают необходимыми технологическими заделами, высококвалифицированными кадрами и в состоянии работать на мировой рынок. Государство должно поддерживать и стимулировать их участие в международной конкуренции, но одновременно не забывать о целесообразности развития внутри ориентированного производства. Наш рынок настолько емок и разнообразен, что вполне достаточно для освоения основной массой российских производителей. Конечно, в этом случае нет необходимости производить товары по всей огромной номенклатуре, как это было в экономике СССР. Однако при выборе профильных отраслей и производств не следует ограничиваться только одним критерием с сопоставлением по уровню издержек с другими странами. Так мы можем вообще лишиться всей обрабатывающей промышленности. Здесь должны использоваться более разнообразные критерии, связанные с обоснованием импортозамещающей стратегии, поддержанием экономической безопасности, решением проблем занятости, и т. д.

Сказанное означает, что исторический шанс для России, обеспечивающий не ее выпадение из мировых экономических процессов, а эффективное подключение к ним, связан с возвращением на путь опережающего развития, который на современном этапе связан с реализацией курса на формирование постиндустриальной модели экономики.² Он предполагает опору на собственные ресурсы и силы, на исторический опыт, учитывающий своеоб-

разие условий хозяйствования и исторические традиции, отработку механизмов защиты национальных интересов во взаимодействии с мировым хозяйством, решение задачи экономического развития с позиций не вчерашнего, а завтрашнего дня. Через соединение исторических традиций с будущими тенденциями мировой экономики можно вернуть своим самобытным свойствам способность превращения в конкурентные преимущества, а реформы перенацелить на достижение такого качества, которое формирует современный информационный облик мировой экономики.

Если попытаться концентрированно выразить проведенный анализ в виде будущей экономической модели, пригодной для России, то ее можно представить следующим образом: «человеческий фактор» (образование, культура, наука) + национальные традиции (коллективизм, социальное развитие) + природные ресурсы, используемые в интересах национальной экономики, + активно работающее государство + планово-рыночные методы хозяйствования + внутреннеориентированный тип развития производства + экспортная специализация на производстве уникальной продукции. Продуманное сочетание этих институтов закладывает основу эффективной реализации наших исторически проверенных конкурентных преимуществ, которые и должны быть заложены в основании будущей российской модели хозяйства.

¹ Подробнее об этом.: Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX-XX вв. СПб., 1998. Гл.3. См. также: Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация (книга первая). М., 2001.— Гл.1.

² Подробнее: Рязанов В.Т. Постиндустриальная трансформация, ее социально-экономические модели и судьба экономики России в XXI веке // Вестник СПбГУ. Сер. Экономика. 2001. Вып. 2. См. также: Постиндустриальный мир и Россия / Под ред. В.Г.Хороса, В.А.Красильщикова. М., 2001.

В.В. Шелохаев

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И ЛИБЕРАЛИЗМ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.: ПРОБЛЕМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

На протяжении десятилетий в отечественной историографии обосновывалась идея об исходной обусловленности идеологического противостояния социал-демократии и либерализма, об органической несовместимости их модели общественного преобразования, стратегического и тактического курса, а отсюда — о неизбежности политической борьбы между ними в контексте освободительного движения. Не укладывающиеся в эту общую схему отдельные факты сотрудничества между социал-демократами и либералами рассматривались исключительно под углом зрения тактики, которая была выгодна только социал-демократам. Подобного рода идеологизированный и политизированный подход отражал: во-первых, реально существующий накал идеино-политической борьбы внутри российской интеллигенции по исходной проблеме — выбор пути общественного преобразования России и, во-вторых, стремление победившей в октябре 1917 г. политической партии — навязать общественному и массовому сознанию идею о «чистоте» и «непогрешимости» политической линии большевистской фракции в РСДРП, последовательно ведущей бескомпромиссную борьбу против своих идеальных и политических противников.

В реальной же действительности проблема взаимоотношений между социал-демократами и либералами была сложнее. При этом важно учитывать совокупность факторов и конкретных обстоятельств. Во-первых, на разных хронологических срезах объем, содержание и механизмы реализации этих отношений были неодинаковыми. В этом плане можно условно выделить следующие периоды: 80—90-е годы XIX в; 1900—1904 гг.; 1905—1907 гг.; 1907—1914 гг.; 1914—1917 гг. Во-вторых, нельзя упускать из анализа различия, с одной стороны, внутри самой социал-демократии, распадавшейся на множество фракций, а с другой — внутри самого либерализма, который, как известно, также не был однородным. В зависимости от градации внутри данных направлений общественной мысли и организационных структур находились степени и масштабы сотрудничества. В-третьих, по мере трансформации идеино-политических направлений в массовые партии и движения менялись и объем, и содержание, и даже сама конфигурация сотрудничества. Так,

например, уже начальная фаза кристаллизации большевистского направления в РСДРП инициировала тенденцию к более раннему разрыву отношений с либералами, а революция 1905—1907 гг. окончательно превратила некогда бывших «друзей-противников» в не-примиримых классовых врагов. Вместе с тем умеренное крыло социал-демократии — меньшевики продолжали, хотя и в несколько модифицированном виде, поддерживать отношения с левым крылом российского либерализма — освобожденцами.

Однако констатация общеизвестных исторических фактов все же не дает ответа на целый ряд проблем. Одна из них состоит в следующем: были ли в России в условиях модернизации объективные основания для принципиальных расхождений между социал-демократами и либералами? По сути, те и другие решали один и тот же коренной вопрос: как и какими путями преодолеть отсталость страны. Традиционный накал идеино-политического противостояния внутри российской интеллигенции по данному вопросу уже априори (до конкретного опыта) не позволяла ей выработать общую, взвешенную оценку и ни относительно реализуемого в пореформенный период модернизационного процесса как целого, ни относительно оптимального варианта преодоления отсталости. Уже сама «сшибка» двух интеллектуальных моделей не могла не отразиться на всем комплексе отношений между социал-демократами и либералами. Разумеется, как внутри, так и между носителями этих моделей существовали определенные различия. Так, умеренная часть российской социал-демократии не отрицала самоценности капиталистической модернизации страны, рассматривая данный этап в качестве необходимой предпосылки и условия для последующего перехода к социализму. Из этой общей посылки выстраивалась и соответствующая линия гипотетических отношений с либералами. Что же касается собственно ортодоксальных марксистов, то для них капиталистический этап модернизации представлял интерес постольку, поскольку он способствовал подготовки «почвы» для революционного «скачка» к социализму. Более того, наиболее радикальные представители левого крыла РСДРП разделяли мысли о возможности «скачка» из медленно и с большими социальными издержками модернизирующегося традиционализма непосредственно в социализм, минуя самостоятельную капиталистическую стадию развития страны. Такая позиция обуславливала непримиримость стратегической линии на сотрудничество с либералами, что, разумеется, а в ряде случаев и предполагало наличие временных периодов сотрудничества с либералами в борьбе против общего врага — самодержавия. Отсюда следовало, что основной задачей сотрудничества была не позитивная задача — совместное содействие модернизации, а именно отрицательная задача — борьба против общего врага. По существу общетеоретическая «сшибка» представителей двух интеллектуальных моделей модернизации страны в практической плоскости вылилась в борьбу за власть. Оба идеино-политических противника понимали, что, только овладев властными рычагами, можно попытаться реализовать собственную модель общественного развития. При этом либералы были убеждены в том, что на базе капитализма можно преодолеть отсталость и направить развитие страны в общечеловеческое европейское русло. В свою очередь, социал-демократы считали, что преодоление отсталости возможно на социалистической основе. Если даже учесть, что умеренные социал-демократы допускали наличие определенного периода собственно капиталистического развития России (50—100 лет), тем не менее, и они были убеждены в необходимости его скорейшего преодоления и замены социализмом, на базе которого и можно было окончательно преодолеть отсталость.

Поэтому коренная проблема — кому будут принадлежать властные рычаги управления страной после совместного свержения самодержавия, выступала в качестве раздражающего фактора, превращая социал-демократов и либералов в не-примиримых политических противников. Пока на теоретическом уровне дебатировался вопрос о путях и методах свержения самодержавия, социал-демократы, как целое, и либералы не исключали возможности сотрудничества, которое выражалось в попытках создания общих органов печати, налаживании совместных предприятий по доставке в Россию нелегальных изданий, в проведении совместных совещаний для выработки конкретной тактики (например, конференция революционных и оппозиционных партий в Париже в сентябре 1904 г.), издании и распространении книг, брошюр, листовок, прокламаций, сборов средств на вооружение отрядов самообороны, предоставлении подписей под думскими запросами и за-

конодательными предложениями и т.д. Однако когда борьба за власть становилась на повестку дня (революция 1905—1907 гг., 1917 г.), ситуация в отношениях между социал-демократами и либералами резко менялась. Причем, если меньшевики допускали возможность сотрудничества с либералами на уровне властных политических коалиций, то большевики считали такое сотрудничество не только не допустимым, но и подчеркивали необходимость создания революционного временного демократического правительства «снизу» без участия либеральной оппозиции уже на демократической стадии революции.

Борьба за власть стала оселком и мерилом объективности и искренности взаимоотношений между социал-демократами и либералами. Поэтому попытки наладить сотрудничество исключительно в целях решения отрицательной задачи — свержение самодержавия не могли стать и, естественно, не стали прочными и длительными. Эфемерный и неискренний характер временного сотрудничества, осознаваемый обеими сторонами, объективно вел к их взаимному отталкиванию и все больше обострению противоречий. Не даром «пробежка» от «друзей-союзников» до «врагов — народа» заняла в России не продолжительный период времени.

Опыт взаимоотношения социал-демократии и либерализма в России убедительно показал, что если и в основе сотрудничества не лежит положительная задача, если сотрудничество строится на решении исключительно отрицательной задачи, то оно не имеет исторической перспективы и чревато издержками и для самих партнеров, и для страны в целом.

И.Н. Олегина

ПРОБЛЕМА «ДОГОНЯЮЩЕГО» РАЗВИТИЯ В XX ВЕКЕ

Понятие «догоняющего» развития можно применять в широком смысле, как включающее все попытки догнать экономически более развитые страны, ранее вступившие на путь капиталистического развития, так и в более узком — применительно к XX веку, когда на путь индустриализации и модернизации вступают все новые и новые страны. Иногда о «догоняющем» развитии говорят еще в более узком смысле, имея в виду «восточноазиатскую» модель, которая довольно эффективно применялась в странах Юго-Восточной и Восточной Азии (ЮВВА) во второй половине XX века, но ныне, по мнению некоторых исследователей (В.Л. Иноземцев), исчерпала свой потенциал.

На рубеже XIX—XX веков в мире существовало несколько ведущих держав, которые неодновременно вступили на путь капиталистической индустриализации. Страны, «пришедшие после», использовали опыт передовых стран и применяли, как обобщил А.Гершенрон в своей концепции «стадий отсталости», различные институты для преодоления отставания и решения проблемы «догнать». В то время Россия была великой державой, глубоко вовлечённой в решение мировых политических проблем, однако она была по сути дела «развивающейся» страной, если использовать позднейшую терминологию. Процесс её индустриализации, для которого важнейшей вехой стали отмена крепостного права в 1861 г. и другие буржуазные реформы, был далёк от завершения. Для решения проблемы «догнать» и ускорения экономического развития страны правительством использовались методы госкапитализма. 90-е годы XIX века были отмечены высокими темпами роста производительности, который продолжился после первой русской революции. Однако процесс индустриализации остался незавершенным.

Первая мировая война, революция 1917 года и гражданская война отбросили страну далеко назад в экономическом отношении. После восстановления народного хозяйства последовал новый индустриализационный рывок. Проблема «догнать», не решённая до революции, досталась в наследство большевикам. Решать её всё равно было необходимо, какая бы ни была власть. Однако стартовые условия для её решения ухудшились, отставание от передовых стран увеличилось.

В ходе дискуссий, которые имели место в 1920-е годы в партийном руководстве, а также среди экономистов Госплана, ВСНХ и других организаций, рассматривалась важ-

ная задача выбора оптимального пути для решения этой проблемы — то, что позднее в западной литературе получило название «стратегия развития».

Индустриализация СССР в годы первых пятилеток, в отличие от дореволюционной, осуществлялась на других основаниях: общественная собственность на орудия и средства производства, использование государственного директивного планирования, заменившего рыночный механизм. В аграрном секторе она сопровождалась насилиственной коллективизацией. Это — пример мобилизационной экономики. Насильственная коллективизация и принудительный труд в лагерях были отрицательными чертами этой системы. Однако, несмотря на эти факторы, были решены задачи, имеющие стратегическое значение для экономического развития страны. За короткий период были созданы основные отрасли современной (для того времени) промышленности — с использованием западных технологий и организации производства (что характерно для страны, «пришедшей после»), но без западных финансовых вливаний.

Цена форсированной индустриализации была высокой, но и время было дорого: ценой промедления, как показали последующие события (война с гитлеровской Германией) могла быть утрата независимости страны.

Рывок, осуществлённый в 30е годы, был необходим и, важно отметить, возможен. Дело в том, что если отрыв от передовых стран очень велик, «догоняющая» страна, может и не добиться успеха в гонке. В 30е годы Советский Союз успел «вскочить в поезд», пока разрыв не стал слишком большим, а в 60е годы стал супердержавой по своей экономической и военной мощи.

Почти одновременно с Россией в 1868г. стартовал процесс индустриализации в Японии (революция Мэйдзи). После второй мировой войны Япония осуществила впечатляющее движение на пути «догоняющего» развития, создав мощную индустриальную экономику в 50—70е годы. Это тоже был образец мобилизационного развития, но в рамках капиталистической открытой экономики.

В 60е годы проблема преодоления отставания и создания ускоренными темпами индустриальной экономики всталла на очередь дня для бывших колоний, получивших независимость. Правительства этих стран решали вопрос, по какому пути идти, решая проблему «догнать».

Казалось, они стояли перед неразрешимыми проблемами (низкие доходы населения, недостаток капиталов и т.д.). Однако несколько стран Юго-Восточной и Восточной Азии (Республика Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур, Малайзия, Таиланд и Индонезия), не имея благоприятных стартовых условий для экономического роста, осуществили серьёзный прорыв на пути «догоняющего» развития в 70-е—90-е годы. Как показано в исследованиях С.А. Былинкия и В.Л. Иноземцева, эти государства, применяя разные образцы стратегии и тактики развития, используя рыночные методы и государственное регулирование, сумели проложить свой путь, адаптироваться к мировому хозяйству, осуществить структурную перестройку экономики. Они добились весьма внушительных результатов, измеряемых прежде всего ростом внутреннего валового продукта (ВВП) на душу населения, который составил в 1993г. в Гонконге 87.1 % от уровня США, в Сингапуре 78.9 %, Республике Корея — 38.9 %, Малайзии 32.1 %, Таиланде — 25.3 %, Индонезии — 12.7 % (в России 38.7 % в 1990г., 20.4 % в 1993г.) С.А. Былинкин отмечает, что достижение стран Юго-Восточной Азии нельзя рассматривать как успех рыночно-ориентированной модели. Это был сложный процесс, в котором сочетались различные методы, а эффективная либеральная политика стала возможна как конечный результат.

По его мнению, заслуга этих стран «заключается в том, что они развеяли представление о безысходности и бесперспективности развития стран третьего мира». Несколько десятилетий быстрого экономического роста, повышение уровня жизни населения этих стран — всё это то же нельзя сбрасывать со счёта.

Азиатский финансовый кризис 1997г. сильно ударили по странам этого региона. В.Л. Иноземцев делает даже вывод об исчерпанности модели «догоняющего» развития, поскольку эта модель не позволяет этим странам вступить в «постэкономический», «постиндустриальный» период.

По его мнению, страны этого региона «никогда более не будут занимать тех позиций в мировой экономике..., которые были достигнуты к середине 1997года.» «Попытка стран Юго-Восточной Азии осуществить „большой скачок“ в круг развитых держав закончилась неудачей». Иноземцев считает, что «в сегодняшних условиях ни одна хозяйственная система не может достичь постиндустриального уровня развития без прямой помощи и поддержки со стороны других постиндустриальных стран».

Эти выводы связаны с теми изменениями, которые произошли в мире с 70х годов. Переход развитых стран (ещё не завершённый) к «постиндустриальному» миру поставил вопрос о возможности «догоняющего» развития в совершенно новую плоскость.

Между тем, наша страна (теперь уже не СССР, а Россия) снова стоит перед решением проблемы «догнать». Распад СССР, крушение социалистического строя и строительство капиталистической экономики (именно строительство, так как это не самопроизвольный процесс) отбросил нашу страну далеко назад по экономическим показателям. Среднегодовые темпы сокращения ВВП в России в 1990—1994г. превысили 10 %, в 1995г.—4 %, в 1996—5 %. За 1990—97 годы ВВП сократился в 2 раза. Разрыв между Россией и развитыми странами (а также некоторыми из развивающихся) значительно увеличился.

Изменения, произошедшие в развитии мировой экономики в 70—90е годы создали новые, условия (в конце 80-х начале 90-х годов ещё не осознанные нашими руководителями), в которых стала осуществляться структурная перестройка экономики России.

Обратимся к тем характеристикам изменений в мировой экономической системе, которые даёт Дж. Сорос, прекрасно знающий, что из себя представляет эта система и как она функционирует. Кстати, в своих книгах последних лет («Кризис мирового капитализма», 1999; «Открытое общество: Реформируя глобальный капитализм», 2001) он не использует ни определение «постэкономическое общество», ни «постиндустриальное общество», а говорит о «современном капитализме», о «глобальном капитализме».

«Отличительной чертой глобальной капиталистической системы, — пишет он, — является свободное движение капитала». Он подчёркивает, что свободное движение капитала относительно новое явление, в первые годы после войны об этом не было и речи. Складывание глобальных финансовых рынков он относит к 70 — концу 80х годов. По наблюдению Сороса, «экспансия глобального капиталистического рынка постепенно ограничивает власть отдельно взятого государства. В условиях свободного движения капитала любая попытка обложить его налогами или заняться его регулированием может побудить капитал к бегству из страны».

Структурная перестройка российской экономики началась в 90е годы, т.е. в период, когда возможности «догнать» резко ухудшились, ибо глобальная финансовая система превосходно приспособлена к утечке капиталов.

Та гигантская утечка капиталов из России в последнее десятилетие связана не только с недоработками законодательства, но и с особенностями новой эпохи.

В «Тезисах о глобализации» Дж. Сорос пишет, что «глобальные финансовые рынки приносят выгоду странам, находящимся в центре международной рыночной системы, в особенности США. Финансовые рынки «всасывают» большую часть сбережений и прибыли, создаваемых во всём мире, перекачивают их в центр...» Центр «получает львиную долю всех доходов». Страны, находящиеся в центре международной рыночной системы, пользуются ещё преимуществом, происходящим из того, что в их ведении находится управление всей системы, регулирование и контроль. Сорос не согласен с фундаменталистами-рыночниками, полагающими, что рынок сам себя регулирует.

Каковы же возможности для нашей страны добиться успеха в условиях, когда доминируют глобальные финансовые рынки и ситуация не благоприятна для тех стран, которые находятся на периферии. Можно ли как-то переломить ситуацию?

Исходя из того, что в «постиндустриальном обществе» наибольшую ценность представляют продукты информационного сектора хозяйства, необходимо искать выход из положения опираясь на то, что было сильной стороной в советский период: достижения в области образования и науки, сохранившийся кадровый потенциал науки, научные разработки.

В статье — рекомендации В.А. Рубинова «Об участии России в процессах глобализации мировой экономики» обосновывается необходимость для России курса не на «догоняющее»,

а на «опережающее» развитие, для чего первостепенным является создание инфраструктуры интеллектуальной экономики, которая должна обеспечить продвижение ценных знаний и технологических достижений на мировой рынок, юридическая защита интеллектуальной собственности (находящаяся у нас на чрезвычайно низком уровне), внимание к «человеческому капиталу», который традиционно недооценивается.

Не сырьевая ориентация экономики, а курс на эффективное использование интеллектуально-творческого капитала может обеспечить достойное место России в формирующемся «постиндустриальном» обществе.

¹ Былиняк С.А. Адаптация к мировому хозяйству: опыт Азии и российские проблемы — М., 1998.— С. 5—86; Иноzemцев В.Л. Расколотая цивилизация. М., 1999.— С. 344—380.

² Былиняк С.А. Указ. соч.— С. 12.

³ Там же. С. 163.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ Иноzemцев В.Л. Указ. соч.— С. 380.

⁶ Былиняк С.А. Указ. соч.— С. 87.

⁷ Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. Пер. с англ.— М. 2001.— С. 236.

⁸ Там же.— С. 13.

⁹ Сорос Дж. Тезисы о глобализации // Вестник Европы. 2001.— № 2.

Peter Derkx

TWENTIETH-CENTURY HUMANISM IN A SMALL, NORTH-WEST EUROPEAN COUNTRY: THE CASE OF THE NETHERLANDS

Four Humanisms

One way to find out more about the character of Dutch humanism is to see what the Dutch word *humanisme* has meant. *Humanisme* can hardly be found before 1850. The Dutch words for all kinds of -isms appeared at about that time: liberalism, socialism, nationalism. From the second half of the nineteenth century *humanisme* was used fairly often, with four different meanings.

1. In its *Renaissance* sense, humanism refers to a historical movement in European history that started in the fourteenth century with Petrarch and ended about 1620, and that was thought to be characterized by the study of ancient Greek and Roman literature, philosophy and art. It would appear to be a reasonable guess that Erasmus of Rotterdam alone would succeed in keeping the Renaissance meaning of the word in the air. The writings not only of Erasmus, but also of Petrarch, Thomas More, Rabelais and Montaigne, continue to be printed in Dutch translations. So this meaning of humanism as a phase in the cultural history of Europe is still alive, but, obviously, it refers to the past.

2. Another — related — meaning of humanism is *pedagogical*. This humanism refers to a pedagogical current which emphasizes *Bildung* towards «true», «higher» humanity as the end to strive for. The study of the exemplary language and culture of the ancient Greeks and Romans was regarded as the best means to this end. In the second half of the nineteenth century, this pedagogical meaning became linked to a certain type of secondary school: the *gymnasium*. In nineteenth-century dictionaries of the Dutch language, this pedagogical meaning of humanism is dominant. At the beginning of the twenty-first century it has practically disappeared, and certainly does not play a substantial role in the humanism of the organizations calling themselves *humanistisch*.

3. In its *moral* or ethical sense being an adherent of humanism means that one morally tries to be humane, which means: loving all people, being considerate, respectful and friendly towards them. For the important humanist Allard Pierson (1831—1896) this moral meaning has a *sociopolitical* edge and is more than philanthropy. For him, humanism refers to the conviction that all human beings are fundamentally connected with each other as persons who wish to develop themselves. It refers to the feeling that, morally speaking, humankind is the highest unity: higher than other collectives that might claim loyalty from people, e.g. the church, Christianity or the nation. This moral and political humanism is still very much alive.

4. Finally *humanisme* is used to refer to a *worldview* or a life stance, which phrases are used here to translate the Dutch word *levenbeschouwing*. Humanism in this sense is the worldview that can be distinguished from the pre-modern Christianity of the churches. It is important to see that this humanist worldview has two different variants. Either it means that one rejects as irrational and unreasonable any Christianity and religion whatsoever, or it means that one continues the historical development of Christianity and adapts it to modern times as a human cultural product. In the latter case, humanism refers to an open and rational, universally-human religion. Many different manifestations of religion can develop in this direction, and Christianity is one of them. Humanism in its worldview sense was very much present in the twentieth century, and — together with the moral and political sense — it still dominates the meaning of the word.

It is important to realize that there are many humanist groups and people that do not carry the label «humanist». However, to further clarify Dutch humanism this paper will deal now with the vicissitudes of two important organizations explicitly calling themselves *humanistisch*, and with the way humanism was and is expressed by them.

De Dageraad

The first explicitly humanist organization to be founded in the Netherlands was *De Dageraad*, which means dawn or sunrise. It was founded in 1856. At that time most of the founders were scientifically-minded deists as far as worldview is concerned. They felt that God will reveal Himself when nature is investigated scientifically. In matters of politics, they were conservative liberals. Their goal was: (a) to search for the truth, led by nature and reason, and to distribute the results; (b) to advance the mutual understanding and brotherhood of kindred spirits; (c) to contribute in practice to the happiness of society.

After its foundation, *De Dageraad* developed quickly. Charles Darwin's *On the Origin of Species* (1859) turned out to be a catalyst for the debate on science and religion, and after 1865 the industrialization of the Netherlands caused the rise of a socialist labor movement. By 1880, most of the members of *De Dageraad* not only were atheists and materialists admiring Ernst Haeckel and the writer Multatuli (1820—1887), but they were also socialists with Marxist or anarchist leanings. Often they would think science proved that God did not exist, and often they saw a connection between atheism and socialism. The views of the teacher and social democrat A.H. Gerhard (1858—1948) can serve as an example. His thinking ran as follows: freethinkers try to destroy the belief of the mass of the common people in a good God and in a heaven after this life. The freethinkers' striving to raise the consciousness of the majority of humanity about their real situation is cruel, if at the same time we do not work hard toward a society in which a good life here and now is possible for everybody, not just for the happy capitalist few.

De Dageraad has a record as a small and brave, strongly atheist, antireligious and anti-church organization fighting the Christian majority of the Netherlands. Some of the issues it focused on are the importance of science and free inquiry, the non-existence of God, the dangers of religion and mind-policing churches, the separation of church and state, the value of morals without God and the equal value of a non-religious and a religious oath in court or office. In the 1920s and 1930s *De Dageraad*, led by the cabinet-maker Jan Hoving, was able to organize meetings in large theaters attended by many hundreds of sympathizers. Membership rose to its all-time high of almost two thousand five hundred, twelve hundred of which were in Amsterdam alone. *De Dageraad*'s manifestations were directed not only against religion, but also against capitalism, fascism and Hitler's Nazism. In the 1930s, the relationship of *De Dageraad* with the Dutch government was decidedly bad. The government was a rather conservative and authoritarian Christian coalition trying to maintain a neutral position towards Nazi-Germany. The freethinkers of *De Dageraad* in this period were among the most determined fighters against anti-Semitism, wherever it reared its ugly head, in the Netherlands, in Germany, or in the Soviet Union. They organized several protests against pogroms in the Ukraine and Russia.

At its foundation in 1856, *De Dageraad* regarded itself as the «Church of the Future». Nonetheless, its attitude has been mainly one of a minority in a hostile environment. In the latter part of the nineteenth century, the number of people in the Netherlands who were not a member of a church was very low indeed: 0.1% in 1869 and 2.3% in 1899. This rose rapidly in the twentieth

century to 8% in 1920 and 17% in 1947.¹ In 1957, after a hundred years, the name of *De Dageraad* was changed to *De Vrije Gedachte*, which means free thought. *De Dageraad/De Vrije Gedachte* no doubt contributed much to the social and intellectual undermining of Christian belief in the Netherlands, especially before World War II. Now it is a small organization with less than a thousand members.

Humanistisch Verbond

The organization that has largely determined the meaning of the Dutch concept of humanism in the second half of the twentieth century is the *Humanistisch Verbond* (HV, Humanist League), founded on February 17, 1946. There were three main reasons for founding this organization. Firstly, there was a need to safeguard the right to exist of a non-religious humanist worldview and to think through and strengthen its philosophical foundations. In short, the HV wanted to fight for the emancipation of non-religious humanists. In the second place, the HV wanted to enhance and corroborate the largely implicit humanist worldviews of the substantial numbers of men and women who had left the church and had descended into nihilism. The churches had to raise the spiritual strength of the Christian believers, the new humanist organization had to do so for the growing number of Dutch people outside the churches. The underlying idea was that a conscious Christian or humanist conviction about what is important in life would have prevented the rise of Nazism and would prevent such gruesome movements coming to power in the future. The third reason for the foundation of the HV was an elaboration and specification of the second reason mentioned above. To the disappointment of its leaders, the Dutch socialist workers party SDAP (Social Democratic Workers Party), founded in 1894, had never been able to win more than 30 percent of the votes in a national election. Because of a blockade by the Protestant and Roman Catholic parties, and because of its atheist image, the SDAP never really participated in a government coalition before World War II. After the war, the social-democratic leaders wanted to change this situation. They therefore founded a new political party that would explicitly welcome Christian socialists. The SDAP before 1940 had been not just a political party but also a social, cultural and perhaps even spiritual home for a large part of the non-Christian left. The PvdA (Labor Party), founded on February 9, 1946, did its best to attract Christians as members. Many of the founders of the HV were social democrats themselves and active in the new PvdA. They knew that this successor to the SDAP would organize its members on their political views only. Now that the social democratic party no longer wanted to provide a humanist worldview and spiritual home for the Dutch atheists and agnostics, another organization had to take on this role. This is why, according to J.P. van Praag, the foundation of the HV was a necessary consequence of the new setup of the social democratic party. The foundation of the HV meant that the non-religious worker no longer had to regard his political party as his church.

One question that has to be dealt with is why the founders of the HV did not try to reinvigorate *De Dageraad*. The teacher and social democratic politician J.P. van Praag (1911–1981), a central figure in the new organization, wrote in 1946 that an important difference was that *De Dageraad* emphasized the negative and unproductive fight against religion (preaching to the converted), whilst the main aim of the *Verbond* was to be a center of positive reflection and inspiration for the non-religious part of the population. Van Praag thought *De Dageraad* had reached a dead end and a new organization was needed to unite and inspire the one and a half million non-churchgoing Dutch.

Membership of the HV continued to expand until it reached about twelve thousand in 1956, since when it has settled at between twelve thousand and sixteen thousand. The history of the *Verbond* can be divided into two phases. In the period 1946–1965 it waged a successful emancipation struggle as a worldview organization on behalf of non-Christian humanists, and atheists and agnostics in general. In 1965 one can say that it had completed this mission. An important factor in this success was not so much the size of the membership (which in view of the original expectations was a disappointment) but the always very strategically formed board of the HV and its lobbying activities. Of decisive importance, of course, was the rapidly increasing number of people in the Netherlands who were not a member of a church: 21% in 1960; 33% in 1966; 43% in 1979; 50% in 1980; and 60% in 1993 and in 1997². The Netherlands was no longer a Christian nation. Atheists were no longer regarded as second-rate citizens and as people without morals and conscience.

The period 1966–2001 can be characterized as the period in which the *Humanistisch Verbond* attempted to find a new mission, a new humanist program. This was difficult because Dutch society at large after 1965 was very much a humanist society.³ J.P. van Praag, president from September 1946 until May 1969, attempted with little success to present the struggle against nihilism, or the complete absence of a worldview, as the new publicly attractive main task. Personally he had always thought this to be the main issue, or «the big fight». Of the presidencies after 1965, Rob Tielman's (1976–1986) was probably the most successful. He gave the HV a clear identity as the organization that promoted a worldview centered on the principle of self-determination of individuals, and that crusaded in favor of the legalization of abortion and euthanasia and against discrimination of homosexuals. After Tielman's presidency, the HV's limited but clear and relevant identity again became diffuse. The continuing search for a new mission even became more difficult when in 1994, for the first time since 1918, the Netherlands got a government coalition that comprised not a single Christian party, and which adopted more liberal policies on euthanasia, prostitution, shop opening hours, and marriage and adoption by homosexuals. Many Dutch people saw this as confirmation that there was no further need for an HV after the successful emancipation struggle.

One recurrent theme in debates on the humanism of the HV has been the relationship with Christianity. In 1946 the HV decided that humanism is a worldview «that, without starting from the existence of a personal deity, is based on respect for the human being as a special part of the cosmic whole, as a bearer of a sense of norms that cannot be changed at will, and as a creator of and partaker in spiritual values». In 1973, the relevant part of the declaration of the humanist principle was changed into: «Humanism is the life stance which tries to understand life and world with human faculties only. The faculty to judge and discriminate is deemed essential for a human being, and nobody or nothing outside of himself can be made responsible for this». These words were phrased very carefully to make sure they did not exclude pantheists and very liberal Christians. Before 1965 the HV waged many public battles against Christian attempts at repression, and in spite of the careful wording of its principles, the Dutch *humanisme* in this period acquired an association with atheism, and HV membership came to reflect this. After 1965 the mutual opposition of non-theistic humanism and a large part of Dutch Christianity weakened. The difference in worldview between many traditional Christians and many non-theistic humanists has remained obvious. It is also true, however, that the difference between many enlightened Christians and many broad-minded non-theistic humanists turns out to be very hard to pin down precisely. More and more Dutch Christians wholeheartedly have accepted Enlightenment-inspired humanist principles, and more and more humanists have come to feel that the fight against Christianity and the churches is no longer a priority. In alliance with liberal and socially oriented Christians, these humanists would rather fight important social wrongs.

Comparing the humanism of the *Humanistisch Verbond* with the humanism of *De Dageraad*, one might say that the main difference is that the HV — with Jaap van Praag at the center — always felt that it represented a large part, and possibly the majority, of Dutch society. The HV always wanted to be integrated into normal Dutch society, whereas *De Dageraad* and *De Vrije Gedachte* were always kicking against other groups and the culture they assumed to be dominant.

Apart from its important role as the most visible defender and representative of humanism in Dutch society, the HV has tried to set up a structure for practical work to educate, guide and help the non-Christian part of the Dutch population. The successes in the struggle against nihilism were mainly to be found in this «practical humanism». This practical work was thought at the outset to consist of the formulation, elaboration and convincing presentation of a coherent humanist worldview by humanist leaders for the non-Christian mass in general. Later, from 1950, this work developed into the humanist counseling (*geestelijke verzorging*) of non-religious individuals in distress, and into humanist moral and spiritual education (*geestelijke vorming*) for small groups as well as in school settings. Many Dutch citizens have come into contact with the HV through its practical activities. And even if they did not know or understand what else the HV was doing, they remained sympathetic to it because of this practical humanism.

The Changing Meaning of «Humanism»

De Vrije Gedachte (*De Dageraad*) and the *Humanistisch Verbond* are representative of important strands in twentieth-century Dutch humanism. However, there have been and are many more explicitly

humanist organizations. I will only mention some of them: Humanitas (an organization for social services and community development on a humanist basis), Hivos (Humanist Institute for Development Cooperation), *Universiteit voor Humanistiek* (University for Humanist Studies), *Humanistische Omroep Stichting* (Humanist Broadcasting Foundation), and Humanist Media Support (provider of internet services and media products; website: <http://www.human.nl/>).

The moral or political meaning of humanism is clearly alive in the humanist organizations of the Netherlands. *Humanistisch Verbond*, Humanitas, Hivos and other humanist organizations regularly use the concepts of humanism and humanist to express their humanitarian strivings and their activities aiming at a more humane society. The worldview meaning also has remained very much present in Dutch humanism, sometimes in the militantly atheist version of *De Vrije Gedachte*, but more often in a more open variety.

In this context it is important to be aware of some recent changes in Dutch society and in the way worldviews are conceptualized and studied. I already mentioned that the Netherlands is no longer a Christian society. It is now an intercultural and multicultural society in which only 37% of its citizens are members of a church or regard themselves as Muslim. But there is more: in 1999, 45 to 60% of church members went to church only a few times a year, if at all. Between 1979 and 1995, the number of men and women who were a member of a Christian church and did not subscribe to the central tenets of the Christian belief, increased in importance. Since 1985 the group of non-believing church members has become even larger than the group of traditional Christian believers in the churches⁴. The Netherlands might be growing towards a situation in which the large churches have disappeared leaving a large number of smaller churches with a more conscious, convinced and «orthodox» membership. And what do the Dutch people who are not a member of a church and not a Muslim believe? Fewer than 10% of them have traditional Christian beliefs. The others have (implicit) beliefs about freedom, determinism and chance, about the malleability and manageability of human life and society, about the (possibility and methods of) justification of moral positions and truth claims, about what is important in life, about purposes and values, about retaining one's self-respect and personal identity. They are no nihilists. They want to decide for themselves what to believe in. They are members of all kinds of organizations, but mostly not of organizations that provide them with an all-encompassing worldview. One might say that they all have a «meaning frame» (*zingevingeskader*), but only some have a «worldview» (*levensbeschouwing*). A meaning frame is a set of experiences, principles, values and views that makes the person concerned feel that her or his life is meaningful. This set may be largely implicit and only have a limited coherence, but it is there and it works. A worldview is a meaning frame that one is more conscious of, has made more explicit, and has tried to improve in terms of internal consistency and external relevance. Of the non-churchgoing Dutch, the overwhelming majority, which constitutes about half the total population, has a non-Christian meaning frame, but this meaning frame is very hard to pin down precisely, often also for these people themselves. Meaning frames and worldviews may be highly personal, but even then they may also be shared by many, to a certain extent. Most Dutch people have meaning frames with a significant number of characteristics in common, not because they are adherents to the same worldview organization, but because they have lived through the same social changes. Research by A. Felling and others has shown, for instance, that since 1979 the Dutch in general have come to think that traditional family ties and the traditional division of labor between men and women are less important. They now judge more important issues to include: their own career; freedom to enjoy life; freedom of speech and expression; and individual freedom in matters of life and death (e.g. abortion and euthanasia).

Because of this better understanding of the way in which people nowadays give meanings to their lives (and did so in the past?), and because of the prime importance of the value of individual freedom in present-day Dutch society, many Dutch humanists are on the alert when they talk about humanism

as a worldview. A humanist worldview is not something to be handed down the generations as a complete and finished, collectively celebrated package. It is more a task than a traditional result. Many Dutch humanists realize that they «have», or rather «live» a largely implicit meaning frame, and that it is hard work to create and express a coherent worldview of their own. From these empirical and conceptual considerations, we are in a position to reformulate J.P. van Praag's fight against nihilism. He thought it very important to a vital society for most people to develop their largely implicit meaning frames into more conscious worldviews, and to share and discuss them with others.

One of the more important and interesting debates in Dutch humanism at the beginning of the twenty-first century is about the status and content of humanism as a meaning frame and worldview, and its precise relation to humanism as a moral and political effort towards a more humane society.

Notes

¹ These conservative figures are based on research by the CBS (Central Bureau of Statistics), which asked the simple question of what church one belongs to.

² These figures are from the Sociaal en Cultureel Planbureau (Social and Cultural Planning Office) and have a different basis from the CBS figures mentioned earlier. The SCP figures are based on a two-step question. First it is asked whether one regards oneself a member of a church, and only after a positive answer to this the question is asked what church one belongs to. This two-step question produces higher numbers of people who do not belong to a church. According to experts, this method is more trustworthy.

³ In 1986 in his speech at the celebration of the fortieth anniversary of the HV, the Dutch prime minister and Roman Catholic Ruud Lubbers said that Dutch society is based on Christian and humanist principles combined.

⁴ Traditional Christian belief here means that one believes in a God who occupies Himself with each human being personally and also that one debates and interprets the meaning of life, suffering, death and the problem of good and evil within the framework of this belief in God.

М. Б. Конашев

ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ И РОССИЯ (ОДНА ИЗ ВОЗМОЖНЫХ ПОСТАНОВОК ПРОБЛЕМЫ).

У 1991 г. есть ряд «знаковых», символичных названий: год ГКЧП, конца «советской системы» («Советской власти»), краха «советского коммунизма» или коммунизма вообще (при этом именно «советскому коммунизму» придается характер всеобщего), раз渲а СССР и так далее. В этом далеко не полностью приведенном перечнеказалось бы ничего не упущено и все социально-политические, идеологические и прочие катастрофы и переломные, ключевые моменты истории учтены и оглашены. Как учтены и оглашены и все непосредственные или отдаленные последствия происшедшего. И все же одно из таких последствий или событий, если его можно так назвать, не было названо, а может быть и замечено. Ибо как будто никто не обратил внимания на исчезновение гуманистического идеала. Нет, его не проклинали, не бичевали, над ним не ерничали как над «коммунистической утопией». Против него вообще не предпринимали каких-либо действий. Он просто перестал быть. никто о нем почему-то не вспоминал, и до сих пор почти не вспоминает. Возможно, вспоминать было неудобно, и неудобно по той причине, что он был «запятнан» своей связью с «коммунизмом», тем, что ранее его поминали все преподаватели научного коммунизма и научного атеизма, лекторы и пропагандисты всех уровней и рангов, дикторы телевидения и литературоведы. Со страниц газет и журналов, из радио- и телепередач было выброшено все, чему совсем недавно еще официально поклонялись, и, как всегда, вместе с «водой», не задумываясь, выкинули и «ребенка».

«Человек рожден для счастья как птица для полета»; «Человек — это звучит гордо!». Вроде бы всего лишь фразы, но нет их, нет и стремления к высотам развития и совершенствования человека. Выкинув «коммунистический» гуманистический идеал остались и вовсе без гуманизма.

Разумеется, может последовать самое первое и самое устрашающее возражение: идеал-то коммунистический. При этом подразумеваются, однако, не какие-то неприемлемые черты самого идеала, а все то неприемлемое (для разных лиц — и теоретиков, и не теоретиков — разное, конечно), что было в советской действительности. И идеал тем самым путают с

идолом (коммунистическим). Точнее с тем, что, выдавая себя первоначально за «низшую фазу коммунизма» затем, однако, само себя называло «реальным социализмом». Можно и на это тут же возразить, что именно попытка воплощения в жизни коммунистического идеала и привела (неизбежно, как чаще всего добавляют) к «реальному социализму», а до того к «сталинизму» и т.д. и т.п. В свою очередь данному выражению может быть (что и делалось не раз) противопоставлен целый ряд аргументов, но в целом спор укладывается в схему «теория — реализация» или, что точнее, «теория — проект — реализация проекта». Однако уже прошедшие в прошлом веке и еще продолжающиеся доныне дискуссии продемонстрировали определенную тулуиковость подобных дебатов. В тоже время, вне обсуждений осталось то обстоятельство, что «коммунистический» гуманистический идеал все же был и все еще остается именно гуманистическим идеалом, или другими словами сначала гуманистическим, а потом уже коммунистическим идеалом. Иначе говоря, исторически появился и затем изменился, развивался гуманистический идеал, и уже потом он был использован людьми, являвшимися членами партии, утверждавшей, что она воплотит его в жизнь, и называвшей себя в разное историческое время по-разному: РСДРП, РСДРП(б), ВКП(б), КПСС. Историческим фактом является и то, что были и другие люди, преданные тому же идеалу, но являвшиеся членами других партий. В начале XX в. в России они принадлежали, например, к партии конституционных демократов, партии социалистов-революционеров, той же РСДРП, но меньшевистской ее части¹, а еще были те, кто не входил ни в какие партии. Не политику, не философи, а врачу и писателю принадлежит хрестоматийное: «В человеке все должно быть прекрасно».

Верно то, что гуманистический идеал был и коммунистическим. Во всяком случае, в России. Но он был и не коммунистическим, и даже вовсе не коммунистическим. Но более существенно и важно то, что в нем, в «коммунистическом» гуманистическом идеале (не в «реальном социализме»), получило воплощение «все то лучшее, что выработало все человечество». Соответственно выкинув «коммунистический» идеал, выкинули и «все то лучшее, что выработало все человечество». Сравнение советского и не советских определений гуманизма это подтверждает.

Определение советского времени (предперестроечное) содержит во второй части очевидный классовый подход: «ГУМАНИЗМ» (от лат. *humanus* — человеческий, человечный), признание ценности человека как личности, его права на свободное развитие и проявление своих способностей, утверждение блага человека как критерия оценки общественных отношений. В более узком смысле — светское вольнomyслие эпохи Возрождения, противостоявшее сколастике и духовному господству церкви, связано с изучением вновь открытых произведений классической древности. Отвергая абстрактный, надклассовый подход к Г., марксизм связал его с рев. борьбой пролетариата за построение коммунистич. об-ва, создающего предпосылки для всестороннего развития человека. В этом смысле К. Маркс назвал коммунизм „реальный Г.“ Г. получает практич. осуществление в завоеваниях социализма, провозгласившего своим принципом: «Все во имя человека, для блага человека»².

Определение постсоветского времени (последнее) не содержит классового подхода, который (вторая часть определения) был просто (и безболезненно) отсечен: «ГУМАНИЗМ» (от лат. *humanus* — человеческий, человечный), признание ценности человека как личности, его права на свободное развитие и проявление своих способностей, утверждение блага человека как критерия оценки общественных отношений. В более узком смысле — светское вольнomyслие эпохи Возрождения, противостоявшее сколастике и духовному господству церкви, связано с изучением вновь открытых произведений классической древности³. Никаких иных поправок за более чем десятилетний срок в него внесено не было. Иначе говоря, «коммунистический» гуманизм советской идеологии образовывался из обычного, «буржуазного» гуманизма путем чисто механического присоединения «коммунистической» поправки.

Современное «западное» определение гуманизма почти идентично советскому определению — за вычетом все той «коммунистической» поправки: «Гуманизм есть демократическая и этическая жизненная позиция, которая состоит в том, что человек имеет право и ответственность давать смысл и вид своей собственной жизни. Гуманизм выступает за построение более человечного общества посредством этики, основанной на человеческих и

прочих естественных ценностях в духе разума и свободного поиска, реализации человеческих способностей. Гуманизм не теистичен и не принимает сверхъестественный взгляд на реальность».⁴ Примерно такими же были и «западные» определения времен отечественной хрущевской «оттепели»: «ГУМАНИЗМ, умонастроение, придающее первенствующее значение человеку и его способностям, делам, мирским стремлениям и благополучию (...); в частности характерное отношение Ренессанса в западной Европе»⁵; «ГУМАНИЗМ. Совокупность интеллектуальных и философских тенденций, целью которых является развитие сущностных качеств человека»⁶.

С другой стороны, даже определения гуманизма тридцатых годов почти совпадают (по содержанию) с досоветскими. Например: «ГУМАНИЗМ, а, мн. нет, м. [от латин. *humanus* — человеческий] (книжн.). 1. Идейное движение эпохи Возрождения, направленное к освобождению человеческой личности и мысли от оков феодализма и католицизма (истор.). 2. Прогрессивное человеческое (устар.)»⁷. За год до революций (включая «октябрьский переворот»): «Гуманизм или Возрождение. — В исторической литературе термином Г. обыкновенно обозначают литературно-научное движение, начавшееся в Италии в XIV в. и постепенно, к началу XVI в., охватившее главные страны Европы. Сущность этого движения в настоящее время принято определять как стремление к полноте личного развития свободного от тех стеснений, которые на него налагала средневековая церковь своими теократическими и аскетическими требованиями»⁸. В конце века: «Гуманизм или Возрождение (см.) — Так называется движение, освободившее, на Западе Европы, личность и культуру от порабощения католической церковью и положившее начало новой независимой науке, светской философии, литературе, школе и самостоятельному искусству. Оно началось в Италии, откуда распространилось (...) по всей Европе и было первым проявлением в новой истории культурного роста личности, которая стала критически относиться к современным, уже отжившим тогда культурным формам»⁹.

Ошибочно утверждать, что в СССР был только «коммунистический» гуманизм. Официальный советский «коммунистический» гуманизм все время критиковал тоже советский, но неофициальный «абстрактный гуманизм»: «Социалистич. Г. противостоит абстрактному Г., который проповедует „человечность вообще“, вне связи с борьбой за действительное освобождение человека от всех видов эксплуатации»¹⁰. В 1991 г. исчез и «абстрактный гуманизм», не абсолютно, конечно, но как заметное общественное явление.

В концепциях, рассматривающих советское общество как всецело или только тоталитарное, остается без объяснения эмпирический факт расцвета в тоталитарном советском обществе «абстрактного гуманизма» — в литературе, кино, гуманитарных науках (например, в литературоведении), — и неискоренимости этого «абстрактного гуманизма», несмотря на все прилагавшиеся усилия. В тоже время в пост- тоталитарной России расцвета даже «абстрактного» гуманизма пока, повторимся, что-то не наблюдается.

«Коммунистический» гуманизм тоже не был чем-то неизменным и однозначным в ценностном отношении. Он менялся исторически даже в пределах советского периода, и гуманизм А. В. Луначарского не одно и то же, что гуманизм Р. Косолапова, И. Т. Фролова или Э. В. Ильинкова. Он не был чем-то монолитно однородным и в каждый данный момент времени: гуманизм программы КПСС (соответствующих фраз в этой программе) не равен гуманизму того же Э. В. Ильинкова, В. Ж. Келле или Г. С. Батиццева.¹¹ Но был и «коммунистический» гуманизм досоветский: Г. В. Плеханова, П. Лафарга, самого К. Маркса, наконец. Таюже как в советский период помимо советского был еще, скажем, и «коммунистический» гуманизм А. Грамши, а затем «коммунистический» гуманизм «ревизиониста» Р. Гароди.¹²

Ничего лучше «коммунистического» гуманизма, который мы находим у условно «раннего Маркса» и в работах советских (и зарубежных) философов, разрабатывавших идеи «раннего Маркса», предложено так и не было. Он так и остался не превзойденным и в принципе не может быть превзойден, если будут пытаться игнорировать как сам этот гуманизм, так и эту проблему, философско-теоретической попыткой разрешения которой он был.

До появления в России «коммунистического» гуманизма К. Маркса гуманизма как общественного движения или течения мысли собственно и не было: был только исторический гуманизм Возрождения, о чем говорят определения гуманизма «до 1917 года» и даже после.

Гуманизм «раннего» К. Маркса появился тогда, когда его открыли для себя те философы, которые познакомились с ранними его произведениями после их публикации, то есть во времена хрущевской «оттепели». ¹³ Работы советских философов второй половины 1950-х — 1960-х гг. базировались на освоении, осмысливании и интерпретации «экономико-философского» гуманизма ранних работ К. Маркса. Предел развитию этой интерпретации, как можно предположить, былложен идеологическими рамками или скорее ими, чем тупиками самого философского поиска. В качестве эмпирического доказательства этого предположения можно сослаться на повсеместное столкновение (явное или скрытое) философской мысли с партийной идеологией в СССР, Югославии, Польше и других восточноевропейских странах.

Теперь в России в качестве общего принятого положения о том, что «коммунистический» гуманизм утопичен. Вне зависимости от того, верным или ошибочным является данное общее положение, по-прежнему открытым остается вопрос: а не «коммунистический» гуманизм — тоже утопия? Если так, то гуманизм (не как стоическая этика одного человека, а как этическая норма многих, способ жизни всего общества) не имеет смысла. Если гуманизм, по крайней мере, как идеал, есть не только абстрактная возможность, но и оправданная необходимость, он должен быть возвращен на то место, которое он занимал в развитии России, в ее движении к лучшей жизни, к лучшим людям и к лучшему обществу, образуемому этими людьми.

Идеал не должен превращаться в идола. Проблема состоит в том, чтобы понять, может ли этот идеал и, если может, то должен ли он — и при каких условиях — превратиться в норму жизни или, по крайней мере, в «руководство к действию» (а если к действию, то к какому именно). То есть, выражаясь языком гуманистической философии К. Маркса, превратиться в практический гуманизм. Именно проблема практического гуманизма и является для России наиболее актуальной, в особенности же, соотношение идеала и действия, или, другими словами, извечное соотношение цели и средств. Последнее включает и такие «частные» вопросы как, следует ли людям, приверженным гуманистическому идеалу и приступающим к решению проблемы именно практического гуманизма, становиться интеллектуальным клубом, просветительской организацией (на манер бывшего общества «Знание»), массовым «надпартийным» движением (как в Голландии) или гуманистической партией. Соответствующий выбор предполагает и соответствующий тип действий, в упрощенном виде сводимый к трем видам: проповедь, реформа, революция. Актуальность (и цена) такого выбора для России очевидна. Но это, как сказал литературный классик, уже другая история.

¹ О политических партиях России начала ХХ в. см.: История политических партий России /Под ред. проф. А. И. Зевелева. М.: ВШ, 1994. 447 с.; Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. М.: РОССПЭН, 1996. 800 с.

² Гуманизм // Советский энциклопедический словарь. / Гл. ред. А. М. Прохоров. 2-е изд. М.: СЭ., 1983. 1600 с., С. 349.

³ Гуманизм // Большой энциклопедический словарь. / Гл. ред. А. М. Прохоров. 2-е изд. М.: БРЭ, СПб.: Норинт, 1997. 1456 с., С. 320.

⁴ См. сайт Международного гуманистического и этического союза (IHEU): http://www.iheu.org/minimun_statement.html.

⁵ Humanism // Encyclopaedia Britannica. Chicago; London; Toronto: Encyclopaedia Britannica, Inc., 1959. Vol. 11. Gunnery to Hydroxylamine. P. 876.

⁶ Humanisme // Grand Larousse encyclopédique. Paris: Librairie Larousse, 1962. p. 990. Ср. также приведенные определения с теми, что даны в статье: Derkx P. Modern Humanism in The Netherlands // Douwe van Houten & Appnemie Halsema (eds.). Empowering Humanity. N.Y.: Prometheus Books, 2002. (в печати). Очевидна и определенная разница в определениях, свидетельствующая об их эволюции или историческом развитии, но сравнительный анализ изменений в определениях гуманизма является задачей, требующей отдельного рассмотрения.

⁷ Толковый словарь русского языка // Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935. Т. 1. 1565 с., С. 638.

⁸ Вульфиус А. Гуманизм или Возрождение // Новый энциклопедический словарь. — Т. 15. Гривна — Десмургия. СПб.: Брокгауз и Ефронъ, [1916]. С. 250.

⁹ Корелин М. Гуманизм или Возрождение // Энциклопедический словарь. Т. IXa. Гравилат — Давенант. СПб.: Брокгауз и Ефронъ, 1893. С. 879.

¹⁰ Келле В. Ж. Гуманизм // БСЭ. М.: СЭ, 1972. Т. 7. С. 445.

¹¹ Ср. например: Программа КПСС (Принята XXII съездом КПСС). М., 1969.; Ильинов Э. В. Об идолах и идеалах. М., 1968.; Келле В. Ж. Гуманизм // БСЭ. М.: СЭ, 1972. Т. 7. С. 444—445.; Батищев Г. С. Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии. М.: Наука, 1969. С. 73—144.

¹² Очевидно, что не все то, что называет себя гуманизмом или что было названо таковым, им и является. Определение степени гуманистичности текста или самой возможности отнесения того или иного текста к гуманистическому, однако, не имеет прямого отношения к разности исторических видов «коммунистического» гуманизма.

¹³ Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Политиздат, 1956. С. *.

А.В. Тихонов

ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА: ПРОБЛЕМА ДЛЯ РОССИИ XXI ВЕКА

В рамках темы нашей конференции проблема освобождения труда будет рассматриваться в двух планах: 1) как она ставилась в конце XIX века самим Г. В. Плехановым; и 2) как она ставится сейчас, в начале XXI в. в контексте вопроса «Куда идет Россия?». Под этим названием, кстати, уже с 1994 года Московская высшая школа социальных и экономических наук публикует материалы международных симпозиумов, но, как не трудно догадаться, ответа пока нет. Вопрос о том, является ли освобождение труда проблемой для России сейчас не обсуждается, очевидно, в силу его «неактуальности». Между тем, как нам представляется, он не только не потерял смысла, но и приобретает новую остроту.

В этой связи давайте вспомним, как появилась группа «Освобождение труда», какие задачи она поставила, в какой мере они решены, а в какой остаются проблемными и для современного этапа российской истории.

В последней четверти XIX века в революционном движении России произошла переоценка ценностей. Раскололась «Земля и Воля», а попытки соединить «Народную Волю» с «Черным переделом» не увенчались успехом. В сентябре 1883 г. было объявлено о создании группы «Освобождение труда», что свидетельствовало о переходе части революционеров на позиции научного (марксистского) социализма. Идейно-теоретические мотивы такого перехода получили развернутое освещение в двух основополагающих работах Г. В. Плеханова: «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия» (1884). К этому времени Г. В. Плеханов не только познакомился с основными трудами К. Маркса и Ф. Энгельса, но и перевел на русский язык «Манифест Коммунистической партии», заручившись предисловием авторов для русского читателя. Освобождение труда означало практическую деятельность по преодолению отчуждения человека от предмета, результата труда, от процесса труда и от своей родовой сущности.

К. Маркс понимал под отчуждением подневольный труд рабочего на капиталиста, присвоение этим капиталистом продукта труда, отделение рабочего от средств производства, которые, находясь в собственности капиталиста, противостоят ему как враждебная, закабаляющая его сила. Отчуждение труда рабочего выступает следствием его эксплуатации. Отсюда и враждебная противоположность труда и капитала. Сам ход развития этих отношений должен был, по Марксу, с необходимостью привести к революции, ликвидирующей отчуждение, что означало бы переход от предыстории к подлинной истории человечества, где «свобода развития каждого станет условием свободного развития всех».

Во «Втором проекте программы русских социал-демократов», написанном Г. В. Плехановым, прямо говорилось, что русские социал-демократы стремятся к полному освобождению труда от гнета капитала. «Такое освобождение может быть достигнуто путем перехода в общественную собственность всех средств и предметов (подч. Г. В. Плехановым — А.Т.) производства, перехода, который повлечет за собою: а) устранение современного товарного производства (т.е. купли и продажи товаров на рынке) и б) замену его новой системой общественного производства по заранее составленному плану ввиду удовлетворения потребностей как целого общества, так и каждого из членов в пределах, допускаемых состоянием производительных сил в данное время».¹

В таком случае отчуждающее господство продукта над производителем сменится господством производителя над продуктом, что «внесет сознательность туда, где господствует сплошная экономическая необходимость» и представит каждому гражданину реальную экономическую возможность непосредственного участия в обсуждении и решении всех общественных дел. Последнее, как говорится в программе, предлагает устранение современной системы политического представительства и замену ее «прямым народным законодательством». Эта революция возможна лишь при участии в ней всех или, по крайней мере, нескольких цивилизованных обществ, обеспечивающих солидарность интересов производителей.²

Предварительным условием освобождения труда является захват рабочими (трудящимися) власти в каждой из соответствующих стран. Только такое временное господство рабочего класса сможет парализовать усилия эксплуататоров, контрреволюционеров и в дальнейшем навсегда положить конец существованию классов и их борьбе. Разнообразие в программах социал-демоцратов различных стран будет зависеть от разнообразия конкретных общественно-экономических и политических условий в каждой из них.

В России, где капитализм, по словам Г. В. Плеханова, сделал громадные успехи после отмены крепостного права, разложение патриархальных форм крестьянского земледелия способствует созданию нового класса — промышленного пролетариата. «В лице этого класса народ наш впервые попадает в экономические условия, общие всем цивилизованным народам, а потому только через посредство этого класса он и может принять участие в передовых стремлениях цивилизованного человечества. На этом основании русские социал-демоцраты считают главнейшей задачей образования революционной рабочей партии...³ Низвержение абсолютизма должно стать ее первой политической задачей. Непосредственной целью борьбы рабочей партии с монархией является завоевания демократической конституции. Заручившись сильной поддержкой со стороны рабочего класса, социал-демоцраты смогут с гораздо большей надеждой на успех распространить свое воздействие и на крестьянство, особенно в то время, когда они добьются свободы агитации и пропаганды. Царству капитализма будет положен конец, если появится новая народная сила в лице рабочей партии и увлеченной ею беднейшей части крестьянства. Такова программа в кратком изложении.⁴

Каждый, кто вчитается в эти строки, с удивлением обнаружит, что почти все ее пункты прошли историческую проверку, хотя и не все было реализовано так, как задумано. Это, с одной стороны, говорит о фундаментальности подхода первых социал-демоцратов и оценке российской действительности в контексте трансформаций мировой системы капитализма и, с другой, о каких-то роковых просчетах в осуществлении этой программы.

Рассмотрим вкратце, что удалось, а что — не получилось. Удалось на начальном этапе обеспечить союз рабочего класса с беднейшим крестьянством, удалось создание рабочей партии, завоевание некоторых политических свобод в ходе первой революции (1905—1907 гг.), удалось, в итоге, низвержение абсолютизма, удалось захват власти и обеспечение временного господства рабочего класса, но не получилось, чтобы такой захват произошел одновременно во всех или в нескольких цивилизованных странах, не получилось снятие отчуждающего господства продукта над производителем, поскольку очень скоро после октябряского этапа революции и переходного периода (НЭПа), в стране взяли верх тоталитарно-статистские силы, которые провели индустриализацию, урбанизацию и коллективизацию (российский вариант ускоренной модернизации) на основах некапиталистической эксплуатации и рабочих и крестьян, доведя их труд до высшей степени отчуждения. Реформаторские попытки Н. С. Хрущева и М. С. Горбачева вернуть страну на путь социалистического развития наталкивались на отчаянное сопротивление номенклатурно-бюрократического класса, фактически распоряжавшегося государственной собственностью и заинтересованного в сохранении своих привилегий. Поэтому не получилась передача всех средств и предметов производства в собственность непосредственных производителей и устранение товарного производства. Плановая система не столько ориентировалась на реальные потребности общества и трудящихся, как рекомендовала программа, сколько обеспечивала воспроизведение руководящего номенклатурного слоя и поддерживала хроническое недопотребление основной массы населения. Перестройка была попыткой гуманистически ориентированной интеллигенции и части партийной элиты пойти по пути демократизации сложившейся

государственно-монополистической системы, но эта попытка была сорвана номенклатурно-бюрократическим классом, увидевшим для себя историческую возможность приватизировать то, чем он только распоряжался от имени государства.

Идеология вхождения в рынок стала «фиговым листком» для прикрытия частнособственных устремлений олигархических и криминальных групп. Исследования положения рабочих на крупных приватизированных предприятиях Санкт-Петербурга (Кировский и Ижорский заводы, завод турбинных лопаток, Арсенал и др.) показывают, что их материальные условия продолжают стремительно ухудшаться: 40,6% рабочих семей имеют душевой доход меньше прожиточного минимума, 75 % рабочих говорят о том, что заработной платы хватает только на продукты питания, по сравнению с зарплатой руководящего звена заработка рабочих меньше в 10—15 раз. Периоды вынужденного простоя нередко сменяются работой повышенной интенсивности с длительностью до 12 и более часов в смену.⁵

Создается впечатление, что по многим параметрам социальной жизни нас возвращают в век XIX... Освобождение труда, как показало XX столетие, — длительный цивилизационный процесс, требующий одновременного решения материально-технических, социально-экономических, социокультурных и, конечно, политических задач. Не каждая партия и не на любом этапе своего становления возьмется за их решение. Преждевременное, неподготовленное политическое вмешательство в культурно-исторический процесс чревато тяжелыми последствиями, вплоть до социальной деградации общества. Г. В. Плеханов неоднократно возвращался в своем социально-философском творчестве к вопросу о том, что будет, если социально-экономические условия не созрели, а революционеры придут к власти в результате заговора?⁶ И отвечал: «О, тогда произойдет позорнейшее фиаско русской социалистической партии!... «Предположим, — писал он, что «временное правительство» не передаст захваченной им власти народным представителям (Учредительному собранию! — А. Т.), как это полагалось по теории, тогда оно вынуждено будет организовать национальное производство, для чего у него не будет достаточной развитости самого труда и привычек трудящихся, не говоря уже о собственной непрактичности. Ему придется опереться на идеалы «патриархального и авторитарного коммунизма», внося в эти идеалы лишь то видоизменение, что вместо «перувианских сынов солнца» и их чиновников, национальным производством будет заведовать социалистическая каста... При такой опеке народ не только не воспитается для социализма, но и окончательно утратит всякую способность к дальнейшему прогрессу (с. 105). Поэтому, пишет он, «до тех пор, пока рабочий класс не развился до решения своей великой исторической задачи, обязанность его сторонников заключается в ускорении процесса его развития, устранении препятствий, мешающих росту его силы и сознания, а не в придумывании социальных экспериментов и вивисекций, исход которых всегда более чем сомнителен» (с. 102).

Не случайно, что через несколько недель после захвата большевиками власти, Г. В. Плеханов публикует в «Единстве» открытое письмо петроградским рабочим, где говорит о том, что этот шаг будет иметь катастрофические последствия для страны и для социализма. Спустя несколько дней новая власть эту газету закрыла.

После смерти Г. В. Плеханова, последовавшей в конце мая 1918 года, произошли великие исторические события, во многом подтвердившие его пророческие предостережения. Но произошли и процессы, которые он не мог предусмотреть, они касающиеся, прежде всего, материально-технических и социальных условий труда, которые по-новому ставят и саму проблему его освобождения. Прежде всего, нужно сказать об углубившемся за последнее десятилетие разделение России на различные экономические уклады. Мы находим в современной России патриархальный или традиционный уклад, индустриальный и постиндустриальный уклады. Более того, сегодня все чаще разделяют труд и нетруд.

Труд — это выполнение человеком своих обязанностей за вознаграждение (оплату), а нетруд — творческая, сколько угодно сложная и тяжелая деятельность, выполняемая добровольно, по личному почину, а также домашний труд, как бы не вызванный общественной необходимостью и потому неоплачиваемый. Проблема эксплуатации и отчуждения относится к труду как к деятельности, выполняемой за вознаграждение. Эта проблема признается неразрешимой при индустриальной материально-технической базе производства и связанным с ним разделением труда. Более податливым для социалистической организации ока-

затся управленческий и исполнительский труд. Последний может принимать различные формы социальной самоорганизации и включать субъективное творчество участников. Труд за оплату также трансформируется по своему содержанию и характеру. Все большее число лиц наемного труда переходят сегодня из производственной во внепроизводственную сферу, сферу услуг (так называемый «третий сектор» экономики), что, при достижении высокого уровня образования, превращает такой наемный труд в высококвалифицированную творческую и относительно свободную деятельность с преобладанием умственных функций и высокой организационной самостоятельностью. Компьютеризация умственной деятельности придает ей, по идеи, неограниченно творческий характер.

И, тем не менее, если даже эти тенденции и разовьются в полной мере, проблема освобождения труда в форме обретения личной свободы выбора способа участия в общественном производстве и с применением наемного, пусть даже творческого труда, может остаться как проблема социального неравенства, поскольку одни становятся «разработчиками», а другие остаются «пользователями».

«Постиндустриальное общество, — пишет последователь этой проблемы, В.Л.Иноземцев, — утверждая принципы свободы, не утверждает принципов равенства — и в этом заключены его важнейшие отличия от традиционного идеала социалистов».⁷

Новое общество может оказаться не менее жестко разделенным на социальные группы, чем прежнее, но критерием подобного деления станет уже не собственность на средства производства и не материальные блага (предполагается, что в основном и главном, они будут в достатке у всех членов общества), а личные качества человека, его способность иметь информацию, изменять и использовать свои возможности для производства продуктов и услуг. За этим, как утверждают западные исследователи, видятся очертания нового социального конфликта, который может приобрести характер ожесточенного классового противостояния.

Освобождение труда остается, как мы видим, актуальным вопросом и для западной и для российской социал-демократии, только предметы приложения реформаторских сил становятся разными. Если нам еще предстоит освобождение страны от власти олигархо-криминального капитала и борьба за раскрепощение творческих сил народа в деле обустройства им своей жизни, двигаясь в сторону постиндустриализма, то западным товарищам приходится первыми брать на себя разрешение новых конфликтов трудовой деятельности постиндустриальной эпохи. И, опять же, нельзя не удивиться методологической прозорливости Г.В. Плеханова: уже тогда он видел различия в позициях российских и западноевропейских социал-демократов в том, что Россия проходила в процессе «европеизации» этап первоначального накопления капитала, а в европейских странах уже во всю шел процесс налаживания капиталистического производства. Похоже, что мы и сейчас, в другое время, пребываем в том же методологическом формате.

¹ Плеханов Г.В. Избр. Философ. произв.— М. 1956.— Т.1.— С. 377—381.

² Там же.— С. 378.

³ См. там же.

⁴ Ряд проходящих политических и экономических требований мы опускаем.

⁵ Максимов Б.И. Положение рабочих на приватизированных предприятиях // Социальные проблемы труда в современном обществе.— СПб. 1999.— С. 354.

⁶ Плеханов Г.В. Ук. соч.— С. 102—108, 345 и др.

⁷ Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы.— М., 2000.— С. 196—197.

А.И. Борозняк

ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГЕРМАНИИ ЗА РАЗВЯЗЫВАНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ТРАКТОВКАХ ИСТОРИОГРАФИИ ФРГ

Тезис об особой агрессивности германского империализма первой половины XX века, о его пагубной роли в провоцировании трагического всемирного конфликта — мировой войны 1914 г. — базируется на анализе громадного количества опубликованных и архивных документов, и практически безоговорочно разделяется международным научным сообществом.

Задолго до начала войны, в 1905 г., начальником германского генерального штаба фон Шлиффеном был разработан план войны против России и Франции. Собственники крупнейших промышленных и финансовых компаний прямо требовали от кайзера и правительства аннексий за счет Западной и Восточной Европы, Ближнего Востока, колониальных территорий стран Антанты. Невозможно отрицать провокационную роль германского рейха во время июльского кризиса 1914 г. После того как 28 июня в Сараеве был убит наследник австро-венгерского престола, Вильгельм II и его дипломаты сделали все, чтобы конфликт между Веной и Белградом не оказался локализованным и превратился в катастрофу европейского и всемирного масштаба.

Уже 2 августа 1914 г., на второй день войны, по поручению канцлера Бетман-Гольвега, был спешно подготовлен текст «Белой книги о возникновении германо-русско-французской войны». И целенаправленно-фальсификаторский выбор документов, и общая политическая тенденция издания должны были обосновать пропагандистский миф о непричастности Берлина к развязыванию войны, о «вражеском окружении» Германии, о «вынужденном втягивании» рейха в мировую войну. Реваншистская кампания за пересмотр Версальского договора, начатая сразу после его подписания политиками Веймарской республики и оголтело продолженная приверженцами Гитлера, базировалась на абсолютном непризнании какой-либо ответственности Германии за первую мировую войну и прямо служила интенсивной подготовке новой всемирной трагедии.

После сравнительно недолгой паузы, связанной с военным и политическим поражением «третьего рейха», в ФРГ (особенно в публикациях Герхарда Риттера) была продолжена пропаганда тезиса о невиновности Германии в развязывании войны 1914 г. В 50-е годы в исторической науке и в историческом сознании ФРГ доминировал достаточно комфортный для общества, переживавшего период «экономического чуда» и горящего желанием расстаться с нежелательной памятью о нацистской диктатуре, тезис о «третьем рейхе» как воплощении разрыва связей с национальным прошлым. Проблема ответственности немецкой правящей элиты веймарского и нацистского периодов находилась вне сферы научного обсуждения.

Решающее воздействие на пересмотр привычной версии о «вынужденном вступлении» вильгельмовской империи в войну изучение проблематики нацистского режима оказали труды, которые опубликовал профессор Гамбургского университета Фриц Фишер (1918—1999), наверное, самый светлый ум германской историографии второй половины XX столетия. После 1962 г. в научных кругах и в прессе Западной Германии развернулась дискуссия о книге Фрица Фишера «Рывок к мировому господству» Впервые в послевоенной Германии полемика о научной монографии выплеснулась за края научного цеха и заставила высказаться политиков самого различного толка, публицистов, представителей разных поколений.

Почему публикация сугубо научного труда оказалась (по оценке еженедельника «Цайт») подобной «удару грома»? Почему книга, посвященная событиям кануна первой мировой войны, оказалась столь значительное влияние на развитие западногерманской исторической науки и западногерманского исторического сознания, прежде всего на исследование проблематики «третьего рейха»?

Безупречно обоснованные архивными материалами, ставшие практически неопровергнутыми выводы ученого о виновности кайзеровской Германии в развязывании мировой войны 1914 г. возбудили продолжающийся и ныне спор о континуитете, т.е. о преемственности господства немецких хозяйственных и политических элит, об их ответственности за установление гитлеровской диктатуры, за вторую мировую войну. Фриц Фишер, никогда не обладавший репутацией левого исследователя и посвятивший свои прежние работы истории протестантизма, с конца 50-х гг. обратился к проблематике новой и новейшей истории Германии. Главным принципом для исследователя всегда было и оставалось «стремление к высшей объективности». Очевидно, резонанс от книги Фишера был бы неизмеримо меньшим, если бы автор являлся историком марксистской школы: социал-демократом или коммунистом.

С точки зрения мировой науки в выводах Фишера не было принципиально новых положений, которые не высказывались бы ранее, скажем, в трудах А.С.Ерусалимского и Дж.Хальгартина (переведенных, к слову сказать, и на немецкий язык). Новыми были источники из немецких и зарубежных архивов, введенные ученым в научный оборот. Новым было то, что

общественное мнение ФРГ (по крайней мере, некоторая его часть) восприняло установки Фишера как объективную истину, имеющую самое прямое отношение к недавнему германскому прошлому и германскому настоящему.

Фишер подвергся настоящей травле, ему предъявлялись обвинения в «антитриотизме», в «уроне, нанесенном престижу Германии». Упоминавшийся уже учёный консервативного толка Г. Риттер характеризовал исследование Фишера как прямой вызов, брошенный «всей германской историографии», как непосредственную «опасность для молодого поколения». Франц Йозеф Штраус, занимавший в 1956—1962 гг. пост министра обороны ФРГ, требовал объявить войну историку, якобы стремившемуся к «разрушению западного сообщества, к искалечению образа Германии». По мнению американского историка Дж. Хальгардена, концепция Фишера, обнародованные им факты явно противостояли «социальному интересам» вполне определенных группировок ФРГ.

Гамбургский учёный отмечал позднее: дискуссия вокруг его первой монографии «обратила внимание общества к проблеме континуитета в новейшей германской истории, к проблеме, которую я только обозначил в одной фразе предисловия и в одном пассаже в конце книги». Чем старше становился учёный, тем более радикальными становились его воззрения. В последующих публикациях, прежде всего в книгах «Сговор элит» (1979) и «Гитлер не был случайной аварией» (1992), учёный уверенно развивал свою аргументацию: Гитлер «не явился из преисподней», он «не смог бы прийти к власти и развязать войну, если бы он не получил поддержки». «Третий рейх и вторая мировая война оказались бы невозможными, если бы не состоялся сговор между фюрером, выходцем из мелкой буржуазии, и традиционными аграрными и промышленными кликами, которые одновременно заправляли делами вермахта и дипломатии». Эти взгляды Фишер мужественно отстаивал вплоть до последних дней жизни.

Трудно переоценить этическое значение трудов Фишера в условиях, когда западные немцы, в массе своей, ощущали себя невиновными жертвами чужеземной политики, когда для них было неприемлемым ощущение национальной ответственности и национальной вины. Фриц Фишер указывал позднее, что после дискуссии оказалось невозможным рассматривать гитлеровский период как «изолированный феномен, выпадающий из общего хода германской истории». «Его образ мыслей, факты, лежащие в основе его выводов, — отмечала газета „Франкfurter Rundschau“, — в немалой степени были восприняты интересующейся историей частью немецкого народа».

Историк прекрасно понимал, что споры, связанные с его трудами, изменили «традиционную для Германии трактовку прошлого». Его тезисы, против которых столь энергично выступало большинство представителей «исторического цеха» ФРГ, стали ныне достоянием германской и мировой науки. За долгие годы работы в Гамбургском университете, историк воспитал десятки талантливых учеников и последователей. Понятие «школа Фишера» стало знаком самого высокого уровня исторической мысли — германской и международной.

Выводы гамбургского профессора были высоко оценены ведущими учёными в Германии и за её рубежами. Фишер был избран почетным членом ряда научных институтов США и Великобритании, он выступал с лекциями и докладами в аудиториях многих университетов мира. Его работы признаны классическими. А. С. Ерусалимский отмечал, что установки гамбургского исследователя, воплощавшие дух «исторического реализма», «понимание необходимости пересмотра традиционных и апологетических концепций», явились «проявлением научной смелости и интеллектуального новаторства». В. М. Зубок констатировал, что в трудах Фрица Фишера заложена «большая взрывчатая сила». По оценке одного из самых авторитетных историков ФРГ Ганса-Ульриха Велера, они «активно содействовали катарсису, очищению общественного сознания в стране, где совершались нацистские преступления».

Сочинения Фишера положили начало критическому направлению в историографии ФРГ, дали импульс многогранному процессу извлечения уроков из истории «третьего рейха», восприятия и осмысливания правды о фашизме и войне. Преодоление тоталитарного прошлого стало существенным фактором современной истории Германии, связанным и с переходом к демократическим нормам жизни, и с противоречиями этого перехода. Дело Фишера было продолжено плеядой немецких учёных. Придерживаясь зачастую несходных политических убеждений, возвращаясь к уже решенным как будто вопросам, к пересмотру тезисов,

казавшихся аксиомами, исследователи пришли к выводам, в которых явственно слышится голос вины и совести, к выводам, которые базируются не на абстрактных декларациях, а на тщательном изучении источников, на результатах многолетних дискуссий.

Именно в ходе острых дискуссий утверждался — в германской исторической науке и в германском общественном сознании — адекватный образ нацистской диктатуры, опровергались и отвергались постулаты историков и публицистов, поставивших перед собой неблагодарную и неосуществимую задачу оправдания гитлеризма или отдельных его проявлений.

Никто в Федеративной Республике не указывал учёным, о чём им следует говорить, а о чём молчать, отсутствовали предписанные государством модели прошлого, но было и, очевидно, не будет идеологического управления наукой. Но в обществе существовала и существует постоянная тяга к забвению «нежелательного прошлого», которое порой через час легко переходит в его оправдание. Исследователям, стремящимся к истине о «третьем рейхе», нередко приходилось и приходится идти наперевес общественному мнению, ратуя за то, чтобы в его структуре превалировала культура исторической памяти, а не культура исторической амнезии.

Без прямого и косвенного воздействия трудов Фрица Фишера невозможно уже представить проходившие в ФРГ дебаты о «реодолении прошлого». «Контрверза Фишера» была первой в ФРГ полемикой об уроках нацистского режима, которая вышла далеко за пределы научного сообщества. За «контрверзой Фишера» последовали и «спор историков» (1986—1987 гг.), и дискуссия вокруг выставки «Преступления вермахта» (1995—1999 гг.).

Опыт показал, что исследование проблематики тоталитарного «третьего рейха» может происходить только в условиях дискурса, только в атмосфере взаимоотталкивания и взаимообогащения научных школ, в условиях разномыслия и свободного обмена мнениями, рождения научных гипотез, их подтверждения и опровержения. «Чрезвычайно важно — заметил Фишер в одном из интервью, — что время от времени возникают такие дебаты: подвергаются проверке мнимо-достоверные утверждения, пробивают себе дорогу новые, соответствующие истине аргументы».

Дискуссии, указывал бременский исследователь Вольфганг Айхведе, «причиняют боль и должны причинять боль, ведь они напоминают о страданиях, раскрывают раны», ведь «история страны, принесшей столько горя другим народам, а также и собственному народу, не может восприниматься равнодушно». Каков же итог споров об исторических уроках фашистского режима в Германии? В обстановке, когда в ФРГ развернулись дебаты о преступлениях вермахта на оккупированных территориях Европы, Айхведе так отвечает на этот вопрос: «Через 50 лет после первой мировой войны книга Фрица Фишера „Рывок к мировому господству“ изменила наше историческое сознание. Через 50 лет после окончания второй мировой войны развертывается открытая дискуссия, в ходе которой становится ясно, что организаторами и участниками массовых убийств были многие рядовые немцы. Понадобилось полвека, понадобилась смена двух поколений для того, чтобы освободиться от мифов и отыскать новые измерения для постижения нашей собственной истории».

Н. Э. Вашикау

РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

К концу XIX века немцы в России составляли 1,42 % от всего населения (1790,5 тыс. чел. по Всероссийской переписи 1897 г.). Доля городского населения была существенной — 23,4 % от всего немецкого населения. Это характеризовало немцев как мобильную диаспору. Небольшие группы немцев были практически во всех крупных городах империи, особенно большие колонии были в Москве и Петербурге. Немцы составляли заметную часть в политической и военной элитах. Так, в Государственном Совете при Николае II было 26 членов неправославного вероисповедания, в основном, лютеранского. Немцы активно участвовали в процессах индустриализации. В аграрном секторе в конце XIX века немецкие хозяйства являлись крупными поставщиками товарного хлеба.

В политической жизни участие немцев выразилось в думской деятельности. По мере того как передвойной усиливалась антинемецкие настроения, пресса подняла кампанию

против «немецкого экономического засилья». На заседаниях IV Думы прозвучали обвинения в шпионаже немецкого населения в пользу Германии. В ответ на заседаниях 14 и 28 мая 1914 г. выступили депутаты Л.Люц из Херсона. Барон Г.Фелькерзэм из Курляндии. Барон А.Мейendorf из Лифляндии. Они разъясняли, что приглашение немцев в Россию носило экономический характер. В поддержку немецких депутатов выступили русские члены Думы, но антинемецкая кампания набирала силу. В печати вышло большое количество брошюр шовинистического содержания¹.

Первая мировая война сразу отразилась на жизни немцев. Министр внутренних дел Н.Маклаков 26 июля 1914 г. разослав всем губернаторам распоряжение об объявлении всех германских и австрийских подданных, числящихся на военной службе, военноопленными и о немедленном их аресте. Запасные чины подлежали аресту и высылке в Вятскую, Вологодскую, Оренбургскую губернии, а находящиеся в Сибири — в Якутскую. «Мирно занимающиеся могут оставаться на местах или выехать за границу. Могут выехать и германские консулы»². В губернских и уездных городах начались массовые аресты германских и австро-венгерских подданных. Так, в ночь на 30 июля 1914 г. только в Саратове было арестовано 95 чел., 2 августа — 35; 3 августа — 18. В Царицыне 31 июля арестовано 10 чел.³ Но полицейское управление делало пометки в списках и против фамилий граждан, которых нельзя было заподозрить в прогерманских настроениях, но они также были арестованы. Например, А.Ф.Лутц, 24 лет, родился в России, живописец по профессии. Студент Санкт-Петербургского университета К.К.Штейн жил в Саратове с 1908г. и с того же времени ходатайствовал о принятии его в русское подданство, в чем ему было отказано. Освобожден от ареста был только зубной врач Герман Кейтлинг⁴.

На местах же власти перестраивались и арестовывали и тех, кто явно не подходил под это распоряжение. Много иностранцев жили в Поволжье несколько лет, некоторые были женаты на православных. Особенно примечательно письмо 100 русских рабочих и служащих «Акционерного общества русской железной промышленности в Саратове», которые просили освободить от ареста управляющего заводом С.Т.Меленцкого, «хорошего специалиста, без которого завод встанет». Указана и причина, по которой он не перешел в русское подданство. Меленцкий дворянин, а его в России причисляли к мещанскому сословию, на что он не соглашался. Уже на следующий день экономическая целесообразность перевесила политические причины и 31 июля полицмейстер освободил арестованного из тюрьмы «ввиду болезни по распоряжению губернатора»⁵.

Много пасторов в целом по стране было выслано в 1914 г. на Урал и в Сибирь в связи с тем, что их подозревали в прогерманских настроениях. В деле, обнаруженному нами в Государственном архиве Санкт-Петербурга, список высланных пасторов составляет 90 человек⁶. Среди них пасторы поволжских колоний: Герман Лециус — пастор Самары в Якутскую область на два года под гласный надзор полиции, а также Иоганн Шлейнинг⁷. Таким образом, антигерманская кампания переросла в антинемецкую.

В административном отношении от колонистов потребовали строгого следования ст. 3 Свода законов (Т.1. изд. 1906 г.) согласно которой языком административной переписки являлся русский. Но были случаи, когда приговоры сходов и переписка велись на «иностранных» языке. Министр циркуляром от 22 декабря 1914 г. предписал губернаторам распорядиться ввести в обязанность все документы, а также подписи общественных приговоров представлять в волостныеправления на русском языке⁸.

Затем такой же циркуляр был разослан земским начальникам с указанием, что судопроизводство и дознание в некоторых волостных судах ведется на немецком языке и снова предостережение, что это недопустимо. Лица, не знающие русского языка, должны были приглашать переводчика⁹.

Министерство просвещения провело меры «по ограничению немецкого влияния в университетах». Было предложено замещать вакансии профессоров преимущественно русскими.

Резко изменилось отношение к школе. Практически все статьи и книги по так называемому «немецкому засилью» в той или иной мере развивали тезис: немецкие школы — источник враждебной обособленности колонистов и рассадник германизма. Сначала земства отказались финансировать школы, где не было учителя русского языка. Школа должна была

содержаться на средства общества, как это было раньше. Затем последовали запретительные меры со стороны администрации. Так, инспектор училищ Саратовской губернии указывал старосте колонии Нейденгоф: «Если шульмейстер без учителя русского языка будет заниматься в школе, то подвергнется законному преследованию за „тайну обучения в школе“»¹⁰. Он ссылался на циркуляр от 12 декабря 1914 г., в котором Совет министров снова подтвердил, что русский язык является обязательным для преподавания в немецких школах. На нём должны были преподаваться все предметы, кроме родного языка и Закона Божьего. Использование родного языка как вспомогательного допускалось не более года. Николай П утвердил это заключение 24 декабря 1914 г.¹¹. Далее последовали еще более жесткие меры. Министерство распоряжением от 3 июня 1915 г. предложило заменить учителей колонистских школ, недостаточно владеющих русским языком, учителями, владеющими им и обладающими соответствующим цензом, преимущественно из лиц русского происхождения. Замену персонала рекомендовалось закончить к июлю 1915 г., а в случае невозможности поиска кандидатов — закрыть училища, а лиц, пребывание которых в немецких училищах нежелательно по мотивам военного времени -уволить¹² (198).

Директор народных училищ Саратовской губернии Сырнев, представляя в январе 1915г. свои предложения по улучшению школьного дела в Казанской учебный округ, писал: «Задачами русской школы в колониях поселен-собственников должно быть не только обучение детей русской грамотности, сообщение элементарных сведений из природы и жизни страны, но и приобщение к ...русской национальной культуре, проникновение их идеями русской гражданственности, такое моральное и политico-социальное воспитание их, которое дало бы возможность не утрачивая даже (до времени) своего языка, своих обычаяев, своей веры, едином сплиться с русским народом в нелицемерной любви к престолу и Отечеству, зажить с ним одними радостями и одним горем, окончательно забыть свой Faterland и кайзера, проникнуться не немецкой, а русской народностью»¹³.

Относительно слияния с русским народом следует подчеркнуть, что немецкие колонисты уже давно не отделяли себя от государства. 30 июля 1914 г. в речи перед паствой пастор евангелико-лютеранской церкви Саратова Ланкау говорил о победе и о необходимости оказать помощь русскому оружию¹⁴. Депутация от немецкого населения Саратова встретилась 2 августа 1914 г. с губернатором и предложила 500 руб. на нужды обмундирования призывающихся в армию, выразив царю свою преданность. 3 августа губернатора посетила делегация от лютеранской церкви во главе с пастором Ланкау. В ее составе были известные в Саратове немцы — К.Юстус, Ф.Шмидт, Б.К.Мюллер, доктора Ф.Грасмик и П.Галлер. От имени всех колонистов они выступили с заверениями о лояльности и оказании помощи. Доктор Ф.Грасмик выделил места в хирургическом отделении для раненых. К.Юстус обещал собрать добровольные пожертвования¹⁵.

Много статей, например, публиковал в этот период в газете о положении колоний на Волге во время войны П. Зиннер. 31 июля 1914 г. в сообщении «50 тыс. наших сынов отправляются на фронт» он подчеркивал, что, будучи российскими гражданами, колонисты показывают этим верность монархии. В саратовской немецкой газете «Deutsche Volkszeitung» выступали члены государственной думы Людвиг Люц, профессор К.Линдеман также выступил с заверениями в политической благонадежности и дружеских чувствах немцев. 11 января 1915 г. газета сообщила, что 232 домохозяина из колонии Паульское пожертвовали тысячу пудов зерна для армии. Староста колонии Екатериненштадт в отчете привел данные: в армию было призвано 429 чел., на фронте убито около 50 чел. Новобранцам выдано пособий на 21934 руб, семьям призванных — 13004 руб, выделены денежные средства на содержание лазарета для раненых и т.д.¹⁶.

Последний 103-й номер газеты с называнием «Deutsche Volkszeitung» вышел 28 декабря 1914г. (193). Затем она приобрела название «Volkszeitung», но перемена названия не спасла газету от закрытия. Гонения на печать привели к закрытию всех немецких изданий в России. Далее согласно положения Совета министров были закрыты существующие в империи союзы, собрания, клубы «неприятельских подданных». Организациям благотворительным, призрения малолетних, престарелых и больных было дано время на ликвидацию или разрешено при уважительных обстоятельствах продолжать работу. В июне 1915 г. губернаторы, осно-

вываясь на ст. 16 Правил о местностях, состоящих на положении чрезвычайной охраны, издали постановление о воспрещении потребительским, кредитным, сельскохозяйственным обществам и товариществам вести собрания на немецком языке. Лица, виновные в нарушении, подвергались тюремному заключению на 3 месяца или денежному штрафу до 3 тыс. руб.¹⁷

Названия колоний и волостей были переименованы на русские и в делопроизводстве, административной переписке было предписано употреблять только русские названия. Изменены были печати и штемпели. Но в реальной практике в архивных материалах стали встречаться немецкие названия в скобках, так как за 150 лет они прочно закрепились за колониями.¹⁸ Запрещение употребления немецкого языка дошло и до частной переписки.¹⁹

В промышленности и торговле началась также борьба с «немецким засильем». В отношении немецких землевладельцев она выражала интересы части русской буржуазии, которая стремилась избавиться от конкурентов, а также помещиков, скупавших земли в южных губерниях России. 2 февраля и 13 декабря 1915 г. были принятые законы о прекращении немецкого землевладения в губерниях, расположенных в приграничной полосе. Образованная в августе 1915 г. в Государственной Думе «Комиссия по борьбе с немецким засильем во всех областях русской жизни» во главе с председателем А. С. Сташинским должна была дифференцировать применение этих законов в отношении разных категорий немецкого населения. Но это условие не было выполнено. И комиссия пришла к выводу, что государственные интересы требуют ликвидации всего немецкого землевладения. Это вызвало справедливое возмущение в колониях, в рядах прогрессивной интеллигенции, дебаты в Государственной Думе. Было проведено отчуждение земель и выселение волынских немцев. Наступала очередь колоний на Украине, Северном Кавказе, в области Войска Донского. Временное правительство приостановило действие законов, а последующие революционные события отвлекли от немецких проблем.

Таким образом, в период Первой мировой войны положение немцев в России резко ухудшилось. Был нанесен ущерб экономике, культуре регионов. Антигерманская пропаганда в конечном счете подорвала авторитет государственной власти, привела к дестабилизации внутренней обстановки в стране. Отношение различных слоев и групп населения к кампании было неоднозначным. Если в Москве и Петербурге прошли жестокие погромы немецких промышленных и торговых заведений, то в провинции такой реакции не наблюдалось. Безусловно, пружинами конфликта власти и немецкого народа Российской империи были внешнеполитические причины. На массовом архивном материале хронологически четко прослеживается взаимосвязь между неудачами на фронтах военных действий и ростом антинемецких настроений внутри страны на государственном и общественном уровне, формы разрешения этнических конфликтов.

¹ Поливанов Н. О немецком засилии. Петроград, 1914; Шелухин С. Немецкая колонизация на юге России. Одесса, 1915; Дунин А. Немцы в самарских степях //Исторический вестник. 1915, ноябрь. Т. 142; Сергеев И.И. Мирное завоевание России немцами. Петроград, 1917 и др.

² Н.Маклаков –губернатору. 26 июля 1914 г. // Государственный архив Саратовской области –(далее ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 9450. Л. 3.

³ Именные списки германских и австрийских подданных, арестованных в ночь на 30 июля 1914г. // ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9450. Л. 63–170. Подсчет автора.

⁴ Там же. Л. 74, 82.

⁵ Письмо рабочих. 30 июля 1914 г. // ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9450. Л. 40.

⁶ Дело о высланных пасторах в 1914г. за их прогерманское и враждебное отношение к русскому./Российский государственный исторический архив –(далее РГИА). Ф. 821. Оп. 150. Д. 357.

⁷ Там же. Литера «Г» и литера «Ш».

⁸ Государственный архив Волгоградской области – (далее ГАВО). Ф. 263. Оп. 1. Д. 64. Л. 34. Надо отметить, что отложившийся в архивах массовый документальный материал по 21 сельскому управлению и 5 фондов волостных правлений, хранящиеся в Волгоградском государственном архиве, написаны на русском языке, хотя подписи домохозяев в приговорах действительно встречаются на немецком языке. И это распоряжение необходимо рассматривать скорее как желание показать бдительность губернских властей.

⁹ ГАВО. Ф. 270. Оп.1. Д. 209. Л. 121.

¹⁰ Инспектор народных училищ 2 района Камышинского уезда И.Люблинский - Нейденгофскому сельскому управлению. 20 декабря 1914г. //ГАВО. Ф. 203. Оп. 1. Д. 100. Л. 50.

¹¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 173. Д. 31. Л. 329—330 об.

¹² Попечитель Казанского учебного округа – директорам народных училищ округа. 11 июня 1915 г. // ГАСО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4155. Л. 62; РГИА. Ф. 733. Оп. 186. Д. 2324. Л. 32—33. В статье в сборнике «Zwischen Reform und Revolution». Essen, 1994. S. 143. историк С.Штригниц пишет, что на юге в немецких колониях школы закрывались. А для поволжских колоний это не подтверждается. Но она не располагала архивным материалом, который есть в нашем распоряжении и говорит об обратном.

¹³ Сырнев — П.П.Погодину. // ГАСО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4155. Л. 108.

¹⁴ Deutsche Volkszeitung. 1914. 3 August. N 61.

¹⁵ Deutsche Volkszeitung. 1914. 31 August. N 69.

¹⁶ Энгельсский филиал ГАСО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 77. Л. 33.

¹⁷ Постановление Самарского губернатора. 31 июня 1915 г. // ГАВО. Ф. 267. Оп. 1. Д. 67. Л. 73.

¹⁸ Ней-Галкинский волостноеправление — Франкрайхскому сельскому старосте. 7 июня 1915 г. // ГАВО. Ф. 267. Оп. 1. Д. 67. Л. 80—82.

¹⁹ См. циркуляр Самарского губернатора от 3 марта 1916 г. о запрещении писать письма на немецком языке, о чем были оповещены все волостные правления. // ГАВО. Ф. 267. Оп. 1. Д. 103. Л. 23; Д. 104. Л. 19.

Петер Хартмут Рюдигер

РУССКИЕ ГРАЖДАНЕ В ГЕРМАНСКИХ ВУЗАХ НАКАНУНЕ

Наука и образование, как элементы культурного взаимообмена, играют в современной Европе с её тенденцией к объединению и ликвидации границ очень важную роль. Поэтому и не удивительно, что социальная история в последнее время всё чаще обращается к исследованию процесса подобного взаимообмена. Одним из аспектов этой комплексной темы является образовательная миграция, т.е. поддерживаемый официальными учреждениями или же спонтанный поиск студентами возможностей получения высшего образования и научных знаний. В университете города Галле существует уже два года международный научный проект, возглавляемый мною и финансируемый фирмой «Фольксваген». Целью этого проекта является исследование процесса обучения российских подданных в немецких ВУЗах перед началом I Мировой Войны. В этом проекте также принимают участие российские историки. Я бы хотел представить вашему вниманию следующие тезисы, которые основываются на результатах наших исследований.

Традиция поездок в академических целях существовала уже в средневековье. Причины, условия и цели подобных миграций, а также её социальные экспоненты были подвержены значительным изменениям с течением времени. Такой же вывод можно сделать и о значении подобных процессов как для стран, из которых они исходили, так и для стран, в которые они были направлены. Политическое, экономическое и культурное развитие европейских государств выражалось через работоспособность их учебных заведений и определяло направление образовательной миграции. Университеты и ВУЗы Центральной и Западной Европы традиционно являлись целью для студентов с континентальной периферии.

Научно-технический и экономический прогресс в последней трети X века и с ним связанная потребность в квалифицированных кадрах, а также внутриполитическое развитие в странах, из которых исходила миграция, повели к усилению миграционного потока в особенности из стран Восточной Европы в ВУЗы западноевропейских стран, в особенности, Франции, Германии и Швейцарии. В то же время развитие национальных государств и их образовательных систем повлияло на условия протекания миграционных процессов. Высшим Учебным Заведениям отводилась роль формирования и распространения национальных культурных ценностей, а также воспитание и обучение национальных элит. Таким образом, под влиянием государственных интересов ставилась под вопрос традиционная открытость Высших Школ для иностранных студентов.

Российская Империя относилась к числу стран, из которых традиционно исходило миграционное движение. Систематическая образовательная миграция в Западную Европу, в особенности в Германию, зародилась уже во времена реформ Петра Великого¹ К середине

XIX века из классической академической перегниации молодых дворян развились новые формы финансовой поддержки молодых людей государством или меценатами с целью отправки их за границу для получения образования, отвечающего нуждам Российской империи. В последние же десятилетиях 19 века формы образовательной миграции вновь изменились: поток российских студентов в западные страны практически перестал быть контролируемым государством.

Для возникновения подобной тенденции существовал ряд объективных причин. Во-первых, важную роль в этом процессе сыграла структурная слабость российских ВУЗов, которые возникли позже многих западных университетов и не были в состоянии с ними конкурировать. Они оказались не способны удовлетворить растущий спрос на специалистов во всех социальных и государственных сферах, предоставить достаточное количество учебных мест и широкий выбор предметов российским абитуриентам. Во-вторых, неэффективные образовательные реформы привели к тому, что «академический вопрос» стал в начале 20 века одним из основных спорных пунктов во внутренней политике страны. Борьба за академические права и свободу сопровождалась периодическими студенческими забастовками и волнениями, затруднявшими учебный процесс.

Дефициты образовательной политики отражались в различной степени на отдельных группах российского общества. Например, женщинам, за небольшими исключениями, был закрыт доступ в государственные высшие учебные учреждения. Этот факт объясняет поток российских студенток в Швейцарию и на юг Германии, где им был облегчен доступ к образованию. Члены национальных меньшинств с 80-х годов 19 века были подвержены русификации; российским правительством предпринимались попытки ликвидировать их автономные права в системе образования. Наряду с поляками² и прибалтийцами — выходцами из Германии эти меры особенно жестко затрагивали еврейскую часть населения. Летом 1887 года была введена система ограничения приёма евреев в гимназии и ВУЗы. Царская образовательная политика с её национальной дискриминацией особенно затронула евреев, т. к. высшее образование являлось для них зачастую единственной возможностью покинуть гетто и получить шанс подняться по социальной лестнице.

Третья причина для усиления студенческой миграции крылась в общей политической ситуации в Российской Империи. Высшие учебные заведения являлись центрами борьбы против самодержавия, здесь все революционные группы рекрутировали значительную часть своих приверженцев. Государство отвечало репрессиями, в том числе и временными закрытием университетов. Студенты и гимназисты, которые вступали в конфликт с государством, предпочитали ссылкам и тюрьме учёбу в заграничном университете.

Вузы Германии являлись, наряду с университетами Франции и Швейцарии, целью для многих российских студентов. В зимнем семестре 1907/1908 года только в десяти прусских университетах обучались 870 российских подданных, из них 479 — в Берлине, 104 — в Кёнигсберге, 102 — в Галле и 53 — в Гётtingене.³ Летом 1913 года во всех немецких университетах получали образование 2164 россиянина⁴, что превышало число студентов казанского (2927) и одесского (2058) университетов в 1913 году.⁵ При учёте всех немецких технических вузов, горных академий, сельскохозяйственных университетов, академий искусства, консерваторий и технических школ эта цифра значительно возрастает.

При детальном рассмотрении эти общие данные дают представление об отраслях научных знаний в немецких вузах, пользовавшихся особой привлекательностью среди выходцев из России. Так, в конце 19 — начале 20 века наряду с медициной особой популярностью пользовались естественнонаучные предметы философского факультета (математика и химия), а также юридический и сельскохозяйственный факультеты. В технических учебных заведениях особенно часто посещались факультеты машиностроения, электротехники, горного дела, металлургии и инженеростроения. Торговые школы Берлина и Лейпцига также пользовались особой популярностью.

Выпускники вузов возвращались на родину не только с запасом знаний и профессиональных навыков. Во время своего, часто многолетнего пребывания в Европе они изучали

иностранный язык, знакомились с её политическими системами, культурными традициями и укладом жизни местного населения. Таким образом приобретенные знания и компетентность вовлекали их, а вместе с ними и всю Россию, в процесс интернационального культурного взаимообмена. Капитал знаний и профессиональных навыков, с помощью которого студенты вносили свой вклад в процесс модернизации российской промышленности, общества и науки, а также роль студентов в государственных и общественных учреждениях являются важными вопросами, которые до сих пор не были в должной мере исследованы.

В странах, в которые были направлены миграционные потоки, «за» и «против» в вопросе обучения иностранных студентов становились предметами политических дискуссий и споров. Для Германии можно установить две тенденции в дискуссиях по вопросу об иностранных студентах. С одной стороны, проблемы институционального и материального характера при распределении потоков учащихся из заграницы, боязнь конкуренции на мировом рынке, вызванной обучением иностранных специалистов, а также вынужденная конфронтация с представителями других культур в национально ориентированном немецком обществе были аргументами, на которые опирались сторонники ограничения потока иностранцев. С другой стороны, противники изоляционизма указывали на традиционную независимость и открытость науки, а также на выгоды, связанные с обучением иностранных специалистов, как носителей немецкой национальной культуры, для расширения собственных политических и экономических сфер влияния. Сторонники таких аргументов выступали за свободный или лишь частично регулируемый допуск иностранцев в ВУзы Германии.

Студенческая миграция, таким образом, открывает нам новые границы познания международных взаимоотношений, которые лежат в стороне от классических исследований. Даже в условиях воинственного национализма в период перед 1 Мировой Войной массовый обмен студентами являл собой пример нового интернационализма. Социолог Виктор Каради правильно заметил, что студенты являлись своего рода пособниками в международном культурном взаимообмене.

¹ Ср.: Александра Бекасова: Студенты из Российской Империи в европейских университетах в 18 и 19 веках: Результаты исследования// Петер Х.Р.(изд.). Попрошайки, заговорщики, взрыватели? Студенты из российской империи в немецких вузах перед 1 Мировой войной.— Франкфурт-на-Майне.— 2001.— с. 159—172.

² Ср.: Витольд Молик. Немецкие университеты глазами польских студентов. 1871—1914 // Ежегодник истории университета — Штутгарт. 2001 — Т. 4 — С. 15.

³ Тайный государственный архив прусского культурного наследия, гер. 76 va., сек. 1, тит. VII, № 78, том II, л. 207.

⁴ Заде-Лайтинг — Сент. 1913 — № 458 30

⁵ Ср.: Иванов А. Е. Высшая школа России в концае XIX — начале XX века. — М., 1991. — С. 23.

**ИНСТИТУТ МАРКСА-ЭНГЕЛЬСА КАК МЕЖДУНАРОДНО-ПРИЗНАННОЕ
АКАДЕМИЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ПРИ Д.Б. РЯЗАНОВЕ.
СОТРУДНИЧЕСТВО С МЕЖДУНАРОДНЫМИ ИНСТИТУТАМИ И КОРРЕСПОНДЕНТАМИ
ПРИ ИЗДАНИИ 1-Й МЭГА (MARX-ENGELS GESAMTAUSGABE) В КОНТЕКСТЕ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ НАУКИ И ПОЛИТИКИ**

I. Тема конференции «Россия: путь в сто лет (1900—2000)» дает хороший повод, чтобы вспомнить о лучших традициях российских академических исследований 20-го столетия в области общественных наук. Итоги этого века представляются не вполне оптимистическими. До 1917 г. цивилизующая, буржуазно-гуманистическая исследовательская линия в условиях царского режима была практически невозможна. С 1917 по 1991 г. существовал диктат однопартийной системы, при котором ведущая роль партии большевиков была санкционирована государством, общественно-научные исследования были ориентированы главным образом на воспроизведение и сохранение этой системы. Однако, и это — решающе важно, эти исследования никогда не были гомогенными, хотя в рамках данной левой научной мысли выдающиеся ученые встречались достаточно редко. Влияние партийно-политического руководства препятствовало развитию новых общественно-политических подходов в исследованиях, сторонники нетрадиционных взглядов в течение двух первых десятилетий советской власти были полностью вытеснены на обочину. Целое поколение ученых пало жертвой сталинских чисток — список их весьма длинен, достаточно вспомнить только имена историка Покровского, философа Деборина, экономиста Рубина и марксоведа Рязанова.

II. На недавно состоявшемся заседании «Петербургского диалога» в Беймаре ректор МГУ, проф. В. А. Садовничий указал, что в 20-е гг. уже существовал весьма интенсивный и свободный обмен учеными и студентами между Россией и Германией. Одним из организаторов международного сотрудничества был Рязанов. Ему удалось — на основе тех знаний и широких контактов, которые он установил до 1917 г. в Берлине и Вене в рамках международного рабочего движения, — после 1921 г. в течение 10 лет создать, как мы сказали бы сегодня, сетевое сообщество в области международного исследования и издания произведений Маркса и Энгельса. Оно принесло ощутимые научные результаты, далеко выходящие за рамки сиюминутных партийно-политических интересов.

Высшим пунктом были вышедшие в свет первые тома МЭГА и Архива Маркса и Энгельса. В их подготовке принимали участие российские, немецкие и австрийские ученые. В рамках сотрудничества между государственным, поначалу не входившим непосредственно в структуру партийных органов Институтом Маркса-Энгельса, и независимым в партийно-политическом отношении марксистским Институтом социальных исследований во Франкфурте-на-Майне было создано российско-немецкое издательство.

III. Личность Рязанова была высшей гарантией успешности такого сотрудничества. Рязанов принадлежал к той плеяде ученых, которые, оставаясь членами партии, ставили интересы науки выше соображений оппортунизма, власти и карьеры. Он принадлежал к числу тех, кто определенно поддерживал цели социалистической революции, однако выступал против диктаторских методов подавления. Все новые запреты со стороны ЦК ограничивали его политическую деятельность в самой России. Однако только с появлением таких решений партии и Коминтерна, в которых социал-демократия характеризовалась как главный враг, положили конец его международной деятельности. Но чего ему удалось добиться за недолгие годы! Институт был не только признан международным коммунистическим движением, но получил доступ в партийный архив германской социал-демократии в Берлине, германский и французский госархивы, крупнейшие библиотеки Берлина, Парижа и Лондона; он смог организовать копирование их фондов — все это было возможно лишь именем и в интересах науки. Ученые со всего мира посещали московский институт, аспиранты работали в рамках научного обмена между Москвой и Франкфуртом. Однако дальнейшие блестящие перспективы были похоронены вследствие сталинской политики конца 20-х — 30-х гг.

IV. Почему МЭГА оказалась «маяком» общественных наук? В первую очередь, она должна была стать по возможности полным изданием трудов, рукописей и переписки Маркса и Эн-

гельса, включая ранее не публиковавшиеся части рукописного наследия. Следует напомнить, что практически именно под руководством Рязанова были опубликованы рукописи «Немецкой идеологии» и «Экономически-философские рукописи» на языках оригинала. В журналах Института Маркса-Энгельса, а также франкфуртского института публиковались статьи о важнейших промежуточных результатах научных исследований, в дискуссиях принимали участие также японские исследователи. В издании Рязанов строго придерживался хронологического принципа, а не интересов коммунистического движения, которое настаивало на скорейшей публикации прежде всего народных изданий «Капитала». Требования Рязанова заключались в том, чтобы дать точную расшифровку текстов Маркса без сокращений и искажений, выявить использованные им в ходе исследований источники и объяснить тексты в контексте их исторического появления в свет. Рязанов в комментариях воздерживался от высказываний «актуального» партийно-политического характера, которых от него постоянно требовали.

V. Рязанов превратился в «красного диссидент». Он был арестован в 1931 г., Институт Маркса-Энгельса переподчинили непосредственно ЦК партии и сменили в нем руководство. Началась практика появления в массовых изданиях с тенденциозными предисловиями отдельных произведений Маркса и Энгельса. Вследствие этого институт стал изгояем в международном исследовательском процессе. Немецкие сотрудники и зарубежные корреспонденты — под предлогом того, что они участвовали в оппозиции — были уволены. Научные публикации института были прекращены, редакции журналов заменены. Тем самым были предопределены дальнейшие изменения, которые несколькими годами позже были ускорены приходом к власти в Германии нацистов, а именно, прекращение издания МЭГА.

Остановка издания МЭГА сопровождалась известными политическими процессами, в числе которых следует, прежде всего, упомянуть процесс против Бухарина, который был известен как сторонник издания МЭГА. Рязанов и многие его соратники стали жертвами репрессий. Почти незамеченными, после тяжелых «родовых схваток», в 1939 и 1941 гг. появились в свет две части рукописи Маркса «К критике политической экономии» — первого чернового наброска будущего «Капитала», которые снискали широкое признание международной научной общественности лишь в 60-е гг.

VI. Когда после больших усилий в середине 70-х гг. было начато издание второй МЭГА, которое стало проектом сотрудничества двух партий, КПСС и СЕПГ, многие не понимали, что будет означать выход в свет такого издания — по существу, предстояло воссоздать творчество всего Маркса во всей его противоречивости, отражающей как его вклад в науку, так и отдельные лакуны и дефициты. Наследие Маркса и Энгельса выходит в составе общего издания, но они все менее рассматриваются как «одна голова и одна душа» — и здесь проявляются, наряду с общими чертами, различия между обоими мыслителями. Тем самым МЭГА, по сути своей, внесла вклад в крушение догм марксизма-ленинизма. Поэтому издание пережило судьбоносные 1990—1991 гг. и — в полном соответствии с академической традицией и, по-видимому, в духе Рязанова — стало международным сетевым проектом под эгидой Международного фонда Маркса и Энгельса.

Приятно отметить, что в издании по-прежнему принимают участие сотрудники МЭГА из Москвы. В связи с празднованиями юбилеев учреждений, образовавшихся на базе бывших рязановских института и архива, которые прошли в 2001 г., как Государственная общественно-политическая библиотека, так и Российский государственный архив социально-политической истории, впервые с полным правом заявили о своей приверженности научным традициям Рязанова.

Берлин, 14. 04. 2002

И.К. Пантин

О ХАРАКТЕРЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Вопрос, который автор ставит перед собой, формулируется следующим образом: можно ли (а если, можно, то как) вписать в логику российского исторического процесса Октябрьскую революцию 1917 г. и последовавшую за ней коммунистическую диктатуру? Большинстводумающих людей осознают сегодня, что революция не была случайностью, объясняемой заго-

ворм большевиков, инфернальной личностью Сталина (до него Ленина), а каким-то образом связана с общими линиями российской истории. Но как объяснить эту неслучайность? Тут мнения кардинально расходятся.

Для одних Октябрь был гигантским выплеском деструктивных, полурадиционалистских сил, отбросившим страну назад или, по меньшей мере, «искривившим» траекторию развития страны, затруднившим и без того трудный путь России к европейской цивилизации. Для других Октябрьская революция — подтверждение марковой схемы вызревания нового, социалистического строя в недрах капиталистического общества, разумеется, с поправкой на условия России.

На первый взгляд, победа социалистической революции в России — исторический нонсенс, по крайней мере, по марксистским меркам. В стране, где не были завершены аграрные преобразования (аграрный вопрос), где крупное капиталистическое производство, сравниваемое с тем, что сформировалось в Великобритании, США, Франции и Германии, существовало лишь в анклавах, где рабочий класс европейского типа был исчезающим малой величиной среди общей массы плебса, где сельское население решительно преобладало над городским (и по численности, и, главное, по психологии), совершаются социалистический переворот. После недолгого соперничества с левыми эсерами власть монополизируют большевики, сторонники радикальных коммунистических преобразований — вплоть до «военного коммунизма». Другими словами, вопреки всем прогнозам пролетарская, вернее, пролетарско-крестьянская революция стала фактом.

Сложилась давняя традиция напрямую выводить события, последовавшие за Октябрьским переворотом, из социалистического характера революции, ее движущих сил и основного (социалистического) вектора. Благодаря ей, Сталину удалось представить форсированную индустриализацию, коллективизацию и установленный им репрессивный режим в стране прямым продолжением дела Октября. Методологический порок этой позиции заключается, на мой взгляд, в том, что сторонники ее не разводят два разных по генезису понятия — «Октябрь как событие» и «Октябрь как эпоха». А между тем в этих понятиях фиксируются периоды, несхожие по своему политическому содержанию, идеологическим формам самосознания, психологическому облику, не говоря уже о существенно различном отношении масс к проводимым преобразованиям. Октябрьский переворот явился следствием исторического компромисса большевиков с крестьянством во имя разрешения прежде всего ближайших задач, стоявших перед Россией — не специфически социалистических (хотя они осмысливались через социалистическую идеологию), а, скорее, общенародных, общенациональных. Если угодно, в осуществлявшихся тогда переменах таился проект другой жизни, который учтывал свершившееся в октябре 1917 г., но одновременноставил пределы революционной экспансии.

Ход событий опрокинул этот проект. Разгон большевиками Учредительного собрания и расстрел демонстраций протеста в Петрограде, заключение Брестского мира, продразверстка подняли против новой власти часть крестьянства и городской демократии. Освоение-отрицание непосредственных результатов Октября приняло форму жесточайшей гражданской войны. Большевики переходят к политике «военного коммунизма». А некоммунистическая перспектива воплощается в белогвардейском движении и крестьянских восстаниях. «Октябрь-событие» сменяется «Октябрь-эпохой».

Если принимать во внимание не лозунги, не идеологию большевиков, а реальный характер Октябрьского переворота и последовавшего за ним развития страны, то придется признать, что социальный и экономический кризис России начала века отнюдь не означал исчерпания ресурсов капиталистического развития, напротив оно продолжалось — даже во время мировой войны. Однако проблема в том и заключалась, что один этот рост без радикального преобразования общества и государства не мог устранить диспропорции и противоречия — как идущие от крепостнического прошлого, так и рожденные особенностями буржуазного развития России. Первая мировая война сделала эту истину очевидной для громадных социальных слоев и дала средства для разрешения проблем. Прогресс, который по своему экономическому содержанию не переставал быть буржуазным, оказался невозможным, как это ни парадоксально, в качестве «буржуазной меры» (Ленин). И когда Февральская революция не решила

аграрного вопроса, не создала класса свободных (от остатков крепостничества) крестьян, в России замаячила перспектива народной антикапиталистической революции.

Сразу же, как только совершился государственный переворот в октябре, рабочие индустриальных центров России, находившиеся под влиянием большевиков, провозгласили завоеванную власть советской, социалистической. Тем самым было намечено общее содержание революции, разительно не соответствовавшее тогдашним политическим и экономическим реалиям страны. На деле речь могла идти не о переходе к социализму, а исключительно о начале решения исторической задачи пролетариата, разрешить которую, согласно Марксу, в состоянии лишь передовой европейский пролетариат. Социалистический ингредиент Октября выражался лишь 1) в нападении на частную собственность; 2) в перевороте, совершенном в интересах и при участии низших классов. Вот почему все последующее развитие и прежде всего переход на позиции, которые соответствовали бы экономическим и культурным предпосылкам, существовавшим в стране, стал отрицанием попыток «выхода за пределы». Другое дело, что это отрицание совершалось в разных формах — либо в форме НЭПа, либо в форме сталинского государственного деспотизма.

В начале 20-х годов совершился решающий выбор: идти ли России дальше путем цивилизованных стран, обновляя его сообразно новым социальным условиям, или двигаться по инерции «военного коммунизма» (с учетом новой обстановки), применяя для решения задачи спиральный метод «диктатуры пролетариата». Победа той или иной тенденции определяла, в конечном счете, характер Октября и как события и как эпохи. НЭП был альтернативой Октябрьскому перевороту, он превращал пролетарскую революционность в реалистический, соответствующий тогдашним условиям России путь построения современного общества, открывая возможность перехода к более эффективному развитию экономики и культуры в крестьянской стране. Вопрос стоял так: либо коренное обновление начал Октябрьской революции, медленное, шаг за шагом продвижение вперед вместе большинством крестьянства, либо следование по пути пролетарского якобинизма и революционная, скачком, модель перехода к «социализму», а на деле — к созданию тоталитарного строя. Победил, хотя и не сразу, не без борьбы сталинский плебейско-якобинский путь развития. Отныне Октябрьская революция без обиняков провозглашается социалистической, из нее выводится неизбежность «обострения классовой борьбы» «в переходный к социализму период» — насильственная колективизация, репрессии, ликвидация всякой свободы думать иначе, чем думают вожди.

Социальная революция такого типа, как Октябрьская, не только разрывала старые «порочные» исторические круги, но и на другом уровне создавала новые. Движение по перевернутой схеме: сначала завоевание пролетарской власти в крестьянской стране, затем, на этой основе создание материальных предпосылок для рыва вперед, — предполагает особую зрелость «субъективного» фактора, причем не только политическую, но и культурную. Зрелость же эта в свою очередь предполагает в качестве условия высокий уровень производства, т.е. предпосылку, которую еще предстояло создать в России. Круг этот невозможно (чрезвычайно трудно) превратить в спираль, пока страна находится в изоляции, замкнута на внутренних условиях, вырвана из международного разделения труда и правильных экономических и культурных отношений с другими странами. С другой стороны, передовой политическая надстройка была в 20-е годы лишь потенциально. «Наш аппарат» (аппарат государства — И.П.), понимал Ленин, «из рук вон плох», он представляет оказавшийся в руках пролетарской партии «пережиток старого», «буржуазную и царскую мешанину» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В социалистическом и культурном отношении российский рабочий (вчерашний крестьянин) значительно отставал от своих собратьев по борьбе в странах Запада. Если историческое прошлое народов Западной Европы, особенно Франции, богатое борьбой и уроками, создало тип современного гражданина, человека из народа, который сам относится к себе с уважением и которого вследствие этого вынуждены уважать правящие классы, то в России многовековая работа самодержавия по искоренению всяких следов внутренней демократии в народе, произвела высших сословий в отношении низших, засилье полиции и чиновничества в повседневной жизни сформировали менталитет простого человека: рабочего, крестьянина, бедняка, плебея — чьими характерными чертами стали внутреннее ожесточение, не-

нависть к «барину», «буржую», слепая озлобленность и желание отомстить богатым. Конечно, существовал и слой развитого промышленного рабочего класса с совсем иными установками и предпочтениями, но не он задавал тон после Октябрьской революции, не он поддерживал разрывы Сталина с курсом НЭПа.

Сталин не был мыслителем даже калибра Л. Троцкого или Н. Бухарина. Но он интуитивно чувствовал настроения порожденного революцией и гражданской войной громадного слоя людей, особенно из провинции, неприятие ими НЭПа. Выбитые революцией из привычной колеи, из векового уклада жизни и вынужденные мириться с чуждыми им после победы хозяйственными формами, чуждой им культурой, эти люди чувствовали себя маргиналами в обществе, которое они завоевали. То, что НЭП стал прогрессом для страны, отрицать было трудно, но у этого слоя людей были все основания не считать этот прогресс своим прогрессом. Поражение соратников Ленина открывало для них реальную перспективу добиться «социализма» скачком, фронтальной атакой. Сталин сделал ставку на этот слой и выиграл. Страна под его руководством попыталась проделать за десяток лет ту эволюцию, которая еще недавно представлялась делом многих десятилетий. Действия людей отличались в этот период невиданной жестокостью и невиданным энтузиазмом. Каждый значительный успех приобретался ценой огромных утрат. Ставшая характерной для жизни страны весьма слабая связь с нормами права, или даже вообще свобода от юридической оценки, превращает общество в заложника государства. Преступления против элементарной справедливости становятся нормой: расстреливали и ссылали в лагеря миллионы «врагов, а не людей». В демократизированном общественном сознании торжествует точка зрения инквизиторов и фанатиков религиозных войн, когда всех подозрительных огульно зачисляли в «еретики», считая их испребление богоугодным делом.

Какой вывод следует из сказанного? Прежде всего, отрицание линейного безальтернативного развития. Каждое историческое событие включает в себя огромное число элементов целенаправленного действия, связанных с характером участвующих в событиях сил, со значениями и культурными смыслами данного общества. Эти действия не просто видоизменяют характер первоначального импульса (в нашем случае Октябрьского переворота), они обладают новыми масштабами, новыми возможностями, открывающими целую шкалу вариантов будущего. Победа сталинского плебейско-якобинского курса определила содержание и историческое значение Октябрьского переворота, хотя правомерным историческим результатом революции мог быть (и должен был бы быть) НЭП.

ЧЖЕН ИФАНЬ

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ — ВРОЖДЕННАЯ НЕДОРАЗВИТОСТЬ И ПРИОБРЕТЕННЫЕ НЕДУГИ

Победа Октябрьской революции в России в 1917 году, бесспорно, — одно из самых крупных исторических событий 20 века. С ним можно сопоставить другое крупное событие — распад СССР и уход КПСС от власти в начале 90-х годов. И то, и другое внутренне связано. Согласно марксистской теории, все вещи и явления переживают процесс своего рождения, развития и отмирания. То же самое относится и к СССР. Но почему все же такая крупная страна, в которой произошла столь значимая в нашем столетии революция и которая сыграла столь огромную роль в истории 20 века, за короткое время распалась? Историкам стоит этим заняться. И я пытаюсь проследить за совершившимся процессом с самого его начала.

I. ВРОЖДЕННАЯ НЕДОРАЗВИТОСТЬ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Марксизм родился на Западе. И вопрос о том, как русифицировать марксистскую теорию, стал одним из наиболее важных вопросов русской революции. Но Россия разрешила его в процессе революции не совсем правильно.

1. Недоставало необходимых для социализма материальных предпосылок.

До Октябрьской революции Россия была отсталой крестьянской страной с серьезными пережитками феодального крепостничества. Несмотря на то, что отмена крепостного права в 1861 году несколько ускорила развитие капитализма, но реформа была половинчатой и

пережитки крепостничества в огромной мере сохранились. Столыпинская реформа попытала разрушить крестьянскую общину, но тоже была доведена до конца. К 1917 году Россия по-прежнему оставалась экономически отсталой, крестьянство составляло большинство населения, количество неграмотных было велико. Прежнюю Россию обычно называли феодально-военным империалистическим государством. Называть ее «феодальной» было правильно. С точки зрения экспансионистской агрессивности, относить ее к разряду империалистических также верно. Но что касается экономического развития, то здесь она была еще весьма далека от развитого капитализма и пока не достигла этапа «империализма» в ленинском определении.

2. Недостаточность теоретической подготовки к социалистической революции

Вплоть до февральской революции 1917 года Ленин считал, что Россия нуждается в демократической революции. В огромном количестве его трудов решался вопрос именно о ней. О том же, как вести в России революцию социалистическую, говорилось относительно мало, были лишь кое-какие принципиальные предположения. Что касается других партийных руководителей, кроме Бухарина и весьма небольшого числа других деятелей, то они совсем не занимались идеино-теоретической подготовкой к социалистической революции в России. В результате этого, когда началась Февральская революция и Ленин предложил взять курс на социалистическую революцию, он встретил сопротивление со стороны почти всей партии. В 1917 году Ленин вынужден был развернуть борьбу против «старых большевиков» и «старого большевизма». А это затрагивало целый ряд таких вопросов, как положения, изложенные в «Апрельских тезисах», отношение к Временному правительству, вооруженное восстание, организация чисто социалистического правительства. Но коренным был именно вопрос о том, нужно ли за Февральской революцией ставить на очередь дня революции социалистическую, созрели ли для нее предпосылки. В этих вопросах большинство руководителей не поддерживало Ленина.

«Государство и революция» Ленин писал для подготовки к предстоящей революции. Здесь он главным образом рассматривает учение марксизма о государстве, излагает взгляды Маркса и Энгельса. В седьмой главе «Опыт русских революций 1905 и 1917 годов» Ленин собирался остановиться на марксистской теории государства в увязке с реальностью России, но не успел сделать это, так как началась Октябрьская революция¹.

Октябрьская революция была «социалистической революцией», но шла под лозунгом революции «демократической». Лозунги Октябрьской революции — земли, хлеба и мира! — не являются социалистическими. Фактически, прежде всего нужно было решить вопрос о крестьянстве. Чтобы заручиться крестьянской поддержкой, большевики отказались от своей программы национализации земли и поспешно заимствовали земельную программу эсеров. Во время гражданской войны крестьяне не столько защищали диктатуру пролетариата, сколько отставали демократическую революцию, которая дала им землю.

II. ПРИОБРЕТЕННЫЕ НЕДУГИ.

Победа Октябрьского вооруженного восстания разрешила вопрос лишь о политической власти. Почти все принятые тогда меры не носили социалистического характера (например, Декрет о мире, Декрет о земле т. д.). Фактически у России в этот момент для выбора было по-прежнему два направления развития: либо продолжать демократическую революцию под руководством пролетариата, осуществлять рабоче-крестьянскую демократическую диктатуру, развивать экономику и создавать предпосылки для перехода к социализму, либо идти на социалистические меры, осуществлять диктатуру пролетариата. Советская власть пошла по второму пути.

Если подготовка к социалистической революции была недостаточной, то теоретической и материальной подготовки к социалистическому строительству тем более не хватало. Недостаток предпосылок не должен быть поводом и предлогом для запрещения революции. Все дело в том, что нужно трезво осознавать их недостаточность после завоевания власти и делать все для развития производительных сил и экономики. Говоря словами Ленина, при определенных условиях последовательность исторического развития может меняться. И, тем не менее, история не меняет и не снижает основные требования ни одной обществен-

ной формации. К сожалению, советская власть после своего рождения неясно понимала состояние России и не тратила много сил на излечение врожденной недоразвитости. Наоборот, она пыталась кратчайшим путем через «изменение производственных отношений» сразу прийти к коммунизму. В результате появился «приобретенный недуг».

1. «Военно-коммунистическая» утопия.

Руководящая идея «военного коммунизма» состояла в том, чтобы посредством военного принуждения уничтожить товарно-денежную систему и рыночные отношения, уничтожить мелкое производство, заменить социализацию национализацией, мелкое производство «коммунаами», осуществить переход к коммунизму при прямом контроле государства над производством и распределением. К этому вынуждала не только военная обстановка. «Военный коммунизм» был осознанным действием под властью традиционных теоретических воззрений. Началом послужила хлебная монополия. Гражданская война и иностранная вооруженная интервенция лишь усугубили эту утопию. Говоря по существу, это была попытка срочно вступить в коммунизм через изменение производственных отношений в условиях экономической отсталости. Из-за введения политики «военного коммунизма» и разрушений, нанесенных войной, вся страна к концу гражданской войны оказалась в состоянии серьезного политического и экономического кризиса. РКП(б) была вынуждена отменить продразверстку и перейти к продналогу, то есть к новой экономической политике.

2. Неосуществимый план мировой революции.

Мировая коммунистическая революция, вообще, — идеал коммунистов. Победа революции в одной стране само собой подразумевала продвижение ее во всем мире. В глазах отсталой России мировая революция была спасительницей русской революции. После победы в передовых странах Европы она могла дать отсталой России передовую технику для развития экономики. По этой причине был создан Коминтерн, нацеленный на всемирную революцию, и принят целый ряд конкретных мер для развертывания революции в других странах. Сюда относится наступление на Варшаву, посыпка людей в Германию для организации и руководства восстанием, комплектование вооруженных отрядов для подготовки к вступлению в Индию через Афганистан с целью развертывания революции на Востоке. И т.д. и. т.п. Под влиянием Октябрьской революции на Западе на короткое время появилась революционная волна, но она оказалась далеко недостаточной для того, чтобы поколебать устои буржуазного господства. Вплоть до самой смерти Ленин не расставался с надеждой на революцию на Западе и лишь тогда, когда понял всю ее безнадежность, временно переключился на Восток. Другие же руководители партии, даже в октябре 1923 года продолжали организовывать неудачное восстание в Германии. В истории СССР идея «мировой революции» никогда не пересматривалась, и руководители всех поколений в силу тех или иных побуждений размахивали знаменем этой революции. В самом начале они надеялись, что мировая революция окажет поддержку отсталой России. Но потом мировая революция превратилась в камуфляж национального эгоизма, ею защищали Россию либо под ее вывеской осуществляли экспансию, вмешивались во внутренние дела других стран.

3. Недолговечная новая экономическая политика (НЭП).

Переход от военного коммунизма к НЭПу — перемена модели. Через НЭП Ленин нашел эффективный путь построения социализма, отвечающий реалиям России. Он считал НЭП долгосрочной политикой. И, тем не менее, на всем протяжении ее осуществления вставало немало проблем:

1) В партии все время оказывались силы, которые либо открыто, либо скрыто выступали против НЭПа. Сталин вначале был скрытым противником новой экономической политики, но в конце 1929 года он же «отправил НЭП к черту».

2) НЭП считался лишь временным отходом назад. Не прошло и года, как Ленин под сильным давлением был вынужден объявить о прекращении отступления и начале наступления. А это сказалось на усовершенствовании и осуществлении НЭПа.

3) По крестьянскому вопросу в партии не было единства. В период военного коммунизма мелкое производство подлежало уничтожению. Лишь в своей статье «О кооперации» Ленин находит эффективное решение крестьянского вопроса, относя крестьян к силам, строящим социализм, и призываю организовать их посредством кооперации в сфере торговли. Однако Сталин заменил ленинскую идею добровольной кооперации в сфере торговли принудительным вступлением в колхозы и в процессе коллективизации поставил середняка на одну доску с «кулачеством». В ходе коллективизации Сталин уничтожил крестьянство как класс. Поскольку сплошная коллективизация значительно подорвала силы деревни, сельскохозяйственный вопрос в СССР долгое время не находил себе разрешения.

Трудно переносимый центр тяжести работы.

Для построения социализма в отсталой России требовалось перенести центр тяжести на культурно-экономическую работу. Ленин это хорошо понимал. В январе 1923 года он довольно ясно предложил перенести центр тяжести с «политической борьбы, революции, захватывания власти и т.д.» на «мирную организационную 'культурную' работу»². Это было радикальным поворотом в понимании социализма. Однако большинство партийных руководителей не понимали этого.

20-х годах внутрипартийные разногласия разрешались методами классовой борьбы. А в 30-х годах в стране развернулись массовые репрессии, в основу которых легли концепции «обострения классовой борьбы». Классовой борьбой старались прикрыть все промахи руководства. Чем сильнее ухудшалось состояние экономики, тем больше цеплялись за классовую борьбу, а чем шире разверачивалась классовая борьба, тем труднее становилось поднимать экономику. Образовался порочный круг.

Неизлечимая болезнь «левизны».

После победы Октября главной опасностью в революции и строительстве оставалось левчество. Это прослеживается по ряду дискуссий 20—30-х годов.

После Октябрьской революции Ленин в международном коммунистическом движении все время ставил в центр критики правый уклон и особенно социал-демократизм, а «левизне» в собственных рядах не придавал большого значения. В работе «Детская болезнь "левизны" в коммунизме» критикуются различные проявления левизны, но главное содержание книги ограничивается вопросами завоевания власти, которые касаются, к примеру, работы в парламенте и профсоюзах. О курсе и политике в период социалистического строительства говорится довольно мало. Не рассматриваются и «леваки» течения внутри страны, концентрированно выражавшиеся в воззрениях военного коммунизма. И если даже «левизна» и критиковалась, то всего лишь как «детская болезнь». История социалистического строительства свидетельствует, что левизна — застарелое и все более обостряющееся заболевание. Чем беднее страна, тем больше она спешит покончить с собственной бедностью. Чем менее удается развить производительные силы, тем сильнее хочется пойти ближним прямым путем, осуществить переход к социализму и коммунизму за счет произвольного изменения производственных отношений. Но поспешишь — людей насмешишь.

Отсталые страны имеют естественное право на революцию. Однако им нужно видеть эту врожденную недоразвитость. Став у кормила власти, правители должны, используя силу данной им власти, вести социалистическое строительство в соответствии с экономическими законами и восполнять эту врожденную недоразвитость последующими усилиями. Приобретение власти не дает никакой личности и никакой политической партии право на волюнтаризм. Это урок, который следует помнить.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 119

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 45, стр. 376.

ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В СВЕТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО СПОРА ПЛЕХАНОВА И ЛЕНИНА.

1. Двадцатый век России, век величайших по своей значимости героических и трагических событий, перевернувших судьбы человечества, можно рассматривать и как эпоху проверки действительностью исторического спора титанов. Г.В.Плеханов утверждал, что Россия не со зреяла для пролетарской революции. В.И.Ленин считал, что было бы преступлением перед историей не использовать сложившуюся ситуацию октября 1917 г. для пролетарской революции, чтобы повести затем рабочих России и всего мира в «царство свободы» — коммунизм.

Анализируя этот век с позиций марксизма, можно сказать, что правы были и Г.В.Плеханов, и В.И.Ленин.

2. Действительно, русский рабочий класс существенно отставал в культурном отношении от европейских и североамериканских рабочих. И это усугубляло и без того гигантские трудности социалистического перехода в стране, где сравнительно немногочисленный рабочий класс, особенно его индустриальное ядро, был окружён мелкобуржуазной крестьянской стихией.

Плеханов, разумеется, был прав, указывая на отсутствие в России материальных и культурных предпосылок социалистического общества. И Ленин это прекрасно понимал. Но «...дела сложились иначе, чем ожидали Маркс и Энгельс, они дали нам, русским трудящимся и эксплуатируемым классам, почётную роль авангарда международной социалистической революции, и мы теперь ясно видим, как пойдёт далёко развитие революции: русский начал — немец, француз, англичанин доделает. И социализм победит» (Ленин В.И. Полн. собр. Соч. — Т. 35.— С. 279). Так думал Ленин в 1918 г. И, взяв власть, пролетариат России встал перед задачей как можно скорее и решительнее преодолеть свою культурную отсталость, ибо «...некультурность принижает Советскую власть и воссоздаёт бюрократию» (Там же. — Т. 38.— С.165). Научиться управлять по-новому, работать по-новому, торговать по-новому невозмож но было без свершения подлинно культурной революции. На ней были брошены все интеллектуальные и организационные силы партии.

3. Можно только поражаться — особенно в сравнении с мрачным сегодняшним бескультурьем и духовным откатом — тому колоссальному взлёту на всех уровнях — от избы-чи тальни до филармонических залов и академических институтов — многонациональной советской культуры уже в первое послеоктябрьское десятилетие. Но этого оказалось недостаточно, чтобы социалистическое развитие стало неотвратимым.

4. Социализм, или первая — переходная фаза коммунизма, — по Марксу, а значит, и по Плеханову, и по Ленину — это движение общества от капитализма к коммунизму в его высшей фазе развития. Движение осуществляется под руководством направляемых политическим авангардом пролетариата антикапиталистического государства и общественных структур, перенимающих во всё большей мере функции этого, в той же мере отмирающего, государства диктатуры пролетариата.

К числу основных функций диктатуры пролетариата относятся организационно-хозяйственная и культурно-воспитательная. В той стадии переходного периода, когда социалистические преобразования ещё не вышли за рамки одной или нескольких стран, к функциям диктатуры пролетариата добавляется вооружённая защита социалистического отечества.

Организационно-хозяйственная функция состоит в том, чтобы неуклонно создавать условия для раскрытия противоречий — источников развития переходного общества, главное из которых — противоречие между властвующим трудом и уходящим с исторической сцены капиталом, в снятии этих противоречий с помощью плановых и регулируемых рыночных механизмов и в создании, расширении и развитии самоуправляемых производственных и общественных структур, которым постепенно передаются дела государственные.

Культурно-воспитательная функция реализует себя в создании условий для получения всеми гражданами высококачественного образования, обеспечении возможности гармоничного развития личности, приобщении людей труда к богатствам мировой культуры, в раскрытии творческих способностей каждого и в особенности — способности к ассоциированному труду и ассоциированному творчеству.

Последовательное выполнение государством диктатуры пролетариата своих функций выполняет одновременно и функцию привлечения трудящихся других стран к революционным преобразованиям, создавая привлекательный образ социализма.

В первое десятилетие после Октября, в основном, при наличии определенных ошибок, неизбежных в столь грандиозном деле, социалистическая демократия исправно выполняла функции диктатуры пролетариата, развиваясь в предписанном историей направлении. Но партия, руководившая этим процессом, испытывала внутреннюю борьбу двух тенденций: демократической и бюрократической. Бюрократическая тенденция, ограничивая социальное творчество масс, подавляя пролетарскую демократию, объективно выражала интересы многомиллионной мелкой буржуазии, которой успешное развертывание социализма не было нужно. Эта тенденция взяла верх на рубеже 30-х годов. Началось перерождение партии, Советов и, следовательно, государства диктатуры пролетариата. Атрофировалась и та сторона её организационно-хозяйственной функции, которая должна направлять создание и развитие самоуправляемых структур, и та сторона её культурно-воспитательной функции, которая отвечает за создание условий для раскрытия способностей к ассоциированному труду и творчеству.

Первая фаза коммунизма утратила потенциал дальнейшего развития, превратившись в социализм извращённый. В нём сохранились элементы настоящего социализма в виде широко развитых общественных фондов, обеспечивающих всем бесплатное образование и здравоохранение, доступный отдых, другие социальные блага, а отсутствие безработицы давало чувство уверенности в завтрашнем дне. Но исторический вектор был сломан. Поскольку Советское государство оказалось во власти фактически сошедшей с социалистического пути развития партийно-государственной бюрократии, игнорировавшей необходимость обеспечить простор самоорганизации и самоуправлению трудовых коллективов, оптимального сочетания материальных и моральных стимулов производительного труда, поскольку создавалась угроза буржуазной контрреволюции, когда переродившаяся бюрократическая элита конвертирует власть в собственность. Это и случилось в 1991 г. Всё это — результат изменения марксизма, результат игнорирования не только предупреждений Г.В.Плеханова, но и прямых пред начертаний В.И.Ленина.

5. Часто употребляемое выражение «история не терпит сослагательного наклонения» — не для настоящих учёных. Историческая наука, имея в виду позитивное использование её выводов в общественной практике, в поисках ответа на вопрос «а что было бы, если...?», должна исследовать проблемы альтернативности. Тем более, что действие открытых И.Приложим вероятностных закономерностей генезиса высокоорганизованных систем является общепризнанным фактом и в социальных процессах. Устойчиво развивающаяся открытая система испытывает возмущение изнутри и извне. Когда возмущающий фактор достигает критического значения, то состояние устойчивости сливаются с состоянием неустойчивости. Это явление называется бифуркацией. До точки бифуркации система развивается эволюционно. В точке бифуркации она «решает», какой путь избрать. И случай, имеющий ту или иную вероятность, приводит к переводу системы на тот или иной путь нового эволюционного развития. Бифуркация 1917 г. привела к революционному Октябрю и социалистической эволюции, произошедшей в результате, в основном, внутренних возмущений (фракционная борьба, ножницы цен, давление мелкой буржуазии и новой классово-подобной силы — бюрократии), к бифуркации 1927—1930 гг. Из всех имевшихся возможностей реализовалась та, что дала начало негативной мутации, приведшей, в конечном счёте, к кручу 1991 г. Но разве вероятность альтернативного выхода была нулевой? Нет.

Если бы организационно-хозяйственная и культурно-воспитательная функции государства диктатуры пролетариата были действительно направлены на разворот ассоциированного социального творчества, если бы это существующее быть «не-совсем-государством» демонстрировало на деле готовность уйти с исторической сцены, постепенно «засыпая», подготавливая себе наследников в лице ассоциаций трудовых коллективов, если бы умело при этом соединялись энтузиазм и материальный интерес, если было бы с максимальной эффективностью использовано возникшее уже в 20-е годы великое новое мировое явление — советская культура, — то развивающийся таким образом социализм стал бы сильнейшим фактором для революционных преобразований в странах капитализма, тем более при помо-

щи Коминтерна, действующего в духе первых четырёх конгрессов. В итоге, человечество смогло бы вступить в постиндустриальную стадию, предварительно сбросив с себя капиталистическое господство...

6. В контексте сегодняшней планетарной действительности возникает возможность для постановки немаловажного, как представляется, теоретического вопроса. Не является ли движение против капиталистической глобализации, развернувшееся, главным образом в странах первого мира, выражением того, что развитие противоречий глобальной гегемонии транснациональных корпораций привело к ситуации, когда возможность победы коммунистической революции одновременно в ряде развитых постиндустриальных стран не менее, а может быть, и более вероятна, чем первоначально в одной или нескольких странах? Вероятность одновременного начала коммунистической революции была намного большей, как это доказал В.И.Ленин в теории и на практике, в начале и в течение первых трёх четвертей XX века, на стадии индустриального империализма. А ныне? Не работает ли такая диалектическая триада от Маркса до наших дней, от XIX века к веку XXI: возможность одновременной победы пролетарской революции в основных странах классического капитализма — революция побеждает первоначально в одной или нескольких странах на империалистической стадии индустриального капитализма — возможность одновременной победы революции в основных странах постиндустриального глобального империализма ТНК (тезис—антитезис—синтез, закон отрицания отрицания)?

Но если это так, то тем более острый вызов бросает время марксистам мира. Существует мощный интернационал современных угнетателей человечества: МВФ, ВБ, группа 7+1, Давосский форум и т.д. Объективные интересы трудового человечества взывают о необходимости создания нового марксистского Интернационала. Он должен воспринять позитивные традиции четырёх Интернационалов XIX и XX веков, не повторяя допущенных ими ошибок.

ВАН ЛИХУА

ПЛЕХАНОВ И ЕГО ТРУДЫ В КИТАЕ

В начале 20-го века, по мере распространения марксизма в Китае, произведения Г.В.Плеханова оказались представленными почти одновременно с творческим наследием Маркса. С 1903 года в ряде печатных изданий появляются статьи о революционной деятельности Плеханова, но написаны они были не китайскими авторами — в большинстве своем то были переводы работы японских исследователей. Для Китая того времени было характерным, что идеи Маркса и Энгельса проникали посредством произведений японских интеллигентов. Таким же образом китайское общество впервые знакомились и с творчеством Плеханова.

Хотя в 1903 году имя Плеханова было уже известно в Китае, но его труды начали распространяться лишь с 1923 года, спустя пять лет после смерти. С 19 ноября 1923 по 27 февраля 1924 года в приложении газеты «Чэнь Бао» в Пекине печаталась работа Плеханова «Анархизм и социализм» (в переводе это название звучало как «Два течения по общественной реконструкции»). Пока это его первый труд в переводе на китайский язык, который удалось найти. В третьем номере теоретического журнала Компартии Китая «Синь Цинниянь» («Новая молодёжь»), изданном 1 августа 1924 года, была опубликована статья «Диалектика и логика»¹, что дало китайским революционерам возможность первый раз знакомиться с его четким изложением материалистической диалектики.

В 1929 года в Китае начинается новый подъём революционной культуры. В этот период непрерывно публикуется большое количество книг о революционной теории и революционном искусстве. На самом деле именно в 1929 году появляется значительное количество трудов Плеханова в китайском переводе, получивших широкое распространение. Тогда же учёные нашей страны перевели с английского и японского языков на китайский язык и издали в Шанхае три труда Плеханова — «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «Письма без адреса» и «Искусство и общественная жизнь». В июле и августе того же года последовательно увидели свет «Предисловие к 3-му изданию сборника „За двадцать лет“» и «Французская драматическая литература и французская живопись»² Плеханова.

В 1930 году такие произведения Плеханова как, «От идеализма к материализму», «Литературные взгляды Н. Г. Чернышевского», «Основные вопросы марксизма», «Очерки по истории материализма», «Materialismus militans», «О материалистическом понимании истории», и ряд других также переводятся на китайский язык и издаются в Шанхае.

В 1931 году работа Плеханова «Основные вопросы общественных наук» (русское название «Основные вопросы марксизма») был издан в Шанхае с «Предисловием редактора», написанным Д.Рязановым. В книгу вошли «Диалектика и логика» и «О «скакках» в природе и истории».

В 1934 году вышел в свет сборник статей «О Толстом», в который были включены соответствующие труды Ленина и Плеханова. Среди них статья Плеханова «Отсюда и досюда», «Смешение представлений (Учение Л. Н. Толстого)» и «Карл Маркс и Лев Толстой».

В 1936 году четыре написанных Плехановым статьи — «Генрик Ибсен», «О Белинском», «Французская драматическая литература и французская живопись XVIII века с точки зрения социологии», «О материалистическом понимании истории» — были включены в «Собрание зарубежных сочинений» (сочинение переводов Цюй Июбай, изданное под редакцией Лу Синя).

После того, как в 1937 году вспыхнула война против японских захватчиков, была переведена на китайский язык и увидела свет работа Плеханова «История русской общественной мысли» (первый и второй том).

В 1940 году статья Плеханова «Карл Маркс» была включена в редактировавшийся китайскими исследователями сборник «Карл Маркс — человек, мыслитель и революционер».

В 1946 году вновь появляется одна из фундаментальных работ Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», переведенный Бо Гу с русского на китайский язык. Это был первый труд Георгия Валентиновича, официально изданний в освобожденных районах, находившихся под руководством Компартии Китая.

В 1948 году известный труд Плеханова «К вопросу о роли личности в истории» на китайском языке был впервые издан Московским издательством иностранной литературы.

В мае 1949 года под названием «О роли народных масс в истории» появился сборник статей, в который, помимо известной работы Плеханова «К вопросу о роли личности в истории», вошли произведения трех других авторов.

В целом, труды Плеханова, особенно в области философии и теории искусства, являющиеся его лучшими произведениями, переиздавались в Китае с 1923 по 1949 гг. многократно, при чем такое произведение как «Основные вопросы марксизма» выходило 9 раз. Изданье этих трудов способствовало распространению марксизма в Китае, оно было горячо встречено научными и художественными кругами, широкой читательской аудиторией. Их издание имеет историческое значение для повышения марксистского мировоззрения интеллигенции Китая, содействует процветанию пролетарской и революционной литературы и искусства в Китае, идеально и теоретически помогает революционному делу китайского народа. Сам Мао Цзэдун придавал большое значение трудам Плеханова. В декабре 1945 года Мао Цзэдун, несмотря на всю занятость, прочитал книгу «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»³.

Под господством Гоминдана как распространение марксизма в Китае, так и распространение трудов Плеханова в Китае было строго запрещено, потому что в этих трудах «пропагандируется идея коммунизма» и «классовой борьбы»⁴. Труды Плеханова продавались во многих книжных магазинах, при этом и владельцы, и продавцы подвергали себя большому политическому риску.

После того, как китайская революция добилась победы в 1949 году, труды о марксизме открыто, законно и большими тиражами выпускаются во всем Китае. По мере распространения марксизма труды Плеханова издавались в Китае все чаще и чаще.

В 50—70 годах в Китае переизданы фундаментальные работы Плеханова, которые выпускались до освобождения Китая, некоторые из них вышли в новом переводе. В это время впервые переведены и изданы другие произведения Плеханова: «Социализм и политическая борьба», «Философские, исторические и литературные взгляды Н. Г. Чернышевского»⁵, «О материалистическом понимании истории», «Очерки по истории материализма», «Наши

разногласия», сборники статей «Против философского ревизионизма» и «Западноевропейская литература», «Избранные философские произведения» Плеханова (в 4 томах), «О войне», «Историческое развитие учения о классовой борьбе»⁶, «Год на Родине», «Н. Г. Чернышевский», а также «Сборник оппортунистических статей Плеханова»⁷ и ряд других.

В конце 80-х годов и 90-х годов в Китае изданы «Сборник статей Плеханова по эстетике», «Избранные произведения об эстетике Плеханова», пятый том «Избранных философских произведений Плеханова» и «На пороге двадцатого века», два сборника: «Об утопическом социализме», включившие 15 статей Плеханова об утопическом социализме, «Синдикализм и социализм», в который вошли такие известные работы как «Критика теории и практики синдикализма», «О книге А. О. Оливетти», «Г. В. Чернов и Поль Луи», «О книге Н. Критской и Н. Лебедева» и «Ответ на анкету о всеобщей стачке». Одновременно переиздавались другие произведения Плеханова, в том числе и получившая широкую известность работа «История русской общественной мысли», выдержавшая несколько изданий.

Кроме того, с 50-х годов и по сей день в разных журналах и соответствующих сборниках в Китае были опубликовано более 80 произведений, в том числе 10 писем Плеханова к Энгельсу, 48 писем к Ленину.

По мере появления работ Плеханова в переводе на китайский язык, в Китае возрастает число людей изучающих его творческое наследие. До освобождения Китая в стране были представлены труды Плеханова и исследования иностранных специалистов о нем, в то же время работ, написанных самими китайскими учеными, было крайне невелико.

После образования КНР интерес к исследованию творчества Плеханова заметно усилился. В Китае не только появилось большое количество произведений самого Плеханова, но и издавались специальные работы, в которых нашли свое отражения исследовательские находки и достижения. В истории изучение Плеханова в Китае можно выделить в основном три периода:

В декабре 1956 года, когда отмечали 100-ю годовщину со дня рождения Плеханова, газеты «Ээнъминь Жибао», «Гуанмин Жибао» и «Вэньхуйбао» накануне и после юбилея, печатали статьи, в которых давалась объективная деятельность и творчество Плеханова, и их авторы обращались к людям с призывом уделять пристальное внимание изучению и исследованию трудов видного философа-революционера. В описываемый период специалисты нашей страны в области теории общественной мысли еще переживали начальный период изучения Плеханова. Однако опубликование этих статей, несомненно, являлось благоприятным началом. До 1958 года у нас в стране было опубликовано 33 исследования, в которых содержался анализ идей и взглядов Плеханова. В их число вошли и 16 статей и 5 крупных монографий, написанных учеными из СССР, а также 12 статей, написанных китайскими учеными.⁸

С конца 50-х годов в руководящей идеи нашей политической и экономической жизни появилась «левая» тенденция, которая оказала серьезное влияние не только на исследования в области теорий общественного развития, но и научную деятельность в целом. Изучение наследия Г.В.Плеханова в Китае несколько замедлилось. До 1978 года китайские ученые всего перевели и написали 15 статей и брошюр, посвященных Плеханову. Из них 13 статей являются исследовательскими достижениями ученых нашей страны.⁹ Эти статьи и труды касались литературной теории и идей, работ Плеханова в области эстетики, критиковали его «оппортунистические» взгляды, анализировали слабые стороны Плеханова-диалектика. В связи с тогдашней борьбой против «современного ревизионизма» оценка теоретической значимости наследия Плеханова постоянно занижалась. В период «культурной революции» нашей страны идеи Плеханова огульно отрицались.

Наша страна прорвала тяжелые пути длительных леваких ошибок и заблуждений, появившихся в ходе «культурной революции». Вновь определился курс на идеологическую, политическую и организационную линию марксизма. В научных кругах Китая возникла небывало оживленная атмосфера. Исследование творчества Плеханова вновь стало одним из направлений, интересующих наших учёных. Постепенно увеличивалось число опубликованных монографий, в которых проводился сравнительно всесторонний анализ политической и теоретической деятельности Плеханова на протяжении всей его жизни.

С 1979 года и по настоящий момент в газетах и на журналах нашей страны было издано более ста статей, посвященных Плеханову. Они касались теоретических взглядов Плехано-

ва, различных сторон политической жизни. В 80—90-х годах в Китае увидели свет «Критическая биография Плеханова», «Обозрение философских взглядов Плеханова», «Биографическая хроника Плеханова», «К философской теории Плеханова», «Социологическое объяснение искусства — обзорение идеи эстетики Плеханова», «Эстетические взгляды Плеханова», «Исследование эстетических идей Плеханова», «Плеханов и исторический материализм» и другие фундаментальные специальные труды, посвященные изучению жизни и теоретическому наследию Плеханова. Эти труды написаны учеными нашей страны. Оценка Плеханова в статьях и специальных трудах в этот период носит сравнительно объективный характер.

Следует также добавить, что так называемое «Политическое завещание» Плеханова, опубликованное в «Независимой газете» в России в 1999 году, вызвало интерес ученых нашей страны. Мы перевели «Политическое завещание» и всесторонне освещали ход дискуссий и споров о его подлинности среди российских ученых. Это свидетельствует о том, что китайские ученые внимательно и постоянно следят за общим ходом исследований о Плеханове.

Сегодня в Китае среди ученых, занимающихся изучением творчества Плеханова, есть специалисты разных поколений, среди них немало молодых специалистов. В настоящее время во многих университетах вводится спецкурс по философским воззрениям Плеханова. Данная дисциплина горячо встречена студентами. Аспиранты и студенты избирают в качестве тем исследований дипломных работ и докторских диссертаций идеи Плеханова в определенной области социальных наук. Все это говорит о постоянно растущем интересе к изучению творчества Г.В.Плеханова в нашей стране.

¹ Отрывок из предисловия Г.В.Плеханова ко 2-ому изд. книги Ф.Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». Предисловие впервые было опубликовано в июле 1905 г. в «Библиотеке научного социализма» (Женева). Отрывок из предисловия под названием «Диалектика и логика» был напечатан в сборнике «Основные вопросы марксизма» в 1922 г. в Москве (прим. ред.).

² Имеется в виду статья «Французская драматическая литература и французская живопись XVIII века с точки зрения социологии» (прим. ред.).

³ Чтение товарища Мао Цзэдуна//Хунци.—1983.—№ 1.

⁴ См. материалы по истории современного издательства в Китае // Сб. Б).—Книгоиздательство «Чжунхуа».—1955.—С. 187—188.

⁵ Данная публикация является I частью книги Г.В.Плеханова «Н.Г.Чернышевский». Самостоятельный произведения Плеханова под таким названием не существует (прим. ред.).

⁶ Имеется в виду предисловие ко 2-ому русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» (прим. ред.).

⁷ Название присвоено публикаторами (прим. ред.).

⁸ Гао Фан, Гао Цзинцзян. Биография Плеханова.—Изд. Китайского народн. ун-та.—1986.—С. 187—188.

⁹ Там же. С. 189—191

В.М. Межуев

ОТНОШЕНИЕ К ПРОШЛОМУ — КЛЮЧ К БУДУЩЕМУ

Честно говоря, на уже не в первый раз поднимаемый вопрос: «Куда идет Россия?..» хочется ответить другим: «Куда ведут Россию?..» Судя по происходящему, Россия, если и идет куда-то, то как бы не по своей воле, т.е. не сколько идет, сколько упирается. Вполне нормальная реакция для любого живого существа, если его ведут, например, на бойню. Претендентов на роль ведущих, знающих, куда вести, сегодня множество, но никто из них не стал пока общепризнанным лидером в общественном мнении.

Нашим реформаторам и консерваторам, демократам и коммунистам, западникам и почвенникам не удается, на мой взгляд, главное — найти связующую нить, разумно и нравственно оправданную преемственность между прошлым и будущим России, тем чем она была и есть по своей реальной истории и чем должна быть в их представлении. Мы либо грезим о своем прошлом, либо проклинаем его. Одни отрицают прошлое во имя будущего, другие усматривают в нем его единственный достойный образ. Соответственно, и будущее мыслится нами либо как сколок с прошлого, либо по принципу от противного, чему нет

аналога в отечественной истории. Говоря о будущем, необходимо, следовательно, определиться прежде всего в своем отношении к прошлому, тем более к тому, с которым мы недавно расстались.

Те, кто видят будущее России исключительно в либеральной перспективе (по образцу США и европейских стран), XX в. ее истории представляется, естественно, исторической неудачей или как выразился наш известный либеральный экономист А.Илларионов, «потерянным столетием», некоторым выпадением из нормального хода времени. Просуществовав под знаком социализма, этот век, как считает А.Илларионов, заставил страну сойти со столбовой дороги истории, превратил ее из «экономического великаны», каким она якобы была в его начале, в «карлика», каким она является сейчас. Единственный шанс на спасение — вернуть на путь либерализма.

Подобный нигилизм в отношении к уходящему веку, возможно и оправданный в глазах либерала, исторически совершенно бессмыслен. Судить историю задним числом — дело нехитрое, значительно труднее понять ее, объяснить, почему она именно такова, а не другая. Во все времена либералы отличались одной особенностью: всю предшествующую историю они считали плодом ошибок и заблуждений, тогда как свой приход отождествляли с «веком разума» и даже с «концом истории». Такое высокомерие в отношении к своим предшественникам, будучи, вероятно, уместным в XVIII в., в конце XX в., выглядит анахронизмом. Сколько обоснованной и желательно бы не выглядела либеральная модель не вопреки, а благодаря предшествующей истории, при наличии в ней соответствующих условий и предпосылок. Упрекать Россию за то, что она уже в начале века не стала либеральной страной, значит, ничего не понимать ни в России, ни в либерализме.

Победе либерализма в Европе предшествовал, как известно, длительный и сложный период ее перехода от Средневековья к новому времени, охвативший собой эпохи Возрождения, Реформации и Просвещения, не говоря уже о серии прокатившихся по Европе революций, обеспечивших политическую эманципацию общества от власти абсолютных монархий. Будучи, несомненно, родиной либерализма, Европа далеко не сразу и не одновременно встала на путь либерального развития. Что же говорить о странах, развивавшихся за пределами европейского мира? Либеральная экономика, конечно, всем хорошо, но что делать с собственной историей, которая не во всем подчиняется законам свободного рынка, имеет свои приоритеты и ценности? Ставить России в вину ее истории последнего столетия — беспerspektивное дело, путь в никуда; намного важнее разобраться в том, чем этот век действительно был для России, какое место он займет в ее последующем развитии.

Для меня несомненно, что главным событием XX в. в нашей истории стала революция, определившая собой лицо века, сделавшая его в ряду других столетий веком, прежде всего революционным. Революция началась не в Октябре и осуществлялась усилиями не одних только большевиков. За 12 лет, начиная с 1905 г., в России произошло три революции, первая из которых окончилась поражением. Можно считать их разными революциями, а можно видеть в них последовательные фазы единого революционного процесса, называемого Великой русской революцией. Февраль дал победу умеренно-революционным силам, Октябрь — радикальным. Он лишь довел до конца революционный процесс, начатый в феврале. Революция как бы описывает полную дугу от короткой «демократической увертюры» (термин Питирима Сорокина) до грозного финала однопартийной диктатуры. И таков закон любой революции. Здесь некого винить, кроме самой революции. Раз она случилась, все остальное неизбежно. Не большевики, а начинавшаяся в России революция предрешила этот финал. Н.А.Бердяев был прав, когда писал, что большевики были не творцами, а орудием революции, которая всегда идет до конца.

Бесплодно судить о революции с нормальной позиции, предъявлять ей обвинение в жестокости и не гуманности. С таким же успехом можно осуждать рабство, войны, эксплуатацию — этим не решишь проблему их существования в истории. Революция по самой своей природе — действие не правовое и моральное, а чисто силовое. Насилие, террор, гражданская война (все, что ставится ей в вину) являются ее методом, вполне легитимным с революционной точки зрения. Добрых, не кровавых революций не бывает. Нельзя доводить дело до революции, но раз она началась, бесполезно предъявлять ей моральный счет.

Революция и означает выход за пределы морального и правового порядка. Она ответственна за свои жертвы не более, чем землетрясение отвечает за нанесенный им ущерб. Осуждая революцию, необходимо тогда осудить и все революционное движение в России, охватившее собой практически все поколения русской интеллигенции. А заодно надо осудить и всю русскую историю, ставшую для этого движения питательной почвой. Если почва рождала революцию, последняя рано или поздно напоит ее кровью.

О значении и необходимости русской революции, особенно в ее заключительной фазе, спорят до сих пор, причем с диаметрально противоположных позиций. Подобное расхождение во взглядах не должно удивлять: революция сама есть продукт общественного раскола, который сохраняется и после нее. Она не примиряет враждующие стороны, а делит их на победителей и побежденных. Первые видят в ней триумф разума и воли, торжество исторической справедливости, вторые — национальную катастрофу и гибель. Не думаю, что наше время сможет поставить окончательную точку в этом споре. Все мы дети революции, хотя и воспринимаем ее по-разному: одни — как свет, другие — как мрачную тень, отбрасываемую ею на нашу историю. Столица судить о том, на чьей стороне здесь истина, поскольку революция, сломившая старый порядок, вовсе не закончилась с уходом коммунистов от власти: не они начали революцию и не их поражение станет ее завершением.

Здесь напрашивается еще одно соображение общего порядка. Революция никогда не осуществляет те лозунги, которые она провозглашает в качестве своей цели. Лозунги эти часто слишком утопичны и практически нереализуемы. Последствия революции, ее результаты, если брать их более отдаленной перспективе, как правило, расходятся с ожиданиями ее непосредственных участников. Этим я вовсе не хочу перечеркнуть значение всех великих революций, в том числе и нашей: они действительно открывают собой новую страницу в истории. Важно лишь правильно прочитать, что написано на этой странице, не доверяясь слишком тому, что писала на ней победители и побежденные.

И все-таки прежде всего о победителях — большевиках. Большевики победители в силу логики самой революции, выводящей на первый план наиболее последовательную в своем радикализме и революционности силу. Среди политических партий и движений того времени они были единственными людьми XX в. над XIX в.

Следует отметить большевистскую веру от большевистской практики — политической и экономической. Вера — из XIX в., практика — из XX в. То, во что они реально делали, хотя их судят сегодня именно за веру. Октябрь открыл собой эпоху перехода человечества от капитализма к социализму. Победители в революции были убеждены в том, что она станет прологом мировой пролетарской революции. Через два-три года, когда стало ясно, что мировой революции не будет, они заговорили о строительстве социализма в одной стране. После смерти В.И.Ленина И.В.Сталин объявил, что социализм «в основном» построен. Так возник миф о победившем что социализме — основа и суть идеологии сталинизма. Даже В.И.Ленин считал, что социализма еще долго не будет, что ему предшествует длительный переходный период с элементами рынка и частной собственности. И.В.Сталин отождествил идеи социализма с реальностью, выдал реальность за социализм, и с тех пор мы свято верим, что жили при социализме. Впоследствии сталинский миф трансформировался в представлении о «реальном» и «развитом социализме». Именно этот миф и владеет сознанием наших либералов и демократов, возвещавших о «потерянном столетии».

Если связывать с Октябрем лишь идею перехода к социализму невольно склонишься к мысли о том, что Октябрь был трагической ошибкой нашей истории, злым умыслом большевиков, обманным путем пришедших к власти. Вопреки такому мнению, действительным смысл революции вовсе не сводится к тому, за что выдавали ее (искренне или лицемерно) победившие большевики. Пусть они и думали, что строят социализм, на далее они решили задачу, вставшую перед Россией задолго до революции. Суть этой задачи — переход России не от капитализма к социализму (для чего не было никаких оснований), а от традиционного общества к современному или индустриальному. Октябрь действительно открыл новую эпоху в истории — эпоху ускоренной модернизации стран, непосредственно не принадлежащих к европейскому региону. То, что эта модернизация осуществлялась здесь по иной модели, чем европейская, т.е. при отсутствии свободного рынка и демократии, объясняется просто. У

этих стран была другая история, культура и даже география. Россия первая показала пример нелiberальной (т.е. не по западному образцу совершающей) модернизации, что, конечно, можно поставить ей вину, но можно подсчитать и бедой, отсутствием иной альтернативы прорыва в современность.

Главным символом политической веры XIX в. была либеральная идея политической свободы. Именно она владела умами противников большевизма. Казалось, достаточно покончить с самодержавием, установить республиканский строй, объявить все население страны свободными гражданами России — и остальное решится само собой: наступит эпоха демократии, экономического процветания и подъема производства на базе свободного рынка. Политическая свобода обеспечит в конечном счете и победу капитализма в стране. Царя убрали, но результат оказался прямо противоположным — развал армии, распад страны, политический хаос и анархия. Возникла реальная угроза не только военного поражения, но и гибели государства. Русская буржуазия оказалась слишком слабой, чтобы сопротивляться вырвавшейся на волю народной стихии, не признающей для себя никаких правовых и моральных ограничений. Свобода обернулась сначала насилием снизу, а уже затем и сверху. Короче, революция не стала победой буржуазии в силу ее малочисленности и слабости, ее неукоренности в широких массах.

Что же сегодня заставляет нас думать о том, что в конце века мы ближе к капитализму, чем в начале его? Если капитализм не состоялся в истоке революции, которая дала победу большевикам, почему после потери ими власти он стал для нас более реальным? Если, как принято думать, пролетариат является могильщиком коммунизма? По той же логике — буржуазия, но откуда ей взяться в стране, где от нее остались одни воспоминания? Если посткоммунистическая Россия ближе к капитализму, чем докоммунистическая, то наши либералы хотя бы только за это должны быть благодарны коммунистам. И будут во многом правы, потому что никто не сделал больше для модернизации страны, пусть и недемократическими нелiberальными средствами, чем большевики. Именно они в режиме традиционной для России мобилизационной экономики решили задачи технологического и организационного прорыва в современность, которые на Западе решаются капитализмом. Сейчас (в условиях постиндустриального общества) подобная модель модернизации исчерпала себя, не может более конкурировать с современными моделями, но для России начала века она была, очевидно, единственной возможной. Пусть это звучит несколько парадоксально, но наш социализм и был капитализмом по-русски, т.е. капитализмом по своему технологическому содержанию и антикапитализмом по форме — по методам и способам формирования этого содержания.

Существуют разные ответы на вопрос о том, какую жизненно важную проблему для нашей истории решила революция, ради чего она совершилась. Один из них был изучен Н.А.Бердяевым: революция решила вопрос о Боге, о возможности построения общества без религии и веры. Атеизм является ее коренным пороком, причиной неминуемого будущего поражения. Главной виной большевизма, по мысли Н.А.Бердяева, является монополизация им не сколько государственной, сколько духовной власти, стремление в лице своей партии быть одновременно и государством, и Церковью — атеистической церковью, церковью без Бога. И если авторитаризм государства еще как-то можно оправдать обстоятельствами, то обезбоживание церкви нет никакого оправдания.

Другой ответ на тот же вопрос дал Г.П.Федотов: большевистская революция была продиктована необходимостью сохранения империи в ее исторических границах. В статье «Будет ли существовать Россия?» он высказал мысль, ставшую пророческой: поражение коммунизма будет иметь своим следствием не победу демократии и либерализма, а распад империи по национальным территориям. Могильщиком коммунизма выступят кадры национальной интеллигенции и партократии, вызревшие в лоне коммунистической партии. Именно они и разнесут в куски историческое тело России. Поэтому в будущем Россия может быть только национальным государством со своей национальной культурой. Чужим национализмом она должна противопоставить свой собственный — русский, объединяющий в себе национализм народов Великой, Малой и Белой Руси.

Есть еще один ответ, не отрицающий первые, но более них, на мой взгляд, выражающий суть дела: только посредством революции в ее наиболее радикальной форме Россия смогла осуществить прорыв в индустриальное общество, достичь уровня технологического развития, сравнимого по своим результатам с мировыми стандартами. Революция в ее большевистской фазе и стала методом, способом российской модернизации. Вера в либеральную модель модернизации обнаруживает свою иллюзорность именно в условиях XX в., когда модернизация становится судьбой стран и народов неевропейского региона. Данная модель, будучи эффективной для центра мировой капиталистической системы, т.е. для стран, в которых эта система впервые зарождалась, оказалась непригодной (во всяком случае, на индустриальном этапе модернизации) для ее периферии, в значительно большей степени обрамленной наследием традиционного общества. Совместить модернизацию (индустриализацию) с политическими и экономическими свободами для стран периферийного круга — дело трудное и подчас совершенно невыполнимое. Здесь чем-то определенного времени надо пожертвовать — либо свободами в их объеме, либо ускоренной модернизации. А отставших, как известно, было. Большевики это поняли раньше других и потому победители не только в революции, но и во Второй мировой войне. Сегодня это понимает Китай, сочетающий ускоренную модернизацию в относительной свободой рынка и совершенно недемократической властью. Вывод, конечно, грустный для нашей свободолюбивой и либерально настроенного интеллигентии, но, увы, соответствующий реалиям страны, в которой она живет.

Не об отказе от демократии идет речь. Полученную свободу необходимо защищать всеми законными средствами. Но от прошлого и настоящего нельзя требовать того, что они могут дать. Ведь и либерализм — не догма, а руководство к действию. Либеральный догматизм ничуть не лучше любого другого. Нельзя быть чистым либералом в условиях не спожившегося гражданского общества и отсутствия среднего класса. В ответ на либеральные эксперименты, идущие сверху и не считающиеся с реальным состоянием народа и страны, можно получить в результате нечто прямо противоположное. Если либералы хотят иметь в современной России хоть какое-то будущее, они должны прежде всего реабилитировать для себя (Разумеется, в историческом плане) ее прошлое, т.е. найти общий язык с теми, кто до них строил и защищал ее.

Мудрость любой власти, в том числе и демократической, состоит не в том, чтобы считать предшествующее ей бесплатной пустыней, чтобы рассматривать его как исходную, стартовую площадку для дальнейшего движения. Не противопоставлять себя исторической, в том числе и социалистической, России, а сохранять и оберегать в ней то, что служило основой ее реального, а не мнимого величия. Только так можно решить проблему будущего, не повторяющего прошлого, но не порывающего с ним.

Еще несколько слов о том, чем же все-таки стала Россия при большевиках. Помимо чисто мифического элемента, в российском варианте социализма, служившего, как уже говорилось, специфической для традиционной страны моделью модернизации, нельзя не увидеть и элемент просветительской веры в силу и мощь научного разума, способного построить общество на строго рациональных началах. Мифология и утопия здесь удивительным образом сочетаются с пафосом рационального упорядочивания жизни, с непримитивом любых форм иррационального поведения и сознания, с отрицанием всякой стихии (в том числе и рыночной), порождающей хаос и анархию. Большевики, несомненно, хотели порядка в стране, славящейся своей неорганизованностью, расхлябанностью, непредсказуемостью, причем порядка не только полицейского, базирующегося на общих для всех принципах и правилах. Этот мотив в их деятельности не может остаться без внимания.

По части рационализации жизни и сознания, отсутствие которой столь остро чувствовалось в традиционной России и ее культуре, большевики, как всякие революционеры, явно перегибли планку. По мнению первых большевиков (вспомним хотя бы А.А.Богданова с его «всеобщей организационной наукой»), общество будущего должно уподобиться не казарме, а заводу или фабрике, где все взято под учет и контроль, заранее спланировано и выверено, управляемо во всех звеньях. Именно большевики стали первыми насаждать в России культ научно-технического прогресса, научной организации труда и управления, всеобщего образо-

вания и всякого профессионализма как главного достоинства человека. Во имя этого они готовы были обуздеть непокорный, своевольный и непривычный к строгой дисциплине русский дух, смирить его рамками жесткой организации производства, повернуть в сторону решения сугубо практических технико-производственных задач. Культ американской деловитости, организованности и технической изобретательности начался в России именно при большевиках. России патриархальной, религиозно экзальтированной, склонной к отвлеченной мечтательности и моральному максимализму (вещи, необходимые для великой культуры, но недостаточные для того, чтобы жить в современной цивилизации) они противопоставили Россию буднично деловую, практически расчетливую, ориентированную на достижение вполне земных целей — рост производства, укрепление обороноспособности, повышение научно-технического потенциала. Никогда еще в России до большевиков не был так высок в сознании масс престиж научного и инженерного труда, образования, городской культуры, светских профессий. Большевики не только подняли в глазах народа цену этих видов деятельности, но и открыли к ним свободный доступ для всех слоев населения. В таком качестве они выступили не как утописты и фанатики, а как трезвые реалисты и прагматики, взявшись на себя роль модернизаторов России, предпочтя вполне зримые успехи в развитии общественного производства высоким, но достаточно далеким от жизни социальным мечтаниям и духовным устремлением дереволюционной интеллигенции. Приходится только удивляться, что Запад принял русскую революцию за нечто абсолютно враждебное себе, поверив официально прогандируемой идеологии. Сегодня Россия со своей ностальгией по дереволюционному прошлому, пожалуй, дальше от Запада, чем при большевиках.

Нужно и можно, конечно, осуждать те методы, какими решалась задача модернизации России в период большевистского правления. Но ведь сама задача так или иначе была выполнена, поставив Россию в один ряд с промышленно развитыми странами мира. Стоит ли во имя сомнительных благ первоначального накопления и возвращения к самым ранним формам рыночной экономики, давно уже оставленным позади развитыми странами, рушить все то. Что было создано нами в XX в. в плане производства, науки, образования, обороны, социальной защиты населения, здравоохранения и пр.? А ведь ничем, буквально ничем, кроме как разрушением старого, ранее достигнутого, наши либеральные реформаторы похвастаться не могут. И прежде всего в области экономики, где они считают себя специалистами. Говорят о «потрясении столетия», а на неполные десять лет страна была отброшена назад по всем показателям на срок, вполне равный столетию. Один только распад СССР вычеркнул из истории России, по крайней мере, три столетия, вернув ее к рубежам допетровской Руси. Еще немного и вся ее история станет для нас потерянной. Если это и есть либеральная реформа, то чем она отличается от потопа?

Как бы не представлять будущее России, оно может быть не повторением и не разрушением ее прошлого, а его продолжением, сохраняющим с ним связь и преемственность, пусть и с учетом новых условий и обстоятельств. Сейчас эта связь разорвана («порвалась связь времен»), но она обязательно будет восстановлена, если мы хотим жить дольше. Я не призываю вернуться назад — к дереволюционному или послереволюционному прошлому, да это и невозможно: у истории нет обратного хода. Но оглянуться назад необходимо, ибо только в прошлом заключен ответ, какое будущее ожидает Россию. Ответьте себе, что в прошлом вы цените больше всего, в чем видите позитивный результат, от чего в своей истории не отречетесь ни при каких обстоятельствах — и вы обретете ключ к будущему. Позитив здесь намного важнее негатива. Если в прошлом нет позитива, если, как сказал поэт, «и не жаль мне прошлого ничуть», то нет и будущего. Тогда вместе с поэтом не остается ничего дурного, как только «забыться и заснуть». Будущее без прошлого — это уже другая история, но не история России. Тем, кто захотел вычеркнуть из истории XX век — век, действительно, «великих потрясений» — придется распрощаться и с мечтой о «великой России», ибо революция, коль скоро она уже произошла, не отменяется указами сверху или сменой власти, а постепенно изживается в своей деструктивной части и сохраняется в части конструктивной. Я уверен, что в новой России, если она состоится, русская революция во всем ее трагизме и величии получит такое же историческое признание и оправдание, как европейские революции имеют в истории своих стран. И может быть, с такого оправдания и начнется подлинное возрождение России.

СОВЕТСКАЯ ЭПОХА: ПРОВАЛ ИЛИ УСПЕХ?

1. Суть поставленной задачи состоит в том, чтобы оценить результаты исторического развития России в советскую эпоху, т.е. в период, когда социально-экономические отношения базировались на собственности государства на основные средства производства, и осуществлялось централизованное планирование и распределение произведенного продукта главным образом на основе принципа трудового участия. В политической сфере в этот период существовала диктатура одной партии, которая держала под жестким контролем институты представительной демократии. Господствующей идеологией была социалистическая. Иными словами, мы оцениваем результаты развития России в рамках социалистической модели в ее советском варианте.

2. Актуальность задачи. В конце XX века Россия перешла от советской модели развития к капиталистической. По мнению тех, кто совершил этот переход, прежняя модель оказалась тупиковой. Однако 10 лет развития по капиталистическому пути в конкретных условиях России дали катастрофические результаты, и сегодня объективно встает вопрос о том, чтобы заново и очень внимательно оценить итоги и уроки развития России на всех этапах ее истории в XX веке. В рамках этой задачи научно достоверная оценка советского периода имеет ключевое значение.

3. Критерии оценки. Для того чтобы оценить потенциал того или иного общественного строя в конкретных условиях той или иной страны, надо договориться о критериях оценки. Важнейшими интегрирующими критериями следует признать, по крайней мере, два.

Во-первых, способность существующего общественного строя обеспечить необходимые условия для защиты общества от внешних угроз, т.е. обеспечить, как минимум, выживание и, как максимум, создать наиболее благоприятные внешние условия для внутреннего развития.

Во-вторых, способность строя обеспечить рост благосостояния, уровня и качества жизни для всего общества с учетом реально существующих условий, как внешних, так и внутренних. Очевидно, что объективный учет всей специфики исторических условий, в которой существует та или иная страна, представляет собой очень трудную задачу. В исторической науке нет разработанной методики такого учета. Поэтому на практике для оценки успешности социально-экономического развития чаще всего привлекают данные, которые характеризуют динамику ряда ключевых социально-экономических показателей в оцениваемой стране, а также делают международные сравнения, выбирая наиболее сопоставимые ситуации.

Есть еще один фактор, который следует учитывать при оценке успехов или неудач исторического развития — это проблема «цены» развития или проблема соотнесения результата и затрат.

4. Внешняя угроза: источники и характер. Если говорить о внешних факторах развития, то следует отметить, что проблема внешней угрозы стояла для России XX века исключительно остро. Эта острота была обусловлена результатами первой мировой войны, которые неизбежно породили новую войну. Дело в том, что Германия, один из главных зачинщиков первой мировой войны, хотя и проиграла эту войну, но не была разбита. Ее армия капитулировала, находясь на территории, захваченной у противника. Капитулировала потому, что страна была истощена многолетней войной на два фронта. Но военного разгрома германские солдаты не знали ни на восточном, ни на западном фронтах.

Неизбежность германского реванша понимала вся Европа, и вся западноевропейская дипломатия 1920—30-х гг. была направлена на то, чтобы направить германский реваншизм на восток. Далеко не случайно, что именно А. Гитлер — политик, который еще в начале 1920-х гг. четко сформулировал тезис о необходимости прекратить воевать на Западе и направить все силы на завоевание жизненного пространства на востоке («Майн Кампф»), — стал канцлером Германии в начале 1930-х. А затем западные партнеры позволяли Гитлеру делать все для того, чтобы германская армия широким фронтом вышла на границы СССР.

Идеологией германского реваншизма стал фашизм, содержавший идею расовой неполноценности славян. Их предлагалось либо уничтожить, либо превратить в рабов, призванных обслуживать расу господ. Следует не забывать об этих планах с тем, чтобы реально

оценить характер угрозы, возникшей для России после первой мировой войны. И эти планы не были просто словами. Достаточно вспомнить о том, что почти все советские солдаты, которые попали в фашистский плен в первые месяцы войны, не дожили до января 1942 г. (около 3 млн.). Следует помнить и о том, что основные потери СССР в годы войны с фашизмом пришлись на долю мирных жителей, оставшихся на оккупированных территориях (около 10 млн. погибших).

Важно подчеркнуть, что расистская идеология славянского геноцида имела для Гитлера более фундаментальное значение, чем антисоветизм. Поэтому неправомерным представляется тезис о том, что угроза фашизма для России возникла потому, что Россия пошла по пути коммунизма и, как следствие, превратилась в угрозу для всего Запада. Антисоветизм был лишь удобным идеологическим прикрытием для традиционной антироссийской геостратегии Запада.

Уже первая мировая война показала, что вторая мировая война будет «войной моторов» (танков и самолетов). Победа в такой войне зависела от уровня развития экономического потенциала страны, уровня инженерной мысли и уровня образования всего населения, способности последнего эффективно применять оружие нового поколения.

Иными словами, в первой половине века России предстояло противостоять Германии, одной из самых развитых в промышленном и научно-техническом отношении стран. Для решения этой задачи России был необходим строй, способный обеспечить в межвоенный период подлинный рывок в развитии промышленности, науки и техники, а также в уровне образования широких слоев населения.

5. Потенциал социалистической революции. Анализ политики всех противоборствующих сторон в период Революции и Гражданской войны позволяет сделать вывод о том, что политические противники большевиков были не способны решить задачу, без которой ускоренное развитие России в XX веке становилось невозможным, а именно: остановить распад империи и тем самым сохранить единий народнохозяйственный комплекс, сложившегося в период капиталистической индустриализации конца 19 — начала 20 вв. Его основными базами были угольно-металлургическая база юга Украины (Донбасс — Кривой Рог), нефтяная база в Баку и Грозном, Чистятура (марганец) в Грузии, обрабатывающая промышленность Центра и Северо-Запада России. Только большевики смогли восстановить единство страны, потому что обладали идеологией, способной противостоять идеологии буржуазного национализма и сепаратизма. Речь идет об идее классовой солидарности всех трудящихся в борьбе с эксплуататорами.

Завоевав и удержав власть, большевики национализировали основные средства производства и распоряжались ими на плановой основе. Это позволило в максимальной степени использовать все экономические ресурсы страны в интересах ускоренного индустриального развития. В рамках такой экономической системы страна была защищена от утечки капитала, губительной конкуренции извне, потерь от анархии производства и эгоистической политики крупных частных собственников.

Успех индустриализации оказался невозможным без колLECTIVизации, целью которой являлся быстрый подъем товарности сельского хозяйства. История давала возможность осуществить коллективизацию более мягкими методами и менее дорогой ценой, но она не давала реальной альтернативы курсу на быстрое создание крупного высокотоварного сельского хозяйства.

Важнейшим условием успеха форсированного рывка было то, что новая власть своим первейшим приоритетом считала создание системы образования для самых широких слоев населения. Это позволило в короткие сроки подготовить миллионные кадры квалифицированных рабочих, многотысячные кадры инженерно-технических и научных работников.

Несмотря на жесткие методы строительства новой экономики, социально справедливые принципы распределения произведенной продукции обеспечили социальную стабильность общества в период форсированной индустриализации. Более того, социалистическая идеология обеспечила мобилизацию широких масс населения на сознательное участие в быстром промышленном перевооружении страны. Энтузиазм масс был одним из важнейших факторов успеха первых пятилеток.

В результате действия этих факторов в СССР за 10 лет была создана совершенно новая многоотраслевая производственная база, которая обеспечила экономическую независимость и обороноподготовку страны перед лицом внешней угрозы. Впервые в истории собствен-

ный промышленный и инженерный потенциал России позволял ей производить все виды продукции, которые производились в передовых странах Запада. В критически важных отраслях эта продукция была вполне конкурентоспособной. Не следует забывать, что созданный накануне войны танк Т-34 оставался лучшим танком все военные годы.

Именно так была создана материально-техническая и социально-политическая база для победы над Германией.

Анализ межвоенного периода советской истории, по мнению автора, убедительно говорит о том, что советский строй был наиболее адекватным, если не единственным возможным, для решения всех вышеуказанных задач экономического,

международного, социально-классового и политического характера. Те доктрины, на которые опирались политические противники большевиков, не давали возможности совершить подобный рывок вперед в отпущеные историей сроки.

Признавая стратегическую правоту большевизма, не следует апологетически оценивать тактику их действий. Порой действия власти были просто преступными (голод 1933 г., массовый террор 1930-х). Заплаченная цена была неоправданно высокой. Именно неоправданной, так как сама по себе социальная система не требовала от правящей элиты таких действий, и в дальнейшем они не повторялись.

6. Эпоха «холодной войны»: стратегический паритет как гарантирования мира. Одержав победу в войне с фашизмом, СССР оказался перед лицом нового внешнего вызова. США, опираясь на ядерную монополию, открыто заявили о своих претензиях на мировую гегемонию. Уже весной 1945 г. президент Трумэн решил говорить с СССР с «позиций силы». Эта позиция исключала какое-либо равноправное партнерство и учет взаимных интересов. Первая задача состояла в том, чтобы лишить СССР геополитических результатов его победы. Правительства США и Великобритании считали недопустимыми усиление позиций СССР в странах Восточной Европы, а также других стран, граничащих с СССР (Иран, Китай, Корея). Они стремились создать там прозападные режимы, враждебные СССР.

В феврале 1946 г. американский дипломат Дж. Кеннан представил правительству США программу действий, которая призывала оказывать давление и на внутреннюю ситуацию в СССР с целью изменения общественного строя. За этой программой стояла уверенность в том, что СССР будет критически нуждаться в помощи США при восстановлении своей экономики, а эта помощь позволит в короткий срок экономически подчинить нашу страну. Характерно, что уже в мае 1945 г. Трумэн прекратил поставки по ленд-лизу в нарушение ранее существовавших договоренностей.

Потенциал советского общественного строя позволил разрушить эти планы. Советское государство в кратчайшие сроки восстановило промышленность и ликвидировало ядерную монополию США. Был создан и постоянно поддерживался стратегический паритет, который делал неприемлемой военную агрессию против СССР. Учитывая огромное экономическое превосходство Запада, поддержание такого паритета на протяжении полувека было возможно только в силу экономической и социально-политической эффективности созданной советской модели экономического развития. Этот паритет обеспечил самый длительный в истории России период мира и надежную защиту всех ее национальных интересов.

7. Динамика внутреннего развития. Эффективность строя была столь существенной, что позволяла параллельно и постоянно повышать уровень и качество жизни советских людей. Определенное снижение темпов экономического развития в 70—80-е гг. было связано с существенным снижением интенсивности труда советских людей. Оно обусловлено не столько экономическими, сколько социально-психологическими факторами. Чувствуя себя в полной безопасности от любой внешней угрозы, руководство и народ стали работать в менее напряженном режиме. Однако следует помнить, что снижение темпов экономического развития сопровождалось постоянным и динамичным улучшением условий и качества жизни людей. Достаточно сказать о том, что за 15 лет «брежневского застоя» в стране было построено жилья больше, чем составлял весь жилой фонд СССР в начале 1960-х гг.

О динамике развития страны в советскую эпоху дают представления следующие таблицы:

Национальный продукт на душу населения в странах мира (чистая материальная продукция без услуг, в долл. США, в ценах 1980 г.)

	1913	1929	1938	1950	1986
США	2325	2900	2700	4275	6675
Зап. Европа	1525	1650	1800	1850	4650
СССР	350	365	640	1100	3750
Весь мир	550	615	630	780	1525

Потребление основных продуктов питания в СССР (кг, на душу населения в год)

	1913	1960	1970	1980	1985
Мясо и мясопродукты в пересчете на мясо (включая сало и субпродукты)	29,0	39,5	47,5	57,6	61,7
Молоко и молочные продукты	154	240	307	314	325
Яйца, штук	48	118	159	239	260

Наиболее представительным показателем, который объективно характеризует уровень социально-экономического развития любой страны, является Индекс развития человеческого потенциала, вычисляемый экспертами ООН в рамках специальной Программы развития (ПРООН). Этот индекс составляется на основе трех факторов: душевой ВВП, уровень образования, продолжительность жизни. За период 1913—1990 гг. этот индекс вырос в России в 4,5 раза, в Великобритании — в 2 раза, в США — в 2,3. В 1980-е гг. по индексу человеческого потенциала СССР уверенно входил в третью десятку стран мира (26—29 места).

Советский строй обладал огромным потенциалом развития и нуждался лишь в реформировании на своей собственной основе. Цели реформ были верно определены в середине 1980-х гг.: демократизация политической системы и использование преимуществ многоукладной экономики планово-рыночного типа. Однако тактика проведения реформ оказалась губительной.

8. Эпоха «радикальных реформ». Характерно, что антисоциалистическая революция была проведена в России под социалистическими лозунгами борьбы за демократию и социальную справедливость. Б. Ельцин, борясь за ключевой пост президента России в 1991 г., никогда не заявлял о себе как о противнике социализма и стороннике капиталистического пути развития. Смена общественного строя была осуществлена в цоковой ситуации поражения ГКЧП и демонстрации СССР под туманным лозунгом проведения «радикальных реформ».

Отказ от социализма привел к расчленению единого народно-хозяйственного комплекса союзного государства, глубокому экономическому кризису и потере всеми бывшими союзными республиками экономической независимости и ограничению политической самостоятельности на мировой арене. По индексу человеческого развития Россия за эпоху Ельцина переместилась с 27 места на 71 (по докладу ПРООН 1999 г.), а в последний год на фоне нефтяных сверхприбылей заняла 55 место (по докладу ПРООН 2001 г.).

С точки зрения внешнего фактора само существование России как многонационального и поликонфессионального государства сегодня обеспечено только сохранением ракетно-ядерного потенциала, созданного в советский период. Пример Югославии, столкнувшейся с албанским сепаратизмом в Косово и ставшей объектом прямой военной агрессии со стороны НАТО без всякой санкции ООН, показывает возможный сценарий развития событий в постсоветской России, столкнувшейся с аналогичной проблемой чеченского сепаратизма. Планы расчленение России существуют, но они остаются нереальными пока остаются действенными военно-технические результаты грандиозного экономического, научного и образовательного рывка, который совершил советский народ в эпоху социализма.

С. С. Дзарасов

О ХАРАКТЕРЕ СОВЕТСКОГО СОЦИАЛИЗМА И ПРОВАЛЕ МОНЕТАРИСТСКОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИКИ

Сегодня наблюдается уникальная историческая ситуация, когда неожиданно для себя мир стал свидетелем провала монетаристской концепции капитализма в постсоветских государствах. Казалось бы, что социализм потерпел полное поражение в его соревновании с капитализмом и этот факт можно рассматривать как победу капитализма. Рыночные рефор-

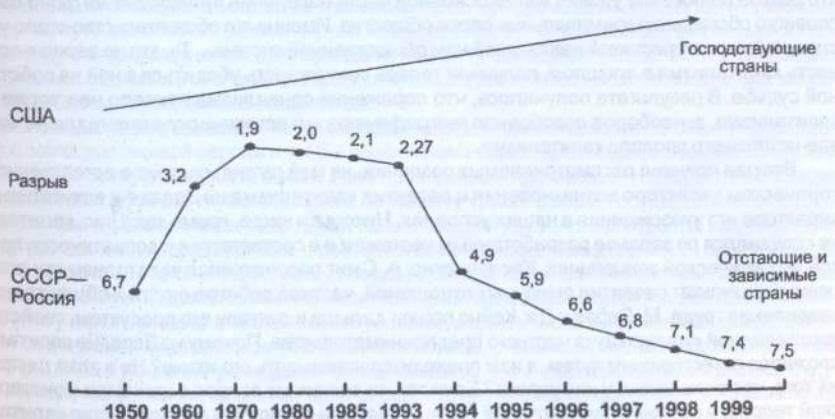
мы в постсоветских государствах проводились на основе именно такого вывода и настроя. Основанную на государственной собственности плановую систему незадачливые реформаторы заклеймили как неэффективную и противопоставили ей модель западной рыночной экономики, основанной на частной собственности и по одному этому объявленной ими высоко эффективной при всех условиях. На основе такой крайне примитивной схемы утверждалось, что если плановую систему мы заменим рыночной, то наша экономика поднимется на уровень экономики развитых стран.

Однако, как теперь все видят, ничего подобного не произошло. Бессспорно, что советское общество страдало крупными пороками. Но это не значит, что отказ от него автоматически принадлежит обществу и экономике может придать им такие положительные свойства, благодаря которым начнется наш прогресс и процветание. Ничего подобного! В принципе возможен от плохого к худшему, и есть опасность, что мы можем оказаться в таком положении. Во всяком случае, уже более десяти лет рыночного развития наша экономика переживает небывалые в мирное время падение и развал, которые являются чем-то большим, чем просто кризисом. Мы превращаемся не в развитую страну, а, наоборот, из относительно развитой переходим в группу стран с отсталой и зависимой экономикой. Если исходить не из стереотипов мышления, а из реальных фактов и процессов, то они больше говорят в пользу плановой экономики, чем рыночной. Статистика безжалостно показывает, что если в советский период наша экономика, хотя и в замедляющем темпе, но все-таки развивалась, то мы теперь переживаем невиданное в мирное время падение производства и развал экономики. По всем основным социально-экономическим показателям: объему производства, инвестиций, уровню реальной зарплаты, рождаемости, смертности, социальной обеспеченности граждан и другим наше положение после рыночных реформ не улучшилось, а наоборот ухудшилось.

Согласно имеющимся статистическим данным, дополненным моим собственными расчетами и оценками¹ соотношение между США и СССР—Россия по производству ВВП (за 1929—1950 годы национальный доход) на душу населения характеризуется следующими данными:

Производство ВВП на душу населения в США и СССР—России за 1950—1999 гг. (в долл.)

	1950	1960	1970	1980	1985	1989	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
США	1880	2800	4810	16470	17800	20900	24580	25810	27550	27821	29080	29240	29800
СССР—Россия	280	890	2528	7940	8354	9226	4950	4348	4148	4074	4080	3880	4014

На фоне этого роста экономики и народного благосостояния в советский период выглядит как «золотой век». Происшедшее с переходом к капитализму баснословное обогащение немногих за счет обнищания основной части населения, выступает резким контрастом по сравнению с советским периодом. Никогда и нигде переход к капитализму не сопровождался таким тотальным разрушением производительных сил и наступлением столь масштабных несчастий и страданий народа, как это имеет место у нас.

Если такого не было на Западе, то почему это имеет место у нас? Похоже, что здесь действует две причины.

Первая, на наш взгляд, связана с тем, что на Западе капитализм пришел на смену традиционному (феодальному) обществу, по сравнению с которым капитализм обладал несомненными преимуществами как в технико-экономическом, так и в социально-политическом отношениях и в силу этого ему сравнительно легко удавалось раскрыть свои достоинства и укрепить свое господство. В нашем случае ситуация совершенно другая. Советский социализм страдал серьезными пороками в силу отсутствия в нем политических прав и свобод граждан, и западное восприятие целиком было сосредоточено на этой его негативной стороне. Надо признать, насилию подвергалась значительная часть населения, в особенности в период коллективизации сельского хозяйства. После массовых репрессий 30-х годов понятие Гулага стало символом сталинского социализма и связанный с этим произвол властей не может быть стерт из памяти народа.

Вместе с тем необходимо видеть и другое. Наши несчастья западная пропаганда использовала не только для того, чтобы открыть нам глаза на правду, сколько в собственных целях, т.е. для того, чтобы дискредитировать социализм, а капитализм выставить в лучшем свете. Поэтому она свела суть советской системы к Гулагу и отрицала какие-либо ее достижения. Все годы советского режима Западная идеология была занята выискиванием и раздуванием его реальных и мнимых пороков, в результате чего в сознании западного общественного мнения позитивные достижения социалистического развития оказались полностью перечеркнуты. На наш взгляд, западный истеблишмент, в определенном смысле, сам стал жертвой этой предвзятости. Если советская система не представляла собой ничего другого кроме сплошного насилия, задача его реформирования представляется не сложной. Запад и его российский реформаторский авангард ожидали, что в наших-то условиях любые изменения и любые реформы народ встретит с полным одобрением. Но этого не случилось. Наоборот, перечеркнутые или поставленные под угрозу в ходе реформ достижения социалистической системы: высокие темпы роста, право каждого на труд и гарантированную оплату, бесплатность образования и медицинского обслуживания и другие социальные гарантии советского периода составили резкий контраст с социальным положением большинства условий наступившего капиталистического строя. Особое возмущение людей вызывает то, что резкое понижение уровня жизни основной части населения происходит на фоне баснословного обогащения криминальных слоев общества. Именно это обстоятельство стало убийственной характеристикой навязанной нам общественной системы. Те, кто не верил в порочность капитализма в прошлом, получили теперь возможность убедиться в ней на собственной судьбе. В результате получилось, что поражение социализма привело не к торжеству капитализма, а, наоборот, освободило географическую и историческую арену для не менее впечатляющего провала капитализма.

Вторая причина рассматриваемых различий, на мой взгляд, состоит в естественно-историческом характере возникновения и развития капитализма на Западе и искусственном характере его утверждения в наших условиях. Никогда и нигде, кроме как у нас, капитализм не создавался по заранее разработанным чертежам и в соответствии с догматически принятой теоретической концепцией. Как известно, А. Смит рассматривал капитализм как естественный результат развития рыночных отношений, частной собственности и общественного разделения труда. М. Вебер и Дж. Кейнс пошли дальше и считали его продуктом, свойственного западной культуре духа частного предпринимательства. Почему на Западе капитализм сложился естественным путем, а нам приходится навязывать его извне? Не в этом ли причина того, что он не имеет у нас успеха? Если так, то возникает вопрос о ценности монетаристской теории, в соответствии с которой были разработаны чертежи строительства капитализ-

ма в постсоциалистических государствах. Если бы эта теория действительно была столь ценной и универсальной, как изображают ее проповедники, то ее принятие и воплощение в наших странах обеспечивало бы нам невиданный ранее успех. На самом деле, мы испытываем небывалый в нашей истории провал, и это характеризует принятую нами монетаристскую теорию и основанную на ней модель экономики самым отрицательным образом.

Третью причину провала реформ, мы усматриваем в несоответствии их целей интересам страны и основной части населения. Добросовестные исследователи это признают. Так, американский институционалист Джеймс Ангрессано в книге посвященной проблемам переходных экономик России и других стран, пишет:

«Преобразовательные задачи для стран Центральной и Восточной Европы с самого начала 90-х годов исходили из интересов Запада и определялись идеологическими постулатами, присущими неоклассической теории, такими, как предоставление рынка западным кредиторам, доступ к сырьевым материалам этих стран и усиление политического влияния в регионе» (Angressano, 1977, с. 28).

Предложенный международными организациями и принятый российскими реформаторами механизм осуществления преобразований оказался под решающим влиянием западной политики, направленной на ликвидацию в начале СССР в качестве своего военно-стратегического соперника, а теперь — исключения России как опасного конкурента на мировом рынке. Такой вывод подтверждается тем, что реформы шаг за шагом переводят нас из категории относительно развитых стран в категорию отстающих. Подобная тенденция не беспокоит правящий класс и его официальных идеологов, в руках которого оказались приватизированные богатства. Похоже, что, наоборот, зависимый характер страны формирует у них угодливую психологию младшего партнера, а поэтому они связывают будущее страны не с тем, что мы будем делать сами, а с тем, облагодетельствует ли нас иностранный капитал. «Подъем российской экономики без иностранных кредитов и инвестиций, — уверяет нас Е. Ясин, — невозможен как минимум 15—20 лет» (Ясин, 1999, с. 14).

Но ведь известно, что именно время наибольших иностранных заимствований было периодом наибольшего развала российской экономики по причинам их разворовывания, о чем говорилось выше. Нужно обладать весьма своеобразной логикой, чтобы утверждать, что при массовой утечке отечественного капитала за рубеж найдется достаточное число иностранцев, готовых бросить свои капиталы в огонь нашей сверх криминальной экономики. Кроме того, важны условия, на которых иностранный капитал может прийти, вырвать куш и удрать или будет повышать нашу конкурентоспособность на мировом рынке?

Мы рассматриваем ситуацию совершенно иначе. Нам не следует рассчитывать на иностранные кредиты и инвестиции, которые якобы поднимут нашу экономику. Как показал опыт, они способны только опутывать страну сетью финансовой зависимости, выкачивая из нашей экономики последние остатки ее жизненных сил. Чем дальше мы будем идти принятым курсом по пути зависимого развития, тем меньше у нас остается шансов вырваться из порочного круга бедности и найти путь выхода из нашей тупиковой ситуации. То, что происходит у нас, нельзя оценивать иначе как подрыв репутации рыночного капитализма и тех методов, при помощи которых его насаждают.

Основным из них, как известно, была грабительская приватизация. Ее обычно оправдывают с помощью лживой версии о якобы «бесхозном» характере государственной собственности в советских условиях. На самом деле проведенная против воли народа приватизация представляла собой акт грубого насилия по захвату чужого добра. Государственная собственность принадлежала всему народу на основе конституционного контракта, заключенным между гражданами и государством, в соответствии с которым граждане часть принадлежащей им заработной платы оставляли у государства для помещения в активы, приносящие доходы, а за счет этих доходов обеспечивались гарантированные конституцией права. Именно поэтому налоги у нас формально были низкими, а фактически высокими. Стоимость обучения своих детей, медицинское обслуживание семьи, стоимость «бесплатно» полученной квартиры и коммунальные расходы по ее содержанию, как и соответствующий размер будущей пенсии, мы оплатили за сто лет вперед тем, что постоянно вкладывали часть заработка в активы, принявшие форму национального богатства.

Такая система производства и распределения стимулировала психологию всеобщей заинтересованности в развитии общественной экономики. Теперь это разрушено, созданные нашим трудом национальные богатства за бесценок переданы в частную собственность криминальной «элиты, а от нас требуют, чтобы мы платили снова. Иная система присвоения порождает иную психологию — вырвать себе кусок, а дальше трин-трава. Создавшую такую систему приватизацию народ не может признать легитимной.

«Поскольку подобная грабительская приватизация многими не признавалась легитимной, — отмечает Дж. Стиглиц, — она подорвала репутацию рыночного капитализма сильнее, чем доктрина «эры коммунизма»» (Стиглиц, 2000, с.9).

Эту оценку едва ли удастся теперь изменить. Обогащение одних на фоне обнищания других стало убийственной характеристикой навязанной нам общественной системы. Те, кто не верил в порочность капитализма в прошлом, получили теперь возможность убедиться в ней на опыте своей собственной судьбы. Безальтернативным принятием теории, применение которой обрекает страну на отставание, а народ на нужду и страдания, мы по существу преподаем политическую экономию собственной катастрофы.

Какие выводы вытекают из данной выше оценки нашей ситуации?

Существующий режим не способен обеспечить необходимый для нашего выживания в современных условиях темп экономического роста, создать инвестиционный фонд для модернизации экономики, а, следовательно, предотвратить наше сползание в группу отсталых и зависимых стран и тем история выносит ему смертный приговор.

Ценность теории определяется для нас ее способностью обеспечить экономический рост. Монетаристская теория такой не является, и вместо нее нам следует принять другую, а именно, посткейсианскую теорию и модель экономики.

Наше спасение возможно только в случае отказа от нынешней модели экономики и принятия другой, с индикативным планированием основных макроэкономических пропорций и сознательным обеспечением равновесия как условия эффективной как частной, так и государственной предпринимательской деятельности.

Планирование — вот что нам нужно в первую очередь. Планирование — это то, что мы умеем, как никто другой, и отказ от него явился для нас роковым. Теперь его возобновление наталкивается на огромные трудности. Но каковы бы не были трудности его возобновления, другим способом подъема нашей экономики мы не располагаем.

Конечно, надо учитывать, что изменение курса в направлении создания функционирующей на демократических и правовых началах планово-рыночной системы не может быть осуществлено без ущемления интересов тех, кто захватил власть и собственность. Они всеми силами будут стараться не допустить необходимых перемен и препятствовать выходу из кризиса. Кроме того, надо учитывать также внешний фактор, о котором говорилось выше. Если бы даже российский капитал вдруг проникся интересами собственной страны и вздумал действовать исходя из них, ему едва ли это будет позволено.

Как видно, главные трудности на пути нашего выхода из кризиса лежат не столько в области нахождения концептуальной формулы, сколько в области практического осуществления той стратегии, которая из нее вытекает. Что касается научно-теоретической стороны, то можно сказать, что для этого необходимо в нашей ситуации. Во-первых, отказ от модели рынка, в которой господствующее положение принадлежит криминальному капиталу. Во-вторых, принятие такой модели рынка, которая бы конвергентно сочетала положительные черты плановой системы с достоинствами рыночной экономики, а не была бы сочетанием их пороков, как сейчас. Стратегия выживания диктует нам выбор, подобный тому, который сделал Китай, более двадцати лет развивающий свою экономику беспримерно высокими темпами. Именно Китайский опыт представляет разумную альтернативу тому, что делается у нас. Но, к сожалению, он крайне скучно освещается и анализируется у нас в то время как на Западе он постоянно находится в центре внимания. (Nolan, 1995). Так, известный американский экономист, лауреат Нобелевской премии Л. Клейн подвергает критике российских реформаторов, утверждающих, что их стратегия альтернативы не имеет. «На самом деле, пишет Л.Клейн, — жизнеспособные альтернативы существуют. Китайская реформа, о которой было известно еще до середины 80-х годов, пошла по совершенно другому пути. Сельское

хозяйство и малая предпринимательская деятельность были полностью экономически раскрепощены или либерализованы. В определенной степени происходила и приватизация, но она никогда не занимала центрального места. В некоторых сферах большое значение придавалось рыночному ценообразованию и индивидуальному принятию решений. Официально провозглашенная цель состояла в модернизации производства на основе рыночного социализма, без резкого массированного внедрения частной собственности» (Клейн, 1996, с.33).

Л.Клейн не только указал на китайский опыт как на альтернативный российскому, но и объяснил причины его успеха. Если свести оценку китайского опыта западными авторами к общему знаменателю, то таковым как раз выступает соответствующая его условиям планово-рыночная модель экономики. Нам также не следует выбрасывать слов из песни и забывать, что именно в рамках планового хозяйства наша страна из отсталой превратилась во вторую сверхдержаву мира. Это, разумеется, ни в коем случае не предполагает возврата к советской модели централизованного планирования. Но в каком-то ином виде, в виде идущего снизу индикативного планирования только и представляется возможным обеспечение макроэкономической сбалансированности и стабильности.

При всех условиях для выхода из кризиса нам необходима активная политика государственного регулирования экономики. Итоги десяти лет показали как эту необходимость, так и то, что приватизация крупной собственности себя не оправдала. С ее помощью создан не класс эффективных предпринимателей, а губящих страну и экономику класс криминальных собственников. В рамках планово-рыночной экономики нам придется, во-первых, взять ориентацию на созидательное предпринимательство в лице государственного, малого и среднего бизнеса; во-вторых, восстановить государственную собственность на рентные и высокодоходные отрасли экономики и призвать на сцену ответственный менеджмент, способный на модернизацию и эффективное управление; в-третьих, пойти на чрезвычайные меры по чистке государственного аппарата от криминальных и коррумпированных элементов. Какими бы трудными ни были эти меры, ход развития не оставляет нам другого выбора.

Подводя итог сказанному, хотелось бы в заключение подчеркнуть две вещи. Во-первых, то, что без названных мною или других аналогичных мер наше сползание в группу отсталых стран предотвратить невозможно. Во-вторых, то, что сейчас нет готовой концепции нового этапа реформ в духе сказанного. Но ее начала содержаться в посткейсианстве, старом институционализме, неомарксизме, неорикардианстве плюс наш собственный опыт планового ведения хозяйства. Исходя из этих начал, нам надо разрабатывать собственную концепцию курса реформ и альтернативной неоклассической концепции курса экономической теории.

¹ Таблицы и графики составлены и рассчитаны по данным: Historical Statistics of The United States. NY, 1989.— Р. 224. Statistical Abstract of the United States 1990.— Р. 840. 1997. Р. 838. 1999. Р. 841. 2000.— Р. 831; Страна Советов за 50 лет. Сборник статистических материалов. М., 1967.— С. 30—31; Народное хозяйство СССР 1922—1982. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1982.— С. 9, 64—66; Народное хозяйство за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник.— М., 1987. С. 8, 13, 654, 699; Российский статистический ежегодник.— М., 1997.— С. 695.

О.К. Цалиева

РОССИЯ В XX ВЕКЕ: КРУШЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА И ТУПИК КАПИТАЛИЗМА.

Конец XIX — начало XX века в России ознаменовался крупнейшим историческим сдвигом. Капитализм пришел в Россию как идеология модернизации и одновременно породил политическую силу, которая потребовала изменения социальных условий в свою пользу. Первым это понял и обосновал в своих работах Г.В. Плеханов. В этом плане он действительно «не только опередил русскую общественную мысль на целое десятилетие», но и «оказался пророком — ибо рабочий был той точкой опоры, куда должен быть приложен революционный рычаг»². Г.В. Плеханов стал пророком и в другом — он первый понял, что марксизм попал «в резонанс» с социальными и культурными процессами происходящими в тогдашнем российском обществе и сделал его идеологией нового поколения революционеров.

Российская империя в начале XX века оказалась наиболее слабым, в смысле социальной устойчивости, звеном в мировой системе капитализма. Острые социальные проти-

воречия нашли выход в Октябрьской революции 1917 года. Помимо всего прочего, историческая роль этого события заключалась и в том, что впервые стало ясно: капитализм не вечен, т.к. он не в состоянии разрешить главное противоречие своей системы — противоречие между экономической и социальной сторонами развития и воспроизводства.

Последующие после 1917 года события показали, что социализм достаточно успешно решает именно эту проблему на стадии индустриальной модернизации. После восстановления народного хозяйства от разрухи, причиненной годами первой мировой и гражданской войн, экономика России развивается небывало высокими темпами. В стране проводится индустриализация, развиваются базовые отрасли, по общему объему производства она выходит на второе место в мире, а по ряду направлений (космическая промышленность, атомная энергетика, военная техника) занимает лидирующее положение.

Значительные результаты достигаются и в социально-культурной области, обеспечивается всеобщее образование, широкое развитие получает бесплатное здравоохранение, развитие науки. Однако к 80-м годам развитие материальной и духовной культуры существенно замедляется. Социализм на этом этапе развития еще не оказался способным создать передовые технологические уклады во всех отраслях производства и дать гражданам потребительские возможности большие, чем капитализм высокоразвитых стран. В условиях развернувшейся НТР социалистическая экономика России, оказалась недостаточно восприимчивой к достижениям научно-технического прогресса. Появилась необходимость новой модернизации.

Модернизация в России конца XX века так же, как и в начале века, сопровождается сильнейшим цивилизационным кризисом. Кризис привел к краху социалистической системы и колossalной потере значительной части накопленных в советский период производительных сил. Трагедия советского социалистического общества в этот период оказалась в том, что при наличии альтернативных вариантов, исторические события сложились именно таким образом.

Но если в период построения социализма модернизация была проведена весьма успешно, то этого невозможно сказать о капиталистической модернизации в России конца XX века.

При объективном рассмотрении положения современного успешного (в смысле обогащения) российского бизнеса окажется, что создание капиталистической, буржуазной экономики в классическом его понимании достаточно быстро приведет к его банкротству. Большинство нынешних капиталов возникло на базе монопольного положения и при нормальной рыночной конкуренции монопольная олигархия, которая хочет обогатиться как можно быстрее, но не научилась вкладывать деньги в производство — неизбежно потерпит крах.

Последнее время становится все более очевидным, что большинство частных собственников заинтересованы в сохранении своего монопольного положения: на рынке — не допуская конкуренции, в системе власти — через тесное слияние с государственными структурами, в политике — путем спонсирования политических решений в свою пользу. Поэтому «новая российская буржуазия» вовсе не стремится построить капиталистическую экономику.

Российская буржуазия, получившая необъятную власть, как и в начале XX века проявляет неспособность управлять страной в интересах развития ее производительных сил. Нынешний российский капитализм стал тупиком для страны. Перспективы развития экономики России не могут быть капиталистическими из-за неэффективности сложившейся модели.

Более того, можно сделать и другой вывод. Крах социализма в России показал и тупикость современного западного капитализма.

Западный капитализм, почувствовав необходимость примирения экономической и социальной сторон своего развития под влиянием социалистической революции 1917 года, пошел на осуществление широких социальных программ. Социал-демократические партии Европы стали серьезной политической силой. Социальные реформы, приводя к перераспределению благ в обществе, становились важнейшим стабилизатором отношений в буржуазном обществе.

Однако с крахом социализма в России, положение коренным образом изменилось. Для современного западного общества характерными стали постоянные неудачи социал-демократических партий (яркий последний пример: выборы президента во Франции, когда социалист проиграл не только представителю буржуазной партии, но и крайнему националисту).

Практикой западной экономики стали постоянные уступки либерализму в ущерб проведения социальных программ.

Запад исчерпал возможности социализации и не нашел другого пути для дальнейшего повышения эффективности капиталистической системы. О том, что западный капитализм переживает тупиковый кризис, говорит тот факт, что место социального реформизма начал занимать радикализм, выражавшийся в агрессивности (движение антиглобалистов), вспышках протеста, неприятия сложившихся институтов буржуазной власти (успех Лепена во Франции из этого ряда). Это первые буревестники, показывающие, что западный капитализм вступил в полосу острых социальных конфликтов с неясными последствиями.

Россия в XX веке сыграла глобальную роль. Советский социализм на протяжении всего века оказывал решающее влияние на путь развития цивилизованного мира. Гибель советского социализма может оказать не меньшее влияние и на перспективы капитализма в XXI веке.

Россия в XX веке не созрела для социализма (в этом Г.В. Плеханов оказался также прав), но и при капитализме жить она тоже не может. Возможно, в поисках своего дальнейшего пути, если, конечно, она найдет в себе новые социальные силы, Россия покажет миру неизвестные альтернативы исторических перспектив.

¹ Маслов П.П. Плеханов как экономист. — Экономическое обозрение, 1917. С. 75—76.

² Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре. М.: 1990. С. 436.

Б.Ф. Славин

КАКАЯ СТРАТЕГИЯ НУЖНА РОССИИ?

Что ждет страну впереди? Какая стратегия ей нужна? На эти вопросы до сих пор нет ответа, хотя колокол нового века уже звонит, предвещая момент исторического выбора. В этой связи представляет интерес проблема выбора Россией своего пути и стратегии ее возможного развития.

Прежде чем давать оценку стратегии президента Путина, ответим на фундаментальный вопрос: почему погибла предыдущая стратегия коммунистов и в критическом состоянии находится последовавшая за ней стратегия радикальных демократов ельцинской поры.

Говоря объективно, коммунистическая стратегия погибла потому, что при ее осуществлении не были решены, по меньшей мере, три основные задачи прогрессивного развития общества. Задача подъема производительных сил страны и роста производительности труда, которая могла бы дать реальную возможность в сфере экономики оставить позади наиболее развитые страны. Связанная с нею стратегическая задача обеспечения лучшей жизни народа. Наконец, коммунисты споткнулись на проблеме демократии. Вместо нее был создан режим сталинского тоталитаризма, фактически растоптивший глубоко демократические идеи революции о передаче заводов и фабрик рабочим, земли — крестьянам, власти — подлинно народным советам. Все это и привело к тому, что советская модель социализма сошла с исторической сцены.

На смену пришла иная модель, которую Запад пропагандировал, но сам не реализовал. Эта модель «хайековского» неолиберализма, который противоречит не только условиям России, но и, по сути дела, кейнсианской модели самих Соединенных Штатов Америки. Видимо, по закону противоположностей именно модель хайековского неолиберализма была связана радикальными демократами России, в результате чего мы оказались в очень плачевой ситуации.

В то время как весь цивилизованный мир встал на путь социализации и информатизации производства, усиления роли государства во всех сферах общества, мы пошли в обратную сторону — к отказу от социальности, к деиндустриализации и минимизации роли государства в обществе.

У многих людей ныне испарилась романтическая мечта о капиталистическом рае. Вспоминаю, как накануне гайдаровской либерализации цен один рабочий говорил: «Да мне не

важно, кто меня эксплуатирует — государство или капиталист. Если капиталист меня будет эксплуатировать, и я стану жить лучше, пусть эксплуатирует». Но даже эти надежды на возможную цивилизованную эксплуатацию наемного труда в России не осуществились: наш доморощенный капитализм оказался намного жестче и агрессивнее, чем западный с его опытом разрешения трудовых конфликтов и достижения социальных компромиссов.

В России сегодня можно увидеть поистине варварские формы эксплуатации наемного труда: возвращение, например, к двенадцатичасовому рабочему дню в автомобильном сервисе, повышение интенсификации интеллектуального труда в различных компьютерных компаниях, осуществление полного произвола работодателей при найме и увольнении работников и многое другое. Невелика роль капитала и в развитии реального сектора экономики. Напротив, с его приходом рост производительности общественного труда резко снизился, и это не случайно: произошла остановка тысяч промышленных и сельскохозяйственных предприятий, возникла массовая безработица, произошло резкое социальное расслоение людей на кучку сверхбогатых олигархов и остальное население страны, едва сводящее концы с концами. Одним словом, Россия стала наглядным примером отсталой, периферийной страны, где полностью подтвердилась марксистская идея «абсолютного обнищания масс».

В то же время российский капитализм (его называют по разному: «доморощенным», «диким», «варварским») стал буквально раем для «новых русских» и части бывшей номенклатуры. Богатые витрины городских магазинов, подсвеченные здания и дорогие лимузины на улицах, создание целой индустрии развлечений и «шикарной жизни» — наглядное проявление этого рая. Когда же миллионы простых людей соприкоснулись с ним, он им явно не понравился. Оказалось, за все красивое надо платить, а денег нет и не предвидится. На самом деле, как может понравиться устройство общества, в котором миллионы здоровых людей не могут найти работы, а тем, кто ее имеет, могут месяцами не выдавать зарплату? Как может понравиться общество, где учителя и врачи вынуждены в знак протesta устраивать «голодовки», а дети становятся, как в годы войны, беспризорниками? Наконец, как может людей удовлетворить общество, где процветают коррупция и уголовный мир, где тебя именуют «чернью» или «быдлом» только за то, что ты попытался отстоять свои элементарные права на жизнь, работу и отдых?

В этой связи закономерно встает вопрос: куда и как двигаться дальше? Назад хода нет. Оставаться в мерзком настоящем не хочется. Будущее туманно и неопределенно. Именно в такой ситуации приходит к власти Путин — человек неприметный и мало кому известный. Ради объективности следует отметить, что ему досталось незавидное наследство от его предшественника: явная устарелость технического парка страны, остановленные и во многом разрушенные заводы и фабрики, плачевное состояние дорог и всей коммунальной инфраструктуры. Не случайно его правление ознаменовалось такими явлениями, как пожар на Останкинской телебашне, катастрофа с «Курском», энергетический кризис в Приморье и т.д. Свой диагноз существующему порядку вещей Путин обозначил словом «хаос». И это была объективная оценка тех результатов радикальных реформ, которые проводились при Ельцине.

Большинство общества ждало от Путина решительного поворота к новой, по сути дела, антиельцинской стратегии. Его высокий рейтинг в первый год президентского правления — это проявление вспыхнувшей надежды российского народа на лучшую жизнь. Эта надежда пока сохраняется, давая президенту Путину шанс на будущее, но она не безгранична. За неё должны следовать конкретные дела, оправдывающие ожидания людей.

И такие дела в первое время последовали. Я имею в виду решительную борьбу нового президента с терроризмом, его меры по укреплению Федерации и вертикали исполнительной власти. Особенно благоприятно были встречены общественностью устранение с политической сцены таких олигархов и медиамагнатов, как Березовский и Гусинский, повышение пенсий и зарплаты бюджетникам. В этом же русле общественность восприняла и его разумную коррекцию образовательной и коммунальной реформ, которые правительство планировало осуществить за счет народа. Некоторые граждане увидели здесь проявление своеобразного социал-демократизма президента. Это мнение совпало со словами самого Путина, сказавшего на встрече с лидером российских социал-демократов Михаилом Горбачевым, что Россия, по сути своей, «страна социал-демократическая». М. Горбачев считает это мне-

ние справедливым и предлагает всячески поддерживать президента, одновременно ограждая его от пагубного влияния правых в правительстве и президентских структурах власти.

Однако, объективно оценивая политику Путина, приходится констатировать, что у него до сих пор не сложилось четкого представления о том, куда должна идти Россия. Он продолжает вести сугубо эмпирическую политику, лавируя между интересами определенных групп влияния в руководстве страной. На его политику явно продолжают оказывать мощное влияние энергетическое, нефтяное и финансовое лобби, прежний клан «семьи» Б. Ельцина, представленный особенно заметно в правительстве и администрации президента. Результатом этого является во многом сохранение линии неолиберальных преобразований, начатых при Ельцине. Ее можно проследить в отмене прогрессивного налога на капитал, существующего во всех развитых странах мира, в повышении ставки единого налога с 12 до 13 процентов. Эта же линия прослеживается в продолжающемся стремлении правительства переложить коммунальные расходы на плечи простых граждан, «не мытьем, так катаньем» ввести платное образование, расширить естественные монополии в частных интересах отдельных олигархических кланов.

На мой взгляд, президент страны пока не нашел своей социальной базы, которая бы позволила ему стать прогрессивным реформатором России. Вольно или невольно, но Путин продолжает подчиняться тому политическому классу, который за последние десять лет сумел утвердиться во власти, осуществляв симбиоз бюрократии и крупного финансового капитала. Этот класс сегодня настолько силен, что почти не оставляет президенту России возможность существенного стратегического маневра.

Но возможен ли такой маневр вообще? Как и куда может осуществить исторический поворот современная Россия?

В социальном отношении у нынешнего президента есть следующие объективно существующие перспективы общественного развития. Первая — это стратегия следования прежней неолиберальной и прозападной модели развития, но с упором на жесткие авторитарные методы ее осуществления. Это своеобразный пиночетизм для России. Именно на этот путь толкают президента наиболее радикальные элементы справа. Некоторые аналитики уже видят черты такой модели в усилении кремлевского контроля за СМИ, в укреплении вертикали власти, повышении роли силовых структур в обществе и т.п. Несмотря на эти факты, я считаю, что политика пиночетизма пока не взята на вооружение российским президентом. Если бы это произошло, то мы не могли бы сегодня в печати свободно обсуждать данную тему. Пиночетизм стал бы новой трагедией для России. Как показывает вчерашний опыт Чили или современный опыт Аргентины, следование такой модели — это путь, чреватый мощными социальными потрясениями и возможным уходом президента с политической сцены. Отсюда вопрос: кому это сегодня выгодно?

Противоположная стратегия лежит в русле идей, предлагаемых КПРФ. Она, по сути своей, связана с возвратом к государственно-бюрократическому или державному социализму. Этот путь столь же беспроспективен, так как ведет к временам, во многом дискредитированным сталинским тоталитаризмом. Сохранение культа Сталина многими коммунистическими лидерами — это наиболее наглядный признак глубочайшего кризиса современного коммунистического движения в России и его стратегии.

Где же выход из этой фактически патовой ситуации? На наш взгляд, он лежит в русле «третьего пути» в политике, которого придерживаются многие современные социал-демократы в Европе и мире. Это опора на творческие возможности человека, его интеллектуальный капитал, это смешанная и социально ориентированная рыночная экономика, открытое общество и социальное государство, это признание таких ценностей, как свобода, справедливость, солидарность. Характерным признаком стратегии «третьего пути» является создание предприятий с собственностью работников, где исчезает вексовая противоположность между наемным трудом и капиталом. Такое общество одни называют «народным капитализмом», другие «подлинным социализмом», но как бы его ни называли, практика развитых стран показывает (программа ИСОП в США и Англии, кооперативные объединения в Испании, Франции и Италии, автомобильные концерны типа «Фольксваген» в Германии), что заnim будущее. Нет надобности много говорить о том, что подобный опыт, по сути своей, наи-

более близок России, где всегда существовали различные производственные товарищества, кооперативы и артели, в которых не было деления на работников и работодателей, где колективный труд на общее благо дополнялся совместным распределением заработанного. Стратегия «третьего пути», впитавшая в себя глобальные требования современной информационной эпохи, может стать стратегией, выражающей интересы абсолютного большинства российского общества.

Наряду с долговременной стратегией Россия остро нуждается в конкретных и решительных шагах по радикальному изменению существующей промышленной и экономической политики. Ей жизненно необходима программа-минимум, предлагающая отход от неолиберальной парадигмы развития, прекращение зависимости от МВФ и других международных финансовых организаций, использование в государственных интересах природной ренты, о чем так убедительно говорят многие экономисты, не зараженные идеей неолиберального фундаментализма. Необходимо также как можно быстрее осуществить приоритетное развитие науки, образования и культуры, нападать выпуск и использование гибких информационных технологий, различных ноу-хау, постоянно наращивать производительность труда. Для осуществления этого в России есть все: громадные природные ресурсы, пока еще сохранившийся интеллектуальный потенциал, умение работать в сложных и трудных жизненных условиях, незатухающая творческая инициатива предпринимательского класса и отдельных граждан. Все это может позволить в самые сжатые сроки добиться резкого улучшения жизни людей, преодолеть отставание нашей страны от развитых стран западного мира.

Если Путин сможет принять и осуществить такую стратегию и программу-минимум, он войдет в историю России как созидатель, признанный народом реформатор. Однако в последнее время я все больше думаю, что этого не произойдет. Путин в последнее время слишком много внимания уделяет словам, а не конкретным делам. Так, он много и часто говорит о высоких темпах развития экономики (5% приросте ВВП), забывая о том, что этот прирост обусловлен низким уровнем состояния экономики и высокой конъюнктурой цен на нефть в последние два года. Однако, как показало недавнее падение цен на нефть, наше финансовое и бюджетное благополучие весьма относительно. В экономике страны пока нет долговременных позитивных сдвигов, нет стабильной ситуации на финансовом рынке. Доходы на душу населения страны мизерны. Продолжает сохраняться высокая смертность, не прекратилась утечка «мозгов» и капиталов за рубеж, снижается образованность населения. По этим важнейшим показателям ООН Россия продолжает стоять в ряду неблагополучных стран мира. Если эти тенденции не будут изменены, то скоро большинство людей разочаруются в Путине, увидев в нем тривиального охранителя прежней, разрушительной тенденции.

Сейчас говорят, что в политике все символично. Например, террористы бьют по символу мировой торговли — двум американским небоскребам, отечественные неолибералы с фанатичным упорством требуют выноса тела Ленина из мавзолея, считая, что таким образом они могут навсегда покончить с коммунизмом. Что же касается Путина, то он тоже недавно в десятилетний юбилей разрушения Союза и образования СНГ наградил Бориса Ельцина высшей наградой страны орденом «За заслуги перед Отечеством первой степени». Является ли это награждение символом преемственности двух политиков — Бориса Ельцина и Владимира Путина — или это своеобразный жест, говорящий о конце одной эпохи и начале другой, принципиально отличной? Ответ на этот вопрос мы скоро узнаем из того, что будет делать Путин.

Подведем итоги. Итак, государственный социализм сталинского тоталитарного типа история отбросила как негодную модель своего развития. Варварский капитализм неолиберального типа, который у нас был и продолжает существовать, как показывает опыт протестных движений от шахтеров до учителей и ученых, народ не приемлет. Остается «третий путь», стратегию которого выражает современная социал-демократия. Думаю, что эта стратегия рано или поздно восторжествует. Если ее начнет осуществлять Путин, как говорится, дай-то Бог. Но для этого нужны смелость и настоящее мужество, качества, которые пока весьма редко встречаются у кадров современной политической элиты.

ДВА ТИПА НАЦИОНАЛИЗМА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ.

Новые исторические реалии нельзя описывать в старых понятиях. Изменившаяся ситуация порождает новый дискурс, но не всегда в соответствии с ним язык порождает новые слова. Поэтому приходится пользоваться старыми словами-оболочками, заключающими в себе новое содержание. Особые трудности возникают в анализе новых явлений, описываемых в старых понятиях. Количество значений и интерпретаций их так велико, как велика частота их употребления. Это в полной мере относится к группе семантически близких понятий нация-этнос-народ-население и ряду производных. Это же полностью относится к феномену и обозначающему его понятию «национализм». Поэтому особенно важна четкость определения национализма и ясность критериев типологизации его проявлений.

В соответствии с новыми реалиями постсоветской России можно выделить два типа национализма. Первый тип — конструктивный национализм, который можно определить как теорию и практику обеспечения реализации интересов нации. Здесь нация — это социальная и политическая общность граждан государства. Эта общность выражается в осознанном единстве интересов граждан и государства и в единстве действий гражданского общества и государства. Нация есть там, где есть национальное (проводящее политику в интересах народа) государство. Здесь понятие гражданства усиливается понятием национальности как принадлежности к нации. Так, например, Союз ССР был общенародным государством, в котором на определенном историческом этапе сложилась новая нация, называвшаяся «новой исторической общностью — советским народом», а также принадлежность к нации, национальность — советская. (В СССР национальность означала не принадлежность к нации, а принадлежность к этносу: русский, немец, татарин и т.д., что и фиксировалось в паспорте. Советскую национальность как принадлежность к нации позже в уничтожительном смысле определил А. Зиновьев — «совок».) Конструктивный национализм предполагает не просто территорию с проживающими на ней людьми, общность не формальную (не всегда люди, проживающие на одной территории и имеющие черты сходства, представляют собой нацию), а общность как социальное и политическое единство. Идеология и практика в СССР была идеологией и практикой конструктивного национализма. Постсоветская Россия еще далека от конструктивного национализма. Гражданское общество находится в начальной стадии формирования, интересы государства как аппарата управления не вполне совпадают с интересами тех, кем оно управляет, российская нация находится в процессе становления, не вполне сформировалась новая гражданская идентичность (граждане РФ в последнюю очередь вспоминают о том, что они — россияне). Конструктивный национализм — положительное явление.

Второй тип национализма — деструктивный национализм. Более точно может быть обозначен как этнисм. Это теория и практика защиты интересов этноса как примордиальной (первородной) общности, представляющей собой некое надындивидуальное целое, превосходящее в своей ценности любую его часть. Деструктивный национализм или этнисм на первый план выдвигает не социально-политическую общность, не внутреннее единство, а природно-культурную общность и внешние ее признаки (вид, язык, номинация). Деструктивный национализм или этнисм, настаивает на приоритете этноса по отношению к индивиду, является тем самым одной из многих разновидностей фашизма. СССР победил в Великой отечественной войне одну из них — германский фашизм. Для постсоветской России фашизм является не внешней, а внутренней угрозой, угрозой целостности РФ. Поэтому важно дифференцировать его проявления.

За основу классификации деструктивного национализма принята сфера проявления и его субъект. Первая разновидность — повседневный или обыденский этнисм. Он находится в бытии повседневности, в обыденной жизни. Его нельзя отождествлять с «бытовым национализмом», сферой которого гораздо уже — это приватная область внутрисемейных и соседских отношений. Повседневный этнисм охватывает — все, что выходит за рамки «четырех стен домашнего обихода»: и так называемую «производственную сферу», и «улицу»,

анонимное мгновенное общение в случайной толпе или анонимное и более продолжительное общение в конвенциональной толпе. Субъектом повседневного (обывательского) этнического общения является обычатель, житель, любой участник кроссэтнической коммуникации, как в малой группе, так и в толпе. Повседневный этнический этнический наблюдаем. В современной России его проявления — в пределах нормы, в рамках естественной реакции дифференциации «знакомый-незнакомый». (Обычно видится противопоставление «свой-чужой», что неверно, так как в условиях массового общества, к которому относится постсоветская Россия, «свои» исчезают со скоростью прямо пропорциональной массе окружающих индивидов, остаются «знакомые».) Главное условие возникновения повседневного этнического — незнакомость и анонимность. Логика его развития: незнакомый-непонятный-неприятный-отторгаемый. Здесь достаточно незнакомому и анонимному стать знакомым, названным и понятым, как повседневный этнический этнический во многом преодолевается, «снимается», поэтому практически не опасен.

Вторая разновидность деконструктивного национализма — *политический или декларативный этнический*. Сфера его проявления — политическая, сфера правительства и избирателей, деклараций и лозунгов, митингов. Его субъект — политические элиты, формирующиеся на этнической основе, претендующие на то, чтобы выступать от имени этноса как примордиональной и сакральной общности. Его претензии связаны с территориальными, экономическими, правовыми притязаниями, основанными на признании этнической исключительности. В РФ политический или декларативный этнический этнический особенно проявляется в ряде субъектов РФ, которые были образованы по «национально-территориальному» принципу в период организации административно-территориального деления СССР и РСФСР, титулованные по наименованию одного из проживающих в них этносов, при чем, как правило, не самому многочисленному. Проблематичное административно-территориальное деление, доставшееся в наследство от сталинского режима, закрепленное в Конституции РФ 1993 года, и должно понятное право на суверенитет, провозглашенное в это же время («берите суверенитет, сколько хотите») привели к появлению во главе 12 субъектов РФ президентов, несоответствиям законодательства субъектов РФ федеральному законодательству, попыткам ввести «своё», дополнительное гражданство в надежде, что оно будет основным, дискриминации государственно-го языка РФ и проч. Политический этнический — действенное средство этнической мобилизации и простой способ конструирования образа этнического врага, которым могут быть как «федералы» вообще, так и другие этносы и их представители. Политический этнический неизбежно отождествляется с этнонационализмом, в отличие от последнего, политический этнический не претендует на создание самостоятельного государства или субъекта РФ на моноэтнической основе, понимая объективную невозможность такого рода преобразований. Главная цель — добиться привилегий и льгот для элиты титульного этноса во власть и экономических структурах. Социальная структура общества представляется в виде двух страт: привилегированной страты, состоящей из титульного этноса, и непривилегированной страты, в которую входит все остальное нетитульное население.

Третья разновидность деструктивного национализма — *теоретический или специализированный этнический*. Сфера его распространения — сфера теории, конкретных исследований по этносоциологии и этнополитологии, а также литературы. Его субъектом оказываются ученые-исследователи, литераторы, представители просвещенной общественности, претендующие на обладание истиной в последней инстанции по поводу «национального интереса» или знание «как обустроить Россию». Для теоретического или специализированного этнического характерны некоторые особенности.

Во-первых: идеологический примитивизм — основная идея, что любой «свой» лучше всякого «чужого», главное место занимает этническая принадлежность, но не качества личности («хоть плохонький, да свой»). Поэтому теоретический этнический этнический озабочен поисками этнической идентичности, и ее индикаторов начиная с языка, заканчивая генами и кровью.

Во-вторых, аксиологическая неопределенность, незаявленность системы ценностей, обирающаяся на самом деле антагонизмом, признанием превосходства того или иного этноса в зависимости от этнических симпатий теоретиков. Это не удивительно для обыденного сознания в постсоветской России, общества, пребывающего в состоянии аномии. И, как следствие этого, постановка провокационных вопросов обществу и респондентам, что со-

всем не безопасно, так как постановка вопросов не только отражает социальную реальность, но и конструирует ее. Например, Российский независимый институт социальных и национальных проблем в 1997 г. формулировал открытый вопрос: «К людям какой национальности россияне испытывают чувство наибольшей антипатии?» Есть исследования, изучающие степень распространения враждебности на приватную сферу: «вышли бы Вы замуж за еврея, а за чеченца, а за негра? А стали бы дружить с кем-нибудь из них? А смогли бы терпеть кого-нибудь из них в качестве соседей, а кого больше?».

Наиболее влиятельным теоретическим течением деструктивного этнического сегодня является неоевразийский национал-радикализм.

Под неоевразийским радикализмом мы имеем в виду идеино-политическое течение, доктрина которого представлена в работах его главного идеолога А. Дугина, в деятельности журнала «Элементы» и в стратегических разработках Центра Евразийских Геополитических Инициатив.

Идеино-теоретическая база неоевразийства представляет собой сложносоставной комплекс, который включает следующие основные компоненты:

- славянофильская парадигма русской идеи;
- система евразийских взглядов: geopolитическая концепция Евразии, концепция новой идеократии, теория демотии, антизападническая ориентация и др.;
- теория этногенеза и пассионарности Л. Гумилева;
- сменовеховский национал-большевизм, признающий заслуги большевизма в возрождении централизованного российского государства;
- национал-социалистические теории «консервативной революции», борьбы за мировое господство, Новой Империи;

Геополитическая теория Х. Дж. Маккиндер с ее основным постулатом: тот, кто контролирует Восточную Европу, доминирует над Хартлендом («сердцевиной земли», территорией, тождественной России); тот, кто доминирует над Хартлендом, доминирует над Мировым Островом (территорией, тождественной евразийскому континенту); тот, кто доминирует над Мировым Островом, доминирует над миром;

геополитические идеи европейских «новых правых» (А. де Бенуа, Ж. Тириар, Э. Шоппрад и др.) о противостоянии Европы и Запада, об «автаркии больших пространств», о «Федеральной Империи», объединяющей на основе общей континентальной судьбы европейские народы;

концепция мондиалистского заговора и «мирового правительства»;

этнонационалистическая теория государствообразующей природой русского народа; идеи антиглобализма и борьбы с либерализмом как «тоталитарной идеологией»;

концепция модернизации без вестернизации;

концепция «третьего пути» в политике и экономике;

апокалиптико-эсхатологическая идея последней решающей битвы с «основным врагом» — атлантизмом.

Идеология неоевразийства, тяготеющая в целом к праворадикальному идеиному комплексу, в тоже время предъявляет себя в качестве «третьей силы», стоящей «по ту сторону правого и левого». Неоевразийцы склонны идентифицировать себя с национал-большевизмом, под которым подразумевается попытка «снятия» противоречия между левыми и правыми на основе выработки общенациональной государственной идеи и глобального проекта «третьего пути».

Сегодня неоевразийцы во главе с Дугиным претендуют на то, чтобы их идеино-политическая доктрина стала официальной идеологией современной власти. На учредительном съезде общественно-политического движения «Евразия», говорилось о необходимости создания «радикального центра», объединившегося вокруг президента на евразийской идеологической основе¹. Фраза В.В. Путина «Россия — евразийская страна» внушила «новой русской правой» большие надежды на заключение прочного союза с Кремлем и на будущий идеологический монополизм. И надо признать что эти надежды не беспочвенны. В настоящее время евразийская лексика весьма популярна в левых, в правых и в центристских политических кругах. В этой связи следует обратить особое внимание на содержание и логику идеологического комплекса неоевразийского радикализма.

Центральным звеном идеино-политической доктрины неоевразийства выступает геополитическая концепция России, на основании которой выстраиваются все остальные программные задачи. Геополитическая концепция России представляется в качестве ядра Национальной Идеи России, проект которой имеет название «Наш Путь». Остановимся кратко на основных положениях данного проекта. Уже в преамбуле к проекту обозначен главный противник Национальной Идеи — Запад, который «гораздо более устраивает, чтобы Россия продолжала оставаться растерянной, сбитой с толку, конфликтующей сама с собой, противоречивой, ослабленной, демобилизованной, поглощенной изматывающей стихией самообслуживания и самоотрицания, и при этом покорной цивилизационной указке Запада, послушной, исполнительной, покорной»². В такой ситуации вопрос о Национальной Идеи обретает дополнительное значение — значение освобождения от западного диктата и борьбы против навязываемого Западом «нового мирового порядка».

Программа «Наш Путь» состоит из трех частей. Первая часть включает набор определений того, в чем состоит особость России как цивилизации. Основной категорией здесь выступает понятие «идентичность», рассматриваемое в самых различных аспектах — геополитическом, этническом, культурном, хозяйственном, государственном, социальном, политологическом, краткополитическом и др. Главное, что объединяет все виды идентичности, — евразийская идентичность России. «Во все исторические эпохи прослеживается общая линия — евразийская направленность, евразийская сущность русской истории». Поэтому «у России есть либо евразийское будущее, либо никакого». В этом, по мнению авторов проекта, состоит Русская Правда и геополитическая мудрость³.

Во второй части перечисляются главные угрозы для России в виде различных трендов, которые происходят из центральной опасности — атлантического проекта «нового мирового порядка». Образ грядущего мира, представленного атлантической моделью, расшифровывается через такие тренды — угрозы как атлантизм и американализм (монополярный мир), мондиализм (универсализация под эгидой Запада), дивергенция «богатого Севера» и «бедного Юга», виртуализация пространства, экономическая гомогенизация мира, глобализация либерал-демократического уклада, создание наднационального «мирового правительства», постмодернистское моделирование «общества зрелища».

Заключительная третья часть проекта посвящена Русскому Путю как глобальной альтернативе «новому мировому порядку». Данная альтернатива имеет еще одно название — «Евразийский Проект». Основными задачами на пути реализации данного проекта является: создание Евразийского федерализма; создание многополярного мира; создание патерналистской модели государства; установление режима «органической демократии» или демотии; установление принципа экономического плюрализма; сочетание «левой» экономики с ценностным консерватизмом и культурным традиционализмом или «третий путь».

Радикальный проект «третьего пути» исходит из национальной логики развития русского народа, основного вектора русского государства. Данная логика, по Дугину, носит континентально-экспансионистский характер. «Этот «экспансионизм», — пишет он, — составляет неотъемлемую часть исторического бытия русского народа и тесно сопряжен с качеством его цивилизационной миссии»⁴. А исторический вектор русского государственного строительства направлен в сторону Империи, а не «регионального государства» модель которого пытаются навязать России западные политики. Потеря России статуса империи или сверхдержавы означает, по Дугину, утрату русскими своей национальной идентичности, своей цивилизационной миссии. «Потеряв свою миссию, русские не смогут найти сил, чтобы достойно утвердить свою новую, «умаленную» идентичность в «региональном государстве», так как утверждение этой идентичности невозможно в состоянии этого аффекта, который логически возникает при утрате нацией имперского масштаба»⁵. Единственной формой достойного и естественного существования русского народа, формой, дающей возможность довести до конца его цивилизационную миссию, является новая Евразийская Империя, представляющая собой сверхгосударство. Путь к созданию Новой Империи — «Путь к геополитической революции»⁶.

Радикализм имперский у Дугина соединяется с радикализмом националистическим: «Для выживания русского народа в нынешних трудных условиях, для демографического взлета

русской нации, для улучшения ее тяжелейшего положения в этническом, биологическом и духовном смыслах необходимо обращение к самым радикальным формам русского национализма, без чего все технические или экономические меры остаются бессильными. Но этот национализм будет возможен лишь в органическом единстве с принципом геополитической континентальной Империи»⁷.

В Новой Империи русские, считает Дугин, будут занимать привилегированное положение, а все имперостроительство будет связано с русской идеей, эсхатологической и универсальной по своей природе.

Политический или декларативный и теоретический или специализированный этнисм как формы деструктивного национализма для постсоветской России представляют гораздо большую опасность, чем повседневный или обыкновенный этнисм. Эти разновидности опасны, так как распространены среди «ответственных» субъектов, тех, кто отвечает за вопросы, поставленные историей и современностью. Российский народ, обладающий патерналистским менталитетом, и в постсоветской России возлагает ответственность на власть- и знание преддерживающих. Проявления этих двух видов деструктивного национализма должны быть организованно ограничены с одной стороны, государством, с другой стороны, гражданским обществом. В противном случае остается только надежда на инстинкт самосохранения, мудрость и здравый смысл полиглантского населения, составляющего народ России.

¹ См.: Радышевский Д. Соблазн евразийства // Московские новости, 2001. 1—14 мая.

² Дугин А. Россия на грани тысячелетий (предварительные комментарии) // Наш Путь. Страгетические перспективы развития России в XXI веке. М., 1999. С. 5—6.

³ Наш Путь. Страгетические перспективы развития России в XXI веке. М., 1999. С. 12—14.

⁴ Там же. С. 191.

⁵ Там же. С. 200.

⁶ Там же. С. 211—212.

⁷ Там же. С. 259.

О.Ю. Малинова

ИДЕОЛОГИИ И ФОРМИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ: ОПЫТ 1990-Х ГГ

По-видимому, одной из сфер, где перемены последних пятнадцати лет наиболее заметны, является общественное сознание: сегодняшнее общество, в котором свободно циркулируют идеи самых разных направлений, существенно отличается от СССР, в котором усилия «строителей коммунизма» направлялись одной «единственно верной» идеологией, внедрявшейся усилиями огромного партийно-государственного аппарата. Вместе с тем, развитие политико-коммуникативных процессов в постсоветской России в значительной степени несет на себе отпечаток прежнего опыта. Движение к плюрализму происходит сложно и болезненно. Наблюдается одновременно и «недопроизводство», и «перепроизводство» идей: с одной стороны, в российской политике ощущается явный недостаток внятно артикулированных альтернатив, с другой, — наличие факторов, приверженных крайне конфронтационным доктринам, лишь усиливает фрагментацию общества. Периодически возникающий заказ на разработку «национальной идеи» или «интегративной идеологии» — это своеобразный симптом того, что присутствующие на российском «рынке» «системы идей» не в полной мереправляются со своими функциями.

По-видимому, идеологии¹ действительно выполняют ряд важных функций в политике Современного типа. Во-первых, они служат средством ориентации в сложной социальной реальности в ситуациях, когда отсутствует единственная система смыслов (возможная в традиционном обществе). Обеспечивая своим сторонникам некий способ интерпретации действительности, идеология делает ситуацию «определенной». Во-вторых, идеологии выступают фактором интеграции коллективных политических субъектов и создают условия для участия в политике широких социальных слоев: системы «разделяемых смысловых значений», с одной стороны, обеспечивают солидарность групп, с другой — задают критерии для оценки действий соответствующих элит. В-третьих, идеологии выступают средством легитимации и

деполитизации наличных форм власти. В первом случае они обеспечивают символический характер принуждения, а во втором — являются средством критики и преобразования властных отношений. В-четвертых, идеологии опосредуют политические коммуникации и способствуют институционализации общественных конфликтов, предлагая решения проблем на основе утвержденных схем. В конечном счете, взаимодействие разных идеологий создает тот «стереоэффект», который позволяет комплексно выявлять проблемы сложносоставного общества и двигаться к их решению. Наконец, в-пятых, помогая индивидам осмысливать социальную действительность и видеть «перспективу», идеологии выступают в качестве своеобразного средства адаптации к суровой реальности.

Впрочем, то обстоятельство, что идеологии сыграли существенную роль в процессе становления общества современного типа, не означает, что они и в дальнейшем сохранят эти функции (по крайней мере в прежнем виде и объеме). Не случайно тезис о «конце идеологии» периодически воспроизводится зарубежными, а теперь и отечественными политологами. По-видимому, в конце XX в. в коммуникативной сфере политики действительно произошли существенные перемены, связанные, с одной стороны, с изменением социальной структуры общества и мотивов политического участия, с другой — с появлением новых технических возможностей. Все это ведет к трансформации функций идеологий, что, собственно, и дает основания некоторым исследователям говорить об «исторической маргинализации» последних. Вместе с тем, пока этот процесс имеет вид тенденции, и говорить о «вытеснении идеологии на историческую периферию» как о свершившемся факте преждевременно — даже применительно к западным обществам.

В России то, что С.Н.Пшизова назвала «политическим рынком»², действительно складывается чрезвычайно быстро, и в силу отсутствия институтов и практик, которые могли бы смягчить переход к новым формам политических коммуникаций, приобретает резкие и даже циничные черты. Вместе с тем, наше общество еще не решило в полной мере задачи модернизации, поэтому развитие идеологических способов политической коммуникации для нее вполне «стадиально» естественно, а их «преждевременное» вытеснение может привести к негативным последствиям. Едва ли можно ожидать, что Россия в XXI веке полностью повторит западный опыт выстраивания идеологических дискурсов, — этот опыт был связан с иными типами социальной структуры общества и иными коммуникационными возможностями. Однако это не снимает необходимости в отчетливой артикуляции возможных альтернатив общественного развития и публичном обсуждении стоящих за ними целей и ценностей. Это важно и для закрепления демократических способов взаимодействия граждан и власти, и для рационализации общественных конфликтов, пока протекающих в скрытой форме, и даже в целях социальной терапии. Таким образом, формирование полноценных идеологий, способных справляться с очерченными выше основными функциями и играть серьезную роль в политико-коммуникационных процессах, представляется существенным элементом демократического транзита.

По-видимому, в обществе, отягощенном семидесятилетним опытом индоктринации в духе официальной идеологии и насилия по отношению к инакомыслящим, решение этой задачи должно было столкнуться с серьезными трудностями. Идеологический тип политической коммуникации принципиально полифоничен: идеологии формируются и функционируют в постоянном взаимодействии и взаимовлиянии. Ситуация абсолютного и насильственного доминирования одной «системы смыслов» не может не вести к деформации коммуникативных механизмов. (Безусловно, официальная советская идеология имела оппонентов; однако эти оппоненты в основном находились за пределами «железного занавеса». Советская «контрпропаганда» носила преимущественно доктринальный, а не диалогический характер). В СССР существовал мощный и хорошо структурированный «идеологический аппарат», задачей которого была «обработка» общественного сознания в духе официально утвержденных истин — и в отсутствии реальных альтернатив. Такие альтернативы появились с либерализацией информационного режима в период «глласности» в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Одним из первых завоеваний горбачевской перестройки было утвержденное в общественном сознании убеждение в важности и ценности свободы мнений и свободы слова. Рост спроса КПСС и принятием в 1993 г. новой Конституции, 13-я статья которой утверждала принцип «идеологического много-

образия» и устанавливала запрет на провозглашение какой-либо идеологии «в качестве государственной или обязательной» закрепили создание условий для политического плюрализма. Прежние формы «идеологической работы» оказались свернуты.

Вместе с тем, нормативное «разрешение» было необходимым, но не достаточным условием для демократического плюрализма идей. Развитие идеологии в России столкнулось с серьезными проблемами, с одной стороны, институционального, с другой — содержательного характера. Практика коммуникаций данного типа предполагает наличие нескольких уровней, отличающихся по содержанию и формам активности. Каждый из этих уровней играет свою роль в производстве, распространении и трансформации идеологии. В известном смысле, можно сказать, что идеология существует именно как способ коммуникации между интеллектуальными и политическими элитами, с одной стороны, и между представителями этих элит и носителями соответствующих интересов в обществе — с другой. В России развитие традиций политической философии (за исключением марксизма, да и то в ортодоксальном варианте) оказалось прервано. В силу ряда причин, субъективных и объективных, этот раздел политической науки развивается крайне медленно, и пока рано говорить о существовании сложившегося профессионального сообщества в этой области.

Следствием неразвитости политической философии является то, что цели и ценности, составляющие основу той или иной политики, сами по себе практически не являются предметом обсуждения — и это в обществе, отличающемся фрагментарностью политических ориентаций, где разные группы радикально по-разному видят желательные перспективы общественного развития. Разумеется, рассуждая о неразвитости «верхних» уровней идеологии в России, не следует делать широких обобщений: теоретический дискурс разных частей политического спектра отличается разной степенью полноты и интенсивности. По-видимому, в этом смысле у «левой оппозиции» дело обстоит несколько лучше, чем у «центристов» и «правых», полагающихся на ценности, формально признанные государством и как бы не нуждающиеся в оправдании. Национально-патриотический дискурс сосредоточен в определенной группе изданий, имеющих своих читателей — и в этом отношении он также более дискретен. Вместе с тем, в значительных сегментах (либерализм, социал-демократия) теоретический «сурвей» либо отсутствует, либо размыт. То, что пишется на теоретическом и философско-публицистическом уровне, чаще всего имеет вид экспертного мнения — хотя нередко в сущности является «идеологическим продуктом». Таким образом, чуть ли не главным субъектом «идеологического творчества» и, безусловно, основным индикатором идеологических позиций в России оказываются политические партии. Вместе с тем, обстоятельства «бытия» партий в России не слишком стимулируют их творчество в программно-идеологической сфере.³

Развитие политических идеологий в России столкнулось также с трудностями содержательного характера. В западных обществах в ходе модернизации сложились определенные комплексы идей, каждый из которых имел свое функциональное назначение — либерализм, консерватизм и социализм (иногда этот ряд дополняют еще и национализм). Вместе с тем, вопреки представлениям, которые иногда высказывают отечественные «идеологии», ни одну из этих систем нельзя рассматривать как нечто целостное, внутренне связное, имеющее имманентную логику развития. Скорее, можно говорить о неких «семействах» идей, связанных не столько логической последовательностью, сколько стечением исторических обстоятельств. Перед российскими идеологами стоит в высшей степени творческая задача адаптации идей, сформировавшихся в других условиях и в контексте других проблем, к нынешней ситуации. Решение этой задачи отчасти происходит в направлении формирования «наших собственных» вариантов традиционных «измен». И в этом, по-видимому, есть определенный смысл: сложившиеся идеиные комплексы отражали некоторые закономерности констелляции обстоятельств в процессе модернизации. В той мере, в какой возникающие проблемы имеют между собой нечто общее, уместны и поиски ответов на эти проблемы в русле сложившихся идеологических направлений. Кроме того, привлекательна сама возможность опереться на «преспективальную» политическую традицию. Вместе с тем, представляется, что вполне оправданы и поиски «на перекрестье» идеологий, связанные со стремлением сочетать элементы разных идеиных систем (по этому пути движутся идеологи некоторых партий и движений).

Объем настоящего текста не позволяет анализировать результаты усилий идеологов российских «измов» и трудности, с которыми им приходится сталкиваться (они, безусловно, различны для разных частей спектра). Однако вряд ли будет ошибкой утверждать, что, несмотря на явное изобилие идеологий, в последнее десятилетие наблюдается столь же явный недостаток идей, способных «работать», придавая действительности смысл, очерчивая четкие перспективы. Представляется, что это — результат не только описанных выше сложностей, связанных с проблемой адекватных «переводов» принципов, накопленных в рамках традиционных для процесса модернизации идеологий, на «современный русский». Это еще и результат того, что каналы коммуникации по поводу политических целей и стоящих за ними ценностей формируются трудно и медленно. Данный процесс осложняется и институциональными (неразвитость гражданского общества), и техническими трудностями (доминирование электронных СМИ, больше тяготеющих к «имиджам», нежели «идеям»; относительная малодоступность прессы широким слоям населения; малотиражность изданий в совокупности с плохой укомплектованностью публичных библиотек). В результате, генерируемые идеи чаще всего не выходят за пределы узкого круга единомышленников (вероятно, этому отчасти способствует и традиционное интеллигентское сектантство).

Потребность общества в идеологии (идеологии?), способных интегрировать массы россиян в некую целостность ощущается многими. Очевидно, именно эта потребность лежала в основе призыва к формированию «национальной идеи» весной 1996 г., встретившего активный отклик в рядах интеллигентской и политической элиты. В последующие два-три года проводилось множество конференций и круглых столов, выпускались книги и статьи, посвященные поискам новой российской идеологии. Побочным продуктом поисков «национальной идеи» стала достаточно оживленная дискуссия о «национальных интересах» России, которая выявила, с одной стороны, большие разнотечения в интерпретации таких понятий как «нация» и «национальные интересы», с другой — кардинальные различия в подходах к определению содержания последних, что в очередной раз указывает на проблему фрагментации общественного сознания⁴. В конечном итоге, дискуссия о «национальной идеи» не привела к формированию таковой: уровень разногласий в обществе пока еще слишком велик, чтобы призывы к выработке интегративной системы ценностей могли воплотиться в искомый результат. Тем не менее, путь к этому результату ведет через диалог и открытую артикуляцию и обсуждение ценностно значимых альтернатив — и в этом смысле дискуссия не была совсем безрезультатной.

По-видимому, формирование идеологий, способных придать смысл современной российской действительности, способных взаимодействовать на основе некой суммы коммуникативных «правил поведения» — одна из важнейших задач не столько государства, сколько гражданского общества. Очевидно, что задача «идеологического строительства» требует целенаправленных усилий политической и интеллигентской элит. С одной стороны, необходимо более четкое разделение функций идеолога иченого (не в ущерб первым, но во благо тем и другим). Их недостаточная дифференцированность — результат как «наследия» прошлого профессионального опыта старшего и среднего поколений российских политологов (ведь большинство из нас начинало профессиональную деятельность в те времена, когда общественная наука объявлялась партийной в вульгарном смысле этого слова), так и недостаточной зрелости молодой еще политической науки в России, недостатка методологической рефлексии. Идеологии действительно свойственно опираться на науку; но одно дело — аргументировать определенными фактологическими выкладками ту или иную ценностно окрашенную перспективу, а другое — стремиться по возможности объективно понять суть происходящих процессов и явлений. С другой стороны, наплицо проблема развития институциональной сферы политических коммуникаций (в том числе, межуровневого взаимодействия внутри идеологий и диалога между ними). По-видимому, в качестве главных инициаторов и центров этого процесса следует рассматривать политические партии (в какой мере они готовы к этой миссии — вопрос отдельный). В настоящее время общество не проявляет особого интереса к социальным теориям и политическим дискуссиям; однако партикуляризация массового сознания, как правило, имеет циклический характер, и широкий «спрос» на идеологии еще, возможно, появится. На фоне такого интереса процесс формирования конкурирующих и взаимо-

действующих «систем смысловых значений», возможно, окажется более успешным; однако предпосылкой к этому должно стать осмысление опыта последнего десятилетия.

¹ Необходимо пояснить, что мы используем термин «идеология» для обозначения специфической формы организации идеальной сферы политики, присущей современному обществу. Такую интерпретацию разделяли многие из тех, кто участвовал в разработке данного концепта; она хорошо суммирована в недавней статье А.И.Соловьева (Соловьев А.И. Политическая идеология: логика исторической эволюции. — Полис. 2001. № 2. С. 5—23).

² Пшикова С.Н. Демократия и политический рынок в сравнительной перспективе. — Полис. 2000.

№ 2. 3.

³ См. Малинова О.Ю. Партийные идеологии в России: атрибут или антураж?. — Полис. 2001. № 5. С. 97—106.

⁴ Обзор дискуссии см.: Межуев Б.В. Понятие «национальный интерес» в российской общественно-политической мысли. — Полис. 1997. № 1; Федякин А.В. Современные общественно-политические дискуссии о национальных интересах России. — Вестник Московского университета. Сер. 12. 2001. № 1.

В.П. Любин

ТРУДНОЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ.

1980-1990-Е ГОДЫ: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СДПР

Российская социал-демократия насчитывает более ста лет истории (первый ее съезд прошел в 1898 г.). С 1903 г. она оказалось расколотой на два течения: меньшевиков и большевиков, последние из которых, захватив власть в 1917 г., преобразовались затем в Коммунистическую партию и создали в 1919 г. новый Коммунистический Интернационал, отрывавшийся от мировой социал-демократии. Последовали три четверти века ожесточенного соперничества между «большевиками» — коммунистами и «меньшевиками» — социал-демократами теперь уже не на российском, но на мировом уровне, представлявшими, соответственно, «революционный» и «реформистский» подходы в преобразовании общества.

Цель доклада — проанализировать попытку восстановления социал-демократии в России в конце XX века, предпринятуя новой политической партией — СДПР — с позиций отстраненного исследователя и одновременно участника рассматриваемых событий, которому нередко приходилось выступать в роли эксперта, знакомившего начинающих отечественных политиков с опытом мировой социал-демократии. Вследствие заданных рамок доклада приходится сосредоточиться лишь на деятельности СДПР и оставить за его пределами анализ деятельности множества других, возникавших в 90-е годы, малоуспешных партий и объединений¹, претендовавших на место в социал-демократической политической нише, остающейся в современной России по-настоящему еще не занятой.

В результате событий конца 80-х — начала 90-х годов, инициированных начатой в СССР «перестройкой», правившие в странах Центральной и Восточной Европы коммунистические партии потеряли власть. Многие из них в ходе трансформации бывших социалистических стран преобразовались в партии социал-демократического толка и в этом своем новом качестве нередко приходили к власти, другие же, как, например, КПРФ, остаются в оппозиции, продолжая отстаивать идеи большевизма. В 1980—1990-е гг. левый лагерь политических сил целого ряда стран возглавили социал-демократы; Социалистический Интернационал пополнился новыми членами — партиями, имевшими коммунистическое прошлое². Тем самым «исторический» раскол и конфликт левых сил, бывший в XX веке одним из важнейших факторов как национальной, так и международной политики, оказался, хотя и не в полной мере, преодоленным, или же потерявшим прежнюю остроту.

Ситуация в России в этом плане отличается своеобразием. Все начавшиеся еще на рубеже 80-х — 90-х годов попытки возродить социал-демократию, создать сильную партию, в определенной мере опирающуюся на меньшевистские традиции российского социал-демократического движения, до сих пор не привели к появлению конкурентоспособной политической силы, поддерживаемой широкими социальными слоями. Значительный перевес на левом фланге политического спектра остается за КПРФ, в отличие от многих бывших европ-

пейских коммунистов не предпринимающей шагов в направлении социал-демократизации. Последней по времени попыткой образовать в России боеспособную политическую силу социал-демократического направления является учреждение 24 ноября 2001 г. новой Социал-демократической партии России (СДПР) во главе с бывшим Генеральным секретарем КПСС М.С. Горбачевым и губернатором Самарской области К.А. Титовым³. Пока эта партия, объединившая разрозненные группировки, провозглашающие себя социал-демократами, не представляет собой заметной величины, оставаясь на периферии политической жизни.

Все еще не законченный тернистый путь восстановления в стране социал-демократии в качестве силы, с которой нельзя не считаться, начался во второй половине 80-х годов вместе с «перестройкой». Намерения того же М.С. Горбачева плавно перевести на социал-демократические рельсы машины КПСС из-за двойственности и непоследовательности политики реформаторов закончились неудачей, а распуск КПСС повлек за собой развал Советского Союза. Возникшие с позволения властей в период «перестройки» разного рода политические клубы и объединения в самом конце 80-х годов стали объявлять себя политическими партиями, стремившимися получить правовой статус. Были среди них и социал-демократы.

С момента зарождения этого процесса в СССР в нем возобладала тенденция создания альтернативных КПСС партий и объединений не на общесоюзной, а на национально-республиканской основе. Не избежали этого и те, кто декларировал свою приверженность социал-демократическим идеям. В ходе работы в июле 1989 г. в Таллинне «социал-демократической школы» было решено создать общесоюзную Социал-демократическую Ассоциацию (СДА). Ее учредительный съезд, собравший 130 делегатов из 70 организаций, состоялся в том же городе 13—14 января 1990 г. Его гостями были 10 народных депутатов СССР, 20 представителей зарубежных социал-демократических партий. Несмотря на то, что съездом был принят ряд документов, направленных на координацию усилий, таких как Декларация принципов и Устав СДА, были образованы 6 постоянных комиссий и сделаны программные заявления о необходимости организованной оппозиции «политике доживающей свой век неправоспособного режима», все это так и не вылилось в заметные практические шаги на общесоюзном уровне. Как бы предваряя дальнейшие события, социал-демократические организации, становившиеся партиями, все больше расходились по своим «национальным квартирам». Процесс восстановления таких партий наиболее динамично развивался в республиках Прибалтики: Эстонии, Латвии, Литве, которые приняли декларации о независимости. Социал-демократические партии начали возникать и восстанавливаться и в других республиках: Украине, Грузии, Казахстане и т.д.⁴.

В самой крупной республике Советского Союза — РСФСР социал-демократическая партия провела свой учредительный съезд 4—6 мая 1990 г. На нем присутствовали 237 делегатов от 104 организаций, возникших после начала «перестройки» в Москве, Ленинграде, Перми, Самаре, Петрозаводске и других городах. К лидерам этой первой волны восстановления социал-демократии в России относились О.Румянцев, А.Болтянский, А.Оболенский, П.Кудюкин и ряд других активистов движения. На съезде были приняты «декларация принципов», «манифест» об учреждении партии под названием Социал-демократическая партия Российской Федерации (сокращенно: СДПР), устав партии, избрано ее руководство. Согласно уставу, СДПР считала себя «составной частью всесоюзного и мирового социал-демократического движения и преемником традиций российской социал-демократии». Соответственно этому и выстраивалась ее политическая линия. В мае 1990 г. СДПР одной из самых первых, альтернативных КПСС партий, была зарегистрирована Министерством юстиции. На прошедшем в Свердловске 25—28 октября 1990 г. II съезде был одобрен временный вариант, а на III-м съезде (1—2 мая 1991 г.) в Ленинграде, наконец, утверждена Программа СДПР (заметный вклад в ее разработку внес председатель программно-политической комиссии партии С.А.Марков)⁵. Большим подспорьем в подготовке программных документов были наработки Сектора по изучению социал-демократии ИНИОН АН СССР, возглавлявшегося Б.С.Орловым (он непосредственно участвовал в подготовке Программы и на III-м съезде вместе с О.Румянцевым и Л.Волковым вошел в триумвират руководства)⁶. Партия выступала за всестороннее реформирование страны, переход России к социальной рыночной экономике на основе нравственных цен-

ностей международной социал-демократии: свобода, справедливость, солидарность. Она осуждала советский социализм, называя его «тоталитарным режимом, где власть принадлежала бирократии»⁷. Эмблемой партии стала общее социал-демократическая «роза в кулаке» (перенята потом СДПР (объединенной), руководимой М.С.Горбачевым).

Наивысшей точкой популярности партии и ее лидеров оказался временный период, связанный с успешным противодействием путчу 19—21 августа, когда СДПР оказалась среди победивших антикоммунистических сил, и сразу после него, когда ее члены вошли в ряд руководящих государственных структур. Наилучше ощущаемой эйфории успеха была на очередном IV съезде СДПР, прошедшем 7—10 мая 1992 г. в подмосковных Люберцах (на последующих съездах 90-х годов настроения членов и сторонников партии становились все более пессимистичными). Весной 1992 г. в партии насчитывалось 5—6 тысяч членов, объединенных в 110 территориальных организациях — от Петрозаводска до Нахodka. Она поддерживала контакты с Соцпрофом, профсоюзами горняков, летчиков, авиа-диспетчеров. Издавалась партийная пресса, брошюры с разъяснением позиций СДПР. Получив некоторое признание и на международном уровне, социал-демократы попытались войти в Социнтерн, в чем им, однако, как впоследствии и другим российским претендентам, было отказано.

Еще до того, как некоторые ее представители сумели войти в структуры центральной и местной власти, СДПР, с первых своих съездов начала дробиться на соперничавшие фракции: сначала это были «правые» («социальные демократы») и «левые» («демократические социалисты»). Затем, на протяжении всего периода 90-х годов, фрагментация усиливалась, в чем немалую роль играли такие объективные факторы, как прогрессировавшая потеря политического влияния, в немалой степени обусловленная почти нулевым финансированием деятельности партийных структур и отсутствием материальных резервов для выборных кампаний партийных кандидатов. Партия так и не сумела стать массовой, оставшись своего рода интеллигентским клубом⁸. Часть активистов партии примкнула накануне парламентских выборов 1993 г. к политическому объединению «Яблоко» (до сих пор так и не определившемуся со своими приоритетами: либерализм или социал-демократия), войдя во власть через его организации в центре и на местах.

Наблюдавшаяся уже с середины 90-х годов деградация СДПР как боеспособной политической силы привела в их конце к фактическому развалу партии. Ее называли «партией нереализованных возможностей»⁹. Немалую роль здесь сыграл и субъективный фактор: обострившиеся конфликты в руководстве, например, между «государственным» Румянцевым и сторонником интернациональных социал-демократических подходов Орловым, между этими двумя и Оболенским, другими, не менее амбициозными политикаами, пытавшимися использовать СДПР в карьерных целях в качестве трамплина для входления во властные структуры. Поначалу с представителями СДПР считались, а один из ее лидеров О.Румянцева получил даже замечательный пост секретаря Конституционной Комиссии и в период подготовки новой Конституции часто встречался с главой Комиссии Президентом РФ Б.Н.Ельциным, заявлявшим о своих симпатиях к социал-демократическим идеям. С насильственным распуском Верховного Совета РФ во главе с Р.Хасбулатовым, в числе сторонников которого оказался и О.Румянцев, партия потеряла яркого, молодого лидера, сумевшего проявить себя во властных структурах. В середине и конце 90-х годов СДПР, оттертой более мощными конкурентами на обочину политической жизни, так и не удалось закрепиться в российской политике.

Ее почти 12-летняя история закончилась 20 октября 2001 г., когда состоявшийся в подмосковном поселке «Московский» съезд принял решение о самороспуске партии (хотя часть партии во главе с Оболенским решила, что СДПР должна остаться самостоятельной) с тем, чтобы ее члены смогли вливаться в новую партию во главе с Горбачевым. (Кстати, в том же здании 11 марта 2000 г. проходил учредительный съезд Объединенной социал-демократической партии, которую согласился возглавить М.С.Горбачев, тогда в нее вошла и часть СДПР). В этом объединении социал-демократы видят свой шанс сохраниться и обрести вес в политической жизни. Основным просчетом прежней СДПР оказался тот, что подражание западной социал-демократии, имеющей твердую опору в рабочем классе и

занимающих значительное социальное пространство средних слоях, было совершенно бесмысленным в социально неструктурированной новой России, отягощенной обнищанием в ходе реформ большинства ее населения, а также отсутствием тех средних слоев, которые голосуют за социал-демократов в странах развитого капитализма.

Итак, созданная в конце «перестройки» СДПР, внеся посильный вклад в процесс восстановления социал-демократии в России, демократизации и реформирования страны в новых исторических условиях, ушла с политической арены. Многие социал-демократы первой волны, прошедшие вместе со своей партией сложный политический путь — от поддержки антигорбачевской, антикоммунистической либеральной линии сторонников курса Ельцина с конца 80-х годов до середины 90-х годов, затем оппозиции ельцинскому режиму, — вошли в созданную Горбачевым новую партию в надежде, что именно ей удастся осуществить поставленные ими когда-то цели и сделать социал-демократию ведущей социально-политической силой России XXI века.

Сведения об авторе:

Любин Валерий Петрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН, г.Москва. E-mail: Ljubin@inion.ru

¹ См.: Ljubin V.P. Die russländischen kommunistischen und sozialdemokratischen Parteien. — Köln, 1996.

² Становление многопартийности в Восточной Европе в 1990-е годы. — М., 1996.

³ Социал-демократ. Специальный выпуск. — М., 2002. — № 1 (9).

⁴ Подробнее об этом см.: V.P.Ljubin. Sozialdemokratische Parteien in den Nachfolgestaaten der Sowjetunion. — Köln, 1992.

⁵ Социал-демократическая партия Российской Федерации. Краткий справочник — М.; Петрозаводск, 1991.

⁶ Orlow B.S. Die Sozialdemokratische Partei der Russischen Föderation: Interessen, Wertvorstellungen, Leitlinien. — Köln, 1993.

⁷ Чего хотят российские социал-демократы: Сто вопросов и сто ответов. — М., 1992.

⁸ Перспективы социальной демократии в России — М., 1994.

⁹ Европейская социал-демократия накануне XXI столетия. — М., 1998.

Catherine J. Danks

MOBILISED MOTHERS: FROM MOTHERHOOD TO POLITICAL ACTIVISM

Western analyses of the role of women typically focus on the traditional relegation of women to the «private sphere» of the home, motherhood and family. The private sphere is contrasted with the predominantly male-dominated public sphere of political life and economic activity. Histories have recorded women's struggles to be included in the public sphere, particularly women's suffrage campaigns and struggles to participate in political and social activities. The supposed association of the private sphere with female characteristics and the public sphere with masculine characteristics is said to have frustrated women's ability to participate in the public sphere. However, there are an increasing number of women's organisations that have used and subverted traditional images of women and motherhood to break down the supposed divide between the public and private spheres. One of the most famous such organisations is *Las Madres de la Plaza de Mayo* who have exploited the Catholic imagery of the «good mother» to challenge the Argentinean state. Other such organisations include the Mothers of the Disappeared in Turkey, Algeria and El Salvador and the Mothers of Tiananmen Square in China. Such women's organisations organise and protest around their role as mothers and defenders of their families, and in doing so open a political «space» for women in the public, political sphere. Mothers are assumed to be non-political and so motherhood enables these organisations to conceal the political nature of their activities. This paper will examine the role of motherhood in the political mobilisation of women, the inclusion of women in the public, political sphere and in women's growing activism. It will focus on two case studies: the Miners' Wives Groups active in the UK during the miners' strikes in the 1980s and the Committees of Soldiers' Mothers in contemporary Russia.

Е.А. Видякина

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЕТВЕЙ ВЛАСТИ РФ И ЛИКВИДАЦИЯ СИСТЕМЫ СОВЕТОВ В СЕНТЯБРЕ-ОКТЯБРЕ 1993 ГОДА

События, развернувшиеся в России в сентябре-октябре 1993 года, являются одним из переломных моментов современной русской истории. Завершилось противостояние законодательной и исполнительной ветвей власти, был изменен существующий государственный строй, окончательно перестала существовать система Советов.

Конфликт исполнительной и законодательной ветвей власти не сложился в одночасье. Истоки его следует искать в событиях, последовавших в РФ после разрушения Советского Союза. До этого в высших эшелонах российской власти наблюдалось относительное единство. Избранный на альтернативной основе весной 1990 года депутатский корпус был настроен оппозиционно по отношению к Союзному Центру. Принятие на I Съезде народных Российской Федерации 12 июня 1990 года «Декларации о государственном суверенитете» и начало разработки новой Конституции РФ — неоспоримое тому подтверждение. «Война законов», разгоревшаяся в 1990 году между РСФСР и СССР, подрывала устои государственности Советского Союза и служила одним из важнейших факторов в процессе разрушения СССР. Согласие депутатов на введение поста президента в России было обусловлено, прежде всего, желанием достигнуть «независимости» РСФСР от СССР. Первым российским президентом стал Б.Н. Ельцин — прежде Председатель Верховного Совета РФ, признанный лидер, возглавивший борьбу с союзным «Центром». Следует, правда, отметить, что далеко не все народные депутаты разделяли взгляды Б.Н. Ельцина. Так, в «заявлении шести» — политическом заявлении шести народных депутатов РСФСР, сделанном на заседании ВС РСФСР 21 февраля 1991 говорилось: «В прогрессивной поначалу деятельности Б.Н. Ельцина все явственные стали проступать авторитарность, стремление единолично решать вопросы внутренней и внешней политики, пренебрежение законом и мнением конституционных органов. Обещая способствовать единению общества, он привел в Парламент, и республику к ожесточенному противостоянию политических сил».¹ Зимой 1991 года это заявление было негативно воспринято большинством депутатов и общественностью, но позднее, по мере обретения Президентом все больших полномочий, это мнение стало широко распространенным.

События августа 1991 года и последующий за ними стремительный распад СССР поставил РСФСР в новые условия. Теперь система российской власти оказалась независимой от каких-либо вышестоящих органов власти. И именно к этому времени начинается первое серьезное размежевание Съезда народных депутатов РФ, Верховного Совета РФ с одной стороны, и Президента и подданных ему структур — с другой. Политики, близкие к Президенту уже не скрывали намерений исполнительной власти в отношении Советов. В октябре 1991 года в интервью газете «Аргументы и факты», Г. Бурбулис, занимавший тогда пост Госсекретаря РСФСР, заявил: «В свое время мы востребовали президентство как форму правления, обеспечивающую полноценную государственность как форму управления Россией... Так давайте доведем до логического завершения этот замысел и давайте наберемся мужества и скажем, что нынешние Советы, созданные в свое время, могут стать серьезным тормозом этих самых радикальных реформ, поскольку и состав их, и предназначение, и способ организации работы во многом не являются оптимальными и эффективными».²

Несмотря на подобную позицию исполнительной власти, V Съезд народных депутатов РФ предоставил Президенту чрезвычайные полномочия, позволявшие ему, в том числе, издавать указы, имеющие силу законов. Президент по своему усмотрению сформировал Правительство, которое с 1992 года начало проводить в России радикальные реформы. Уже первые итоги этих реформ заставили депутатов задуматься над необходимостью «шоковой терапии» в России. Стремясь сохранить стратегически важные для государства предприятия, ВС РФ начал издавать постановления, чтобы выдавать им кредиты. VI Съезд народных депутатов (апрель 1992 г.) выразил недоверие деятельности правительства и была предложена альтернативная экономическая программа. Тогда, после длительных дискуссий с президентом, депутаты все же пошли на компромисс, согласившись оставить команду Гайдара у власти, но при условии введения в правительство представителей парламента. На VII

Съезде, прошедшем в декабре 1992 года, когда провал «шоковой терапии» стал уже очевидным, правительство Е.Гайдара было отправлено в отставку. Тогда же были предприняты попытки ограничить полномочия президента, так как и он не оправдал доверия, оказанного ему депутатами на V Съезде. И снова был достигнут компромисс. Поправки к Конституции, ограничивавшие полномочия президента, не вводились в действие, формировалось новое правительство, главой которого становился В.Черномырдин. Депутаты рассчитывали, что он не будет продолжать губительного для российской экономики курса реформ, повлекшего обнищание значительной части населения и сосредоточение крупных капиталов в руках отдельных лиц, в. т. ч., и у коррумпированных чиновников. Когда стало понятно, что реформа продолжается, пусть меньшими темпами, а президент откровенно стремится избавиться от опеки представительной власти, депутаты сочли достигнутый компромисс утратившим силу, и на VIII Съезде ввели в действие статьи, ограничившие власть президента.

В ответ на это 20 марта 1993 года президент предпринял попытку государственного переворота, которую называют генеральной репетицией действий, проведенных им осенью 1993 года. Был издан указ «Об особом порядке управления страной». Этот указ фактически приостанавливал работу законодательной ветви власти. Выступление против Указа председателя Конституционного Суда В.Зорькина, Секретаря Совета безопасности Ю.Сокова и Вице-президента А.Руцкого неприятно поразило Б.Н. Ельцина. Попытка переворота была провалена. На IX (чрезвычайном) Съезде народных депутатов РФ не удалось произвести импичмент президенту. На референдуме 25 апреля 1993 года большинство населения, несмотря на катастрофическое падение уровня жизни, оказалось доверие экономической политике президента, но, в то же время, высказалось за компромиссное решение политического противостояния ветвей российской власти, не одобряя проведение досрочных выборов ни президента, ни депутатов. Президент посчитал итоги референдума очень положительными для себя и продолжал вести линию на игнорирование и упразднение законодательной власти в существовавшем тогда ее виде.

Говоря о причинах противостояния ветвей российской власти, нельзя обойти вниманием вопрос о работе над новой Конституцией РФ. Её разработку начала еще в 1990 году Конституционная Комиссия (КК) при ВС РФ, возглавляемая Б.Н.Ельциным. Проект, подготовленный КК, предусматривал новую форму государственной власти РФ, с сильным президентом и сильным парламентом, с сохранением, хотя и в несколько измененном виде, системы Советов. Съезд народных депутатов, согласно проекту, переставал существовать в качестве законодательного органа. Проект КК был одобрен на VI Съезде народных депутатов РФ, президент также не высказывался против его принятия. Однако весной 1993 года, спустя несколько дней после референдума, в СМИ появился его собственный, президентский проект, во многом даже текстуально повторявший проект КК, но с совершенно измененным разделом о системе государственной власти. Полномочия президента в нем были столь гипертрофированы, что многие публицисты и исследователи склонны были сравнивать их с полномочиями конституционного монарха. Президент обосновал появление проекта наличием конституционного кризиса в России и необходимостью принятия новой Конституции. Такое обоснование выглядело тем более странно, что, внеся на рассмотрение свой собственный проект, Б.Н.Ельцин тем самым отказывался от ранее одобренного им же проекта КК, главой которой он по-прежнему продолжал оставаться. Следует также отметить, что принципиальные изменения, которые урезали бы полномочия Президента, в проект не вводились, что подтверждается анализом вариантов проекта, появившихся за время работы КК.³

Президентом было также образовано специальное Конституционное Совещание, которое должно было обсуждать президентский проект Конституции. Б.Н.Ельцин рассчитывал, что в результате работы этого органа (большинство в нем составляли его сторонники), удастся подготовить проект, который можно было бы принять на всенародном референдуме, исключив, таким образом, его обсуждение Съездом народных депутатов, как это предполагалось вначале. Но очень скоро выяснилось, что на местах, в качестве альтернативных проектов, обсуждаются и вариант Президента, и разработка КК. В таких условиях ситуация не была определенной, возникала вероятность того, что субъекты федерации могут одобрить проект Конституционной комиссии. Подготовка в ВС РФ еще ряда поправок, направленных на ограничение власти Президента, также усугубляли общее положение с проектом.

21 сентября 1993 года Президент Б.Н.Ельцин обнародовал указ №1400 «О поэтапной конституционной реформе в РФ», которым он упразднил законодательную ветвь власти и предложил Конституционному Суду РФ «не созывать заседания до начала работы Федерального Собрания»⁴. Этот указ противоречил действующей Конституции. Таким образом, Б.Н.Ельцин дал основание для отрешения его от должности, что и было сделано после заключения Конституционного Суда. Согласно Основному Закону, и.о. президента РФ, после обнародования указа №1400, становился вице-президент А.В.Руцкой, который уже ночью 22 сентября подписал ряд указов, в том числе, о назначении новых «силовых министров». ВС РФ продолжил свою работу. 23 сентября начались заседания X Чрезвычайного (внечередного) Съезда народных депутатов РФ, который являлся высшим органом власти в стране. Фактически, в России образовались два центра власти, отрицающие законность друг друга.

Большая часть населения предпочла не вмешиваться в конфликт, но уже вечером 21 сентября 1993 года у Дома Советов стали собираться люди, вставшие на защиту законодательной ветви власти. Из материалов свидетельских показаний видно, что люди пришли к Дому Советов прежде всего потому, что президент фактически попрал действующую Конституцию, а наилучший вариант будущего развития России пришедшие связывали именно с позицией законодательной ветви власти. По разным оценкам, ежедневно у Дома Советов собирались от 2 до 10 тысяч человек.

Средства массовой информации в большинстве своем встали на сторону президента. Причем, как явствует из документа, вышедшего из недр президентской администрации, СМИ было дано специальное указание о том, чтобы соответствующим образом формировать общественное мнение, создавать у граждан страны впечатление, что ничего экстраординарного не происходит, и представлять действия президента как норму и вынужденную необходимость⁵. «Российская газета» — официальное издание ВС РФ — была, как и ряд других «оппозиционных» газет, закрыта. ВС также лишился эфира — передача «Парламентский час» перестала выходить, какой-либо возможности высказываться в официальной прессе ВС не имел. Одновременно, в газетах постоянно появлялась информация, искажавшая развитие ситуации.

Субъекты федерации в основном поддержали законодательную ветвь власти. В течение 22–30 сентября уже 83 из 89 субъектов федерации высказались против указа № 1400. В то же время следует отметить, что эти решения были приняты на сессиях местных советов, тогда как представители президента, разумеется, встали на сторону Б.Н.Ельцина и его окружения. Позиция субъектов федерации была довольно сложной. Не признавая президентом нарушившего Конституцию Б.Н.Ельцина, они, в то же время, не считали главой государства и А.В.Руцкого⁶. Главным их требованием стало проведение одновременных досрочных выборов как народных депутатов, так и президента. С подобным предложением выступил и председатель Конституционного суда Валерий Зорькин. X Чрезвычайный Съезд также принял решение об одновременных перевыборах.

В политическом кризисе осени 1993 года ситуация, сложившаяся в высших эшелонах власти, тесным образом переплелась с событиями на улицах Москвы, с положением внутри и вокруг российского Белого Дома. 24.09. 1993 г. в Доме Советов была отключена телефонная связь, электричество, отопление и вода. Спустя 4 дня вокруг ДС уже протянулась спираль Бруно — колючая проволока. Проход к Белому Дому сторонников парламента стал невозможен. Некоторые, на свой страх и риск, пробирались туда по подземным коммуникациям, но этот путь был доступен и известен немногим. Кроме того, к Дому Советов не пропускались машины скорой помощи, хотя из-за холода и напряженной обстановки там было много заболевших. Подобные действия президента нарушили все положения о правах человека и даже вызвали возмущение части мировой общественности. Так, лейбористы в парламенте Великобритании потребовали снятия осады с Дома Советов и допуска представителей законодательной ветви власти к СМИ.

К концу сентября ситуация складывалась таким образом, что для выхода из кризиса необходимо было вновь искать компромиссное решение. Представители субъектов федерации, одним из центров консолидации которых стал г. Новосибирск, объявили, что, в случае невыполнения их требований об отмене указа №1400 и объявления одновременных

досрочных выборов, на территорию европейской части России будут прекращены поставки угля, нефти, газа, передача электроэнергии, приостановлена деятельность основных железнодорожных и автомагистралей. Угрозы субъектов федерации доходили до возможности образования единой сибирской республики⁷. Насколько представители местных Советов обладали тогда реальной властью — вопрос неоднозначный, но, в соответствии с действующей Конституцией, именно они являлись *высшими органами власти на местах*.

Прервавший свой визит в Сан-Франциско и вернувшийся в Россию Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексий Второй выразил готовность помочь в урегулировании политического кризиса и предложил провести при его посредничестве переговоры между представителями исполнительной и законодательной ветвями власти. Переговоры начались в ночь на 1 октября 1993 года и длились три дня. При изучении материалов этих переговоров складывается впечатление, что представители президента были заинтересованы в их затягивании. Нежелание решать важные политические вопросы, акцент на «проблеме оружия» в Доме Советов, одностороннее освещение происходящего в СМИ, сделали переговоры очень слабым инструментом в деле разрешения конфликта. Тем не менее, определенных успехов добиться удалось. Обе стороны признавали оптимальным «нулевой вариант»: возвращение к ситуации на момент подписания указа №1400, отмена всех вышедших после него указов, законов и распоряжений с обеих сторон; назначение одновременных перевыборов депутатов и президента не позднее марта 1994 года.⁸ 4 октября, в случае стагнации переговоров, субъекты федерации планировали предъявить ультиматум президенту. Складывалось положение, когда компромисс вот-вот мог быть достигнут, однако события на улицах Москвы прервали переговоры и послужили поводом для президента к применению силы против действующего парламента.

Во время политического кризиса осени 1993 года в Москве, как и ряде других городов страны, митинги проходили ежедневно. Они проводились как сторонниками парламента, так и президента. Численное и количественное превосходство, при этом, оставалось за митингами, проводившимися в поддержку законодательной ветви власти, хотя данное положение и замалчивалось в прессе. Часто митингующие становились объектом агрессивных действий ОМОНа. Людей оскорбляли, избивали и калечили. Один из таких митингов проходил возле станции метро «Баррикадная», когда ОМОНовцы загнали людей дубинками в вестибюль метро, а затем спускали некоторых с лестниц эскалатора и избивали. Только решительные действия милиции метро предотвратили возможное падение людей на рельсы.

Митинг на Смоленской площади 2 октября превратился в настоящее побоище: двое участников погибли, часть оказалась искалеченной.

3 октября сторонникам законодательной ветви власти, собравшимся на митинг на Калужской площади в Москве, было объявлено о его запрещении. Все улицы на подходах к площади были перекрыты за исключением одной — хода на Крымский вал. Это был тот самый проход, откуда открывался путь к Белому Дому. В связи с тем, что улица, по которой первоначально планировался проход демонстрантов, была перекрыта милицией, участники митинга двинулись в единственно свободном направлении — на Крымский вал, а оттуда — к Дому Советов. По пути они встречали лишь тонкие цепочки ОМОНовцев, которые без труда прорывали, и машины, оставленные с ключами зажигания⁹. Силы оцепления вокруг Дома Советов к этому времени были значительно ослаблены. Прорвавшиеся на площадь Свободной России перед Домом Советов демонстранты встретились с теми, кто много дней и ночей находился в оцеплении возле Белого Дома. Радость и ликование царили на площади. Разнообразные свидетельства очевидцев показывают высокий духовный подъем, который испытывали тогда демонстранты. Незнакомые люди обнимали друг друга. Отовсюду слышались возгласы «Победа!».

Как гром среди ясного неба, вдруг прозвучали выстрелы. Свидетели до сих пор не могут точно определить, откуда они раздались: то ли из гостиницы «Мир», где располагался оперативный штаб МВД РФ, то ли из здания мэрии, где в то время находился оперативный штаб ГУВД, то ли с крыш американского посольства и других домов вокруг Дома Советов. Ближе всех было здание мэрии, к тому же оно связывалось в сознании демонстрантов с противником и воспринималось как один из центров государственного переворота. Вероятно поэтому,

люди, окрыленные легкой победой, прорывом, спонтанно двинулись именно на мэрию. Приказ о штурме этого здания со стороны парламентариев последовал позже, когда основные силы уже были задействованы.

Штурм московской мэрии стал перепонкой точкой в политическом кризисе сентября — октября 1993 года. Пролилась кровь, было применено оружие. Переговоры в резиденции Патриарха прекратились. В произошедшем была обвинена парламентская сторона, хотя первые выстрелы произвела явно другая сила.

Последующее вслед за этим движение сторонников парламента к телекентру «Останкино» с целью захвата представляется абсурдным даже непосвященному человеку. Демонстранты обладали слишком малыми силами. Ситуация проясняется, если учсть некоторые дополнительные детали. Во-первых, большинство демонстрантов двинулось к «Останкино» не с целью штурма, а с требованием эфира. Во-вторых, колонне грузовиков, везущих сторонников ВС РФ к телекентру, удалось беспрепятственно добраться до конца. Мало того, по пути они встретили около десятка БТРов и грузовиков, двигавшихся в том же направлении. На многих из них были красные флаги, а очевидцы уверяют, что с машин им кричали «Мы с вами! Мы за вас!»¹⁰. Неудивительно, что прибывшие к «Останкино» демонстранты без особого страха выступали со своими требованиями.

События у «Останкино» завершились расстрелом массы безоружных людей. С БТРов, прибывших к телекентру, сняли красные флаги и направили их стволы против тех же людей, которым несколько часов назад кричали о поддержке. По официальным данным, у «Останкино» погибло 46 человек¹¹, несколько сотен получили ранения.

События, произошедшие в Москве 3 октября, позволили президенту Б. Ельцину объявить о введении чрезвычайного положения в столице и обосновать применение вооруженных сил против законодательной ветви власти.

Штурм Дома Советов, продолжавшийся с раннего утра 4 октября примерно до 17 часов вечера при помощи элитных воинских частей, поддержкой которых Б. Ельцин заручился еще в августе 1993 года, был еще более кровопролитным. Точного количества убитых мы не знаем, официальная цифра — 147 человек¹². Почти все свидетели событий 3—4 октября в Москве уверяют, что погибших было больше, но точных данных мы пока не имеем. Важно отметить, что помимо официальных вооруженных сил в штурме Белого Дома участвовали и другие военизированные группировки, действия которых унесли немало человеческих жизней.

5 октября был объявлен днем траура, и вскоре, усилиями СМИ, трагедия, произошедшая в России в сентябре-октябре 1993 года, была предана забвению. Появилась официальная трактовка этих событий, воспроизведенная в дальнейшем и в школьных учебниках, и некоторых научных изданиях. Все произошедшее определяется в них как закономерный и необходимый этап в развитии России последнего десятилетия XX века. Вместе с тем, изучение причин случившегося, равно как и хода самих событий, заставляет задуматься об их истинном значении. Была упразднена система Советов, но кем и когда была доказана ее неэффективность? Президент России, в соответствии с Конституцией 12 декабря 1993 года, обрел необычайно большие полномочия, но каковы и насколько весомы положительные результаты деятельности? Думается, что более необходим более вдумчивый подход к событиям, имевшим место в политической жизни России начала 1990-х годов и особенно сентябрь-октября 1993 года, научный анализ этих событий еще предстоит. Как результаты этих исследований позволят оценить последовавшее за этим развитие России и сущность созданной в стране политической системы, покажет время.

¹ Известия, 1991, 22 февраля

² Аргументы и факты, 1991, №41

³ См. Конституционный вестник, №№ 4, 8, 11, 13, 16

⁴ Москва. Осень-93: Хроника противостояния.— М., 1995.— С.5

⁵ Независимая газета, 1993, 25.09

⁶ ЦАОДМ, ф.8649, оп.1, д.8

⁷ ЦАОДМ, ф.8649, оп.1, д.16

⁸ См. Тишайшие переговоры (1—3 октября 1993 г. Запись фонограммы переговоров в Свято-Даниловом монастыре).— М., Б.г.

⁹ Свидетельства очевидцев об этом можно встретить во многих газетах, вышедших непосредственно после событий, в публицистических работах об Октябре 1993 г. в России, автор также имеет диктофонные записи свидетелей.

¹⁰ См., напр. свидетельство Слойкина В. // Бузгалин А., Колганов А. Кровавый октябрь в Москве.— М., 1994.— С.85

¹¹ Справка по погибшим в событиях 3—4 октября 1993 года // Антихрист в Москве: Спецвыпуск, посвященный событиям 21 сентября- 5 октября 1993 года (Материалы Общественного комитета «За нравственное возрождение Отечества» и Общественного объединения родителей и близких погибших и граждан, пострадавших в событиях 21 сентября- 5 октября 1993 года)/Под ред. Т.А.Астраханкиной.— М.,1997.— С.90

¹² Там же.— С.90